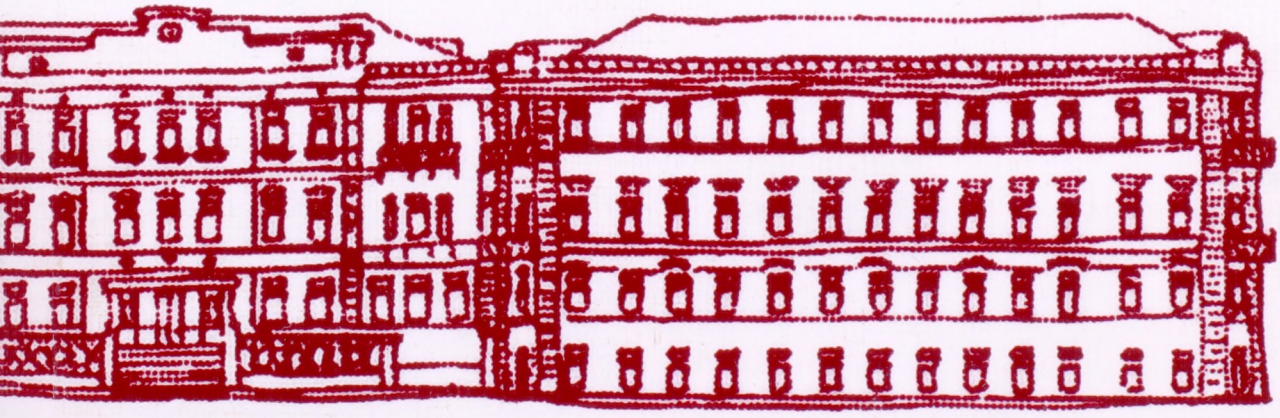
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

20

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

БЮЛЛЕТЕНЬ

Выпуск 20

Тезисы
VIII Съезда российских востоковедов

Казань, 25–28 сентября 2012 г.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 008(1-11)(06)
ББК 78.37
Б 98

Издание осуществлено при поддержке гранта РГНФ
№ 12-01-14034 г

Составители: Л. Б. Алаев, К. В. Бабаев, Д. Д. Васильев,
Л. Н. Латыпов, В. В. Наумкин

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Российской академии наук

Бюллетень Общества востоковедов. – Вып. 20 : Тезисы
Б 98 VIII Съезда российских востоковедов : Казань, 25–28 сентября
2012 г. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 264 с.

ISBN 978-5-9551-0586-4

В издание включены тезисы участников VIII Съезда российских востоковедов «Многофакторный анализ истории, культуры и религий Востока», проводимого 25–28 сентября 2012 г. в г. Казани.

ББК 78.37

ISBN 978-5-9551-0586-4

© Общество востоковедов России, 2012

Содержание

Авдаков И. Ю., Томберг И. Р. 15
(Москва)
Центр энергетических и транспортных исследований ИВ РАН

Аверьянов Ю. А. 18
(Москва)
Средневековые письменные источники
по мировоззрению алевитов Турции

Актаулова Б. Ж., Надирова Г. Е. 19
(Алматы)
Исламское сектантство в Казахстане: угроза реальная или мнимая?

Алексеев А. К. 21
(Санкт-Петербург)
Кафедра Центральной Азии и Кавказа Восточного
факультета СПбГУ: история, проблемы, перспективы

Алябьева А. Г. 23
(Краснодар)
Различны, но едины: о перспективах научного сотрудничества
в области музыкального востоковедения

Арсланова А. А. 27
(Казань)
Из опыта каталогизации персоязычных рукописных книг
в собрании Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского
Казанского (Приволжского) Федерального университета

Бабаев К. В. 31
(Москва)
Общество востоковедов России: планы и перспективы

Бадмаева Л. Б. 34
(Улан-Удэ)
Шаманистическая терминология бурят по летописным источникам

Бакаева Э. П. 38

К вопросу о сохранении этнической специфики
в условиях новой «волны» распространения
религии в «буддийских» республиках России

Бакланов А. А. 42
(Москва)

Влияние Иранской ядерной программы на состояние
режима нераспространения ядерного оружия

Беккин Р. И. 47
(Казань)

Исламская экономика как учебная дисциплина
в Казанском университете

Белоглазов А. В. 50
(Казань)

Политика России по обеспечению безопасности
в Центральной Азии в начале XXI века

Валеев Р. М. 54
(Казань)

Изучение истории российского востоковедения:
Итоги и перспективы (XIX — нач. XXI вв.)

Васильев Д. Д. 56
(Москва)

15 лет издания «Бюллетеней Общества востоковедов РАН»
и «Приложений» к ним

Владимирова Д. А. 59
(Владивосток)

Российско-китайские культурные контакты: каналы и формы

Воробьева С. Н. 61
(Самара)

Востоковедение как важный инструмент для понимания
миграционных процессов и интеграции мигрантов в России

Габдрахманова Г. Ф., Шафиева Г. М. 64
(Казань)

Арабская община в России:
формирование и проблемы адаптации

Газиева И. А. 66
(Москва)

Культура индийского виртуального дискурса

Галиуллин К. Р. 68
(Казань)

Россия и Восток: текстово-словарный интернет-фонд
русскоязычных документов XVI—XVII веков

Галяутдинов И. Г., Псянчин А. В.,
Псянчин Ю. В., Хисамитдинова Ф. Г. 69
(Уфа)

Востоковедение в Республике Башкортостан
в 2010—2012 гг: итоги и перспективы

Глушкова И. П. 71
(Москва)

Утрата индийской регионалистики как исследовательского
направления и проект-группа «Под небом Южной Азии»

Глушкова С. Ю. 73
(Казань)

Особенности теории лица восточных и западных стран
(сквозь призму лингвокультурологических особенностей
категории вежливости)

Грайворонский В. В. 76
(Москва)

Государственная политика Монголии
в области поддержки монголоведения в мире

Гукасян Г. Л. 78
(Москва)

Стратегия экономической модернизации
в арабских нефтеэкспортирующих странах Персидского залива
(на примере Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта)

Дамбиева А. Ф., Ламажаа Ч. К., Хертек Ч. Е. 80
(Москва)

Тезаурусный подход к исследованию
этнополитической истории Тувы

Дацышен В. Г. 81
(Красноярск)

Историческое образование и востоковедение в России:
исторический опыт и современные проблемы

Дашиева Л. Д. 85

Семантика обрядовых протяжных песен
монгольских народов

Дербенев А. С. 87

Американо-саудовские отношения в контексте
военно-стратегических приоритетов США
на Ближнем Востоке в 1939—1945 гг.

Дмитриев С. В. 90
(Москва)

Легендарная история уйгуров в «Стеле о заслугах
идук-кутов Гаочан-ванов». Некоторые размышления

Долгов Б. В. 93
(Москва)

Тезисы к докладу: «Арабская весна»
в Северной Африке: причины и перспективы

Другов А. Ю. 95
(Москва)

Светские корни религиозного радикализма на опыте Индонезии

Дувакин Е. Н. 97
(Москва)

Сибирско-монгольские связи
в области шаманской мифологии

Захаров А. О. 98
(Москва)

Современные тенденции в изучении древней
и средневековой истории Юго-Восточной Азии

Зеленев Е. И. 100
(Санкт-Петербург)

Понятия геокультура и хронокультура
в контексте востоковедного знания

Зиганьшин Р. М. 106
(Москва)

Религиозно-мифологический фактор
стабильности государства

Иванов В. В. 109
(Казань)

«Татаризация» миссионерской деятельности новых религиозных
движений неопротестантского типа в Урало-Поволжье

Идельбаев М. Х. 111
(Уфа)

Авторская изустная поэзия в системе
мировой и изустной словесности.
Взаимосвязь башкирской изустной поэзии
и письменной литературы

Имамкулиева Э. Э. 113
(Москва)

Осмысление причин и последствий арабской
весны в исторической перспективе

Канашев А. В. 115

Водные проблемы в Центральной Азии

Ким В. С. 117
(Челябинск)

Республика Узбекистан в структуре ШОС

Кобзев А. И. 119
(Москва)

Инструмент многофакторного анализа:
универсальная наука или науки об универсуме?

Крадин Н. Н. 122
(Владивосток)

Итоги российско-монгольских исследований
городов империи Ляо

Курманалиева А. Д., Рысбекова Ш. С. 124
(Казань)

Казахстанская модель межрелигиозного согласия

Ламажаа Ч. К. 127
(Москва)

Архаизация общества в период социальных трансформаций
(на примере Тувы)

Лебединский В. В., Пронина Ю. А. 130
(Москва)

Подводно-археологические исследования
как составляющая комплексного изучения
памятников истории и культуры

Лобашева А. А. 131
(Казань)

Алжир в системе современных
международных отношений

Лосева Е. С., Фролова Е. Л. 134
(Новосибирск)

О разработке блока «Культурология Востока» (ООП)
в рамках федерального государственного образовательного
стандарта 032100 «Востоковедение и африканистика»,
квалификация (степень) «магистр»

Лушников О. В. 136
(Пермь)

Трансформация «Монголосферы»
и постимперские процессы в Евразии

Мамараев Р. М. 138
(Москва)

Влияние глобализации на политизацию ислама в мире

Мартынов Д. Е. 140
(Казань)

О существовании феномена утопии в традиционной
общественной мысли Китая: к постановке проблемы

Меликов Т. Д. 143

Первый тюркологический съезд и проблемы
развития литературного турецкого языка

Минасян И. Д. 145
(Москва)

Армянская община Китая в первой половине XX века

Мосяков Д. В. 148
(Москва)

Основные противоречия американских
и китайских подходов к положению в АТР и ЮВА

Мухаметзянова-Дуггал Р. М. 152
(Уфа)

Государственная политика в сфере свободы совести
в России и Индии: сравнительный анализ

Нефедова Д. Н. 154
(Самара)

Кинематограф как способ сохранения традиционных ценностей
в современном индийском обществе

Орлова К. В. 157
(Москва)

Монгольские рукописные собрания в Улан-Баторе

Панина Е. В. 160
(Москва)

Новые образовательные методики — шаг в будущее
(Activity Based Learning в школах Южной Индии)

Пименова М. В. 161
(Кемерово)

Тюркоязычный мир: концептуальные системы и картины мира

Раванди-Фадаи Л. М. 165
(Москва)

Национальная политика ИРИ

Рахимова А. Р. 172
(Казань)

Основные направления изменений в турецком языке XX века

Романова Е. Н. 174
(Якутск)

Северные тюрки-саха в контексте
историко-культурного наследия
евразийской цивилизации

Рукодельникова М. Б. 176
(Москва)

К 20-летию востоковедения в РГГУ.
Итоги и перспективы

Сачко Г. В. 179
(Челябинск)

«Евразийский союз» В. В. Путина
как научная проблема «внутреннего Востока»

Сергеева Т. С. 181
(Казань)

Музыкальное востоковедение как одно из новых направлений
отечественной науки

Серен П. С. 183
(Кызыл)

Эвфемизмы со значением «mori»
в языке сенгельских тувинцев монголии

Сибагатов Ф. Ш. 185
(Уфа)

Жанр ***сира*** в творчестве Р. Фахретдинова

Синецкая Э. А. 187
(Москва)

Коммуникативная функция китайской художественной прозы

Смирнова Г. И. 190
(Москва)

Проблемы социально-экономического развития Республики Судан
и Республики Южный Судан

Старцев А. В. 193
(Барнаул)

Подготовка востоковедов в Алтайском государственном университете

Стрельцов Д. В. 196
(Москва)

О деятельности Ассоциации японоведов

Суворов М. Н. 199
(Санкт-Петербург)
Проблемы и перспективы изучения в России
современной арабской литературы

Телебаев Г. Т. 201
(Казахстан, Алматы)
Ислам в современном Казахстане

Тикаев Г. Г. 203
(Махачкала)
К вопросу об истории преподавания арабского языка
и перспективах арабистики
в Дагестанском государственном университете

Тихонов Ю. Н. 206
(Липецк)
Советско-афганские переговоры по пограничным вопросам в 1940 г.

Усманова Л. Р. 208
Россиянки в российско-японских межкультурных браках:
проблемы адаптации
(по материалам социологического исследования)

Усманова Д. М. 210
(Казань)
Мусульманское «сектантство» в Российской империи:
реальные угрозы или мнимые фобии?
«Ваисовский Божий полк староверов мусульман»
в позднеимперской России

Хаджиева Г. У. 211
(Казахстан)
Цивилизационный подход
к исследованию моделей развития стран Востока

Хайрутдинов Д. Р. 214
(Казань)
Научная фантастика в современной арабской литературе

Хаматова А. А. 217
(Владивосток)
О подготовке востоковедов в ДВФУ в новых условиях

Хасавнех А. А. 220
(Казань)

Мухаммад Мурад Рамзи и некоторые его сочинения,
написанные в жанре «табакат»

Хохлов А. Н. 221
(Москва)

Тюрколог Н. Ф. Катановкак исследователь ислама в цинском Китае

Худяков Ю. С. 225
(Новосибирск)

Опыт и перспективы подготовки специалистов
по археологии для стран центральной азии
в новосибирском государственном университете

Цветкова Н. Н. 226
(Москва)

Страны Востока и глобализация: многофакторный анализ

Черешнева Л. А. 228
(Липецк)

К 70-летию «августовской революции» 1942 г. в Индии:
новые документы и дисскуссионные проблемы

Черникова Л. П. 230
(Уфа)

Современные российские соотечественники
о Китае и китайцах
(страна глазами россиян на рубеже XX—XXI вв.)

Чуфрин Г. И. 234
(Москва)

Евразийская экономическая интеграция: этапы трудного пути

Шаблей П. С. 237
(Костанай)

Основные подходы к изучению мусульманских институтов
в казахской степи (XVIII—XIX в.) в современных казахстанских,
российских и западных исследованиях

Шаниязов К. К. 242
(Ташкент)

Евангельские истории в произведениях
средневековых арабо-мусульманских историков

Шарко А. В. 256
(Токио)

К вопросу о китаизмах в русском языке

Шешенин С. Е. 245
(Москва)

Аспирация и аффрикация в консонантизме
ишкашимского языка

Щур Д. Д. 250
(Санкт-Петербург)

Изучение средневековых традиций
и современных технологий
образовательной системы Ирана
исследователями Санкт-Петербурга, России и зарубежья

Эльсабрути Р. Р. 251

Арабская рукопись «Жемчужины диковин и чудес»

Юсупова Т. И. 254
(Санкт-Петербург)

Некоторые особенности историографии
российско-монгольского научного сотрудничества

Ягафарова Г. Н. 256
(Уфа)

О традициях и перспективах башкирской лексикографии

Ягудин Б. М. 258
(Казань)

Опыт научно-исследовательских центров
по изучению проблем Евразии
(на примере центра евразийских и международных
исследований казанского университета)

Яковлев А. И. 261
(Москва)

Развитие культуры в модернизированном обществе Востока:
опыт Саудовской Аравии на рубеже XX—XXI веков

Авдаков И. Ю., Томберг И. Р.
(Москва)

Центр энергетических и транспортных исследований ИВ РАН

Бурные события в мировой экономике и политике в последние три-четыре года актуализируют задачу повышения устойчивости российского хозяйства, едва выдержавшего удары финансового кризиса. Понятно, что решающую роль в стабилизации экономики и ее переводе на модернизационные рельсы сыграют внутренние факторы. Вместе с тем оценки существа происходящих в мировом хозяйстве перемен могут помочь в определении зон устойчивости, прочные связи с которыми означают дополнительные возможности защиты от новых, вполне вероятных потрясений. Традиционный для зарубежных и российских исследований подход основан на представлении о нарастающей интеграции в концентрирующуюся вокруг ядра из развитых стран и рынков мировую экономику не входящих в это ядро государств. Этот в целом правомерный подход на нынешнем этапе глобализации необходимо совмещать с данными о растущем полицентризме мирового хозяйства и его усиливающейся регионализации. Оба явления во многом связаны с наблюдаемым выходом Китая на роль новой сверхдержавы, деформирующей прежнюю архитектуру отношений между Центром и Периферией, Западом и Востоком.

Особое значение в связи с этим приобретают оценки (прогнозы) темпов и степени устойчивости экономического роста в Китае. К концу первого десятилетия XXI в. усиление позиций Китая в мировой экономике и политике приобрело новое качество. Преодолев последствия глобального финансового кризиса 2008—2009 гг., эта страна выдвинулась в число ведущих игроков на рынках промышленных товаров, сырья, топлива и капитала. На фоне вялого восстановления в развитых странах экономическая ситуация в КНР становится все более важным фактором международной конъюнктуры, что впервые поставило перед исследователями проблему изучения этой ситуации с точки зрения ее воздействия на мировое хозяйство. В частности, предварительные наблюдения показывают резкое

усиление воздействия приростов потребления ряда сырьевых и топливных товаров в КНР на уровень их цен на мировом рынке.

Кроме того, выход Китая на роль новой сверхдержавы ведет к фрагментации мирового рынка энергоресурсов по политическим мотивам, анализ которых представляется столь же необходимым элементом комплексного подхода к проблеме. Это стало особенно очевидным после событий 2011 года в Северной Африке, где экспансия Китая в добычу топлива натолкнулась на противодействие западных стран.

Учитывая особую важность энергетического сектора для интересов России Центр проводит научные исследования по следующим основным направлениям:

- анализ ряда отраслевых и региональных параметров китайской экономики, с особым вниманием к энергетическому сектору;
- отслеживание внешней экономической экспансии Китая в энергетическом секторе мирового хозяйства;
- изучение тенденций в инвестиционной политике КНР как одному из важнейших факторов экономического роста, а также структурных сдвигов в хозяйстве Китая и результативности стратегии стимулирования внутреннего спроса;
- мониторинг изменений в энергобалансе КНР, связанных с внедрением новых источников энергии, перспективы частичного перехода на неконвенциональные источники, в частности, заменители природного газа (МУП, сланцевый газ);
- оценка ситуации на рынках отдельных энергоресурсов, построение прогнозов их потребления в Китае;
- пристальное внимание уделяется изучению вопросов энергосбережения и экологии в современном Китае;
- уточнение факторов, благоприятных или неблагоприятных для расширения сотрудничества России и КНР в энергетической области на межгосударственном, корпоративном и региональном уровне;
- подготовка материалов для прогнозирования по ряду существенных для российской политики и бизнеса моментов, включая оценку инвестиционного потенциала двустороннего сотрудничества и движение цен на региональных и мировых рынках под воздействием китайского фактора.

В соответствии с Концепцией деятельности Центра, основным направлением является работа по изучению экономических, технологических, коммерческих аспектов формирующегося азиатского энергетического рынка и его отдельных страновых или региональных составляющих, а так же транспортного сектора экономик стран региона и востока России. Взаимоотношения в энергетической сфере, лежащие в плоскости внимания таких дисциплин как политология, конфликтология и другие, неизбежно выводят исследования на междисциплинарный уровень научного осмысления, доступный лишь серьезным исследовательским коллективам. В этой связи, важнейшая задача Центра — координация исследований всех подразделений Института, имеющих отношений к энергетической и транспортной проблематике. Существенным аспектом деятельности Центра является подготовка специалистов — исследователей и аналитиков — на базе аспирантуры и докторантуры ИВ РАН.

В условиях формирования новой модели развития мировой экономики транспорт рассматривается в качестве инструмента реализации национальных интересов, обеспечения вхождения России в мировую экономику в качестве полноправного партнера. ЦЭТИ проводит большую координирующую работу в рамках Общеинститутской проблемной группы по транспорту, включающей представителей нескольких отделов и центров Института. Работа по транспортной проблематике велась в основном по следующим направлениям:

- Экономические проблемы развития транспорта отдельных стран Азии;
- Транспортная интеграция стран-членов ШОС;
- Создание единого Евроазиатского транспортного пространства;
- Региональная транспортная интеграция в ЦАР и Каспийском регионе.

Аверьянов Ю. А.
(Москва)

Средневековые письменные источники по мировоззрению алевитов Турции

Течение алевитов возникло на территории Малой Азии после переселения туда тюркских племен из Закаспия в XI—XIII вв. и образования государства Сельджукидов Рума со столицей в Конье. Точные данные о присутствии алевитов или близких к ним религиозных групп среди турецкого населения в современных событиям источниках обнаружить достаточно сложно. Например, из персидских и арабских летописей мы узнаем о восстании дервишей-бабаи в 1240 г. против Сельджукидов, закончившемся почти полным истреблением его участников, но об учении этих дервишей информации в источниках почти нет. Лишь более поздние сочинения на османско-турецком языке приводят некоторые подробности, касающиеся мировоззрения бабаи, но достоверность этих сведений установить нелегко, поскольку при передаче устных рассказов на протяжении двух столетий, вплоть до их письменной фиксации, в них могли вноситься некоторые изменения в духе новой эпохи.

В то же время формируется корпус жизнеописаний «святых людей», стоявших у истоков турецкой культуры Малой Азии, среди которых видное место принадлежит так называемым «хорасанским эренам», последователям Хаджи Бекташа Вели. Эти жизнеописания сообщают много интересных фактов, не нашедших отражения в летописях, и дают более полное представления о верованиях народных масс («народной религии») Анатолии, отличавшихся синкретизмом и наличием многих архаических черт и образов, общих для многих местных народов, начиная с глубокой древности. В Турции в настоящее время имеются критические издания многих памятников такого рода раннеосманской эпохи, но их изучение пока еще находится в стадии сбора материала и не получило серьёзного теоретического осмысления. Мы не можем сказать, что перед глазами исследователей имеется ясная картина взаимодействия и взаимопроникновения различных учений в «эпоху бейликов» (XIV—XV вв.), когда в каждом тюркском княжестве Малой Азии

проявлялись тенденции к созданию своих собственных «мифов» и особой идеологии.

Эти процессы остались незаконченными по причине османского завоевания в XV в., но на их основе в дальнейшем развивались новые «протестные» движения, о которых свидетельствуют богатый документальный материал XVI в. Именно в этот период, во многом благодаря поддержке со стороны шиитского государства Сефевидов в Иране, стали возникать более организованные сообщества шиитского толка, известные под названием «кызылбаши», которые в ходе своего противостояния с османскими властями опирались на определённую идеологию, опиравшуюся на корпус священных текстов. Изучение средневековых трактатов и духовных стихов алевитов в нашей стране ранее фактически не проводилось. Между тем, это совершенно особая разновидность турецкой литературы, весьма отличавшаяся по содержанию и назначению от официальной османской литературы (типологически эта литература сходна с литературой старообрядцев в России, как особым феноменом внутри русской культуры). Первые опыты по переводу произведений алевитской традиции на русский язык должны быть продолжены и принять более планомерный характер, учитывая важность этой традиции для истории турецкой культуры и культуры Ближнего Востока в целом.

❋

Актаулова Б. Ж., Надирова Г. Е.
(Алматы)

Исламское сектантство в Казахстане: угроза реальная или мнимая?

Спустя двадцать лет после обретения независимости религиозная ситуация в Казахстане стала гораздо сложнее и , если можно так выразиться, «конфликтогеннее», чем ожидалось в обществе и во властных структурах. Предполагалось, что религия, с одной стороны, заполнит идеологический вакуум, образовавшийся после краха

коммунистической идеологии, с другой стороны — станет стабилизирующим фактором, способным объединить определенные слои под лозунгами возрождения высокой морали, нравственных ценностей и лояльности к режиму, демократично допустившему свободу вероисповедания. Вряд ли кто-то реально представлял и просчитывал последствия этой стратегии. В результате, в сфере ислама, который считается религией 70% населения Казахстана, мы имеем на сегодняшний день

- увеличение числа исламских общин, многие из которых не признают и не подчиняются Духовному Управлению Мусульман Казахстана. Как правило, такие общины включают в себя нижние социальные страты (сельское и маргинальное население, трудовые мигранты) и/или представителей условного среднего класса (прежде всего, гуманитарная интеллигенция);
- разделение мусульман по этническим секторам (уйгурские, узбекские мечети и др.);
- активизация деятельности так называемых «нетрадиционных религиозных групп» и групп, близких к ним по своей структуре (в том числе — замкнутых вокруг «учителя», с признаками тоталитарной секты), в плане пропаганды своих концептов, привлечения сторонников, а в отдельных случаях — проникновения во властные структуры (например, сайентологи, кораниты, суфии).(Религиозная ситуация в РК: тренды и риски. http://www.ipr.kz/analytics/1/1/169#.T-9I-1L32CU)

В этой связи возникает вопрос — можно ли охарактеризовать эти «нетрадиционные религиозные группы» как секты и, если да, то представляет ли их деятельность опасность для общества, или эти опасения преувеличены.

Как нет однозначного определения понятия «религия», так нет и общепринятого определения понятия «секта». Есть мнение, что секта — это группа лиц, имеющая отличия в вероисповедании и обрядах от доминирующей в данном обществе религии. Также существует мнение, что секта — это авторитарная организация, целью создания которой ее лидеры видят обогащение. Некоторые полагают, что главным признаком любой секты является ложь при вербовке и психологическое манипулирование членами организации и т. д. и т. п. Таким образом, вопрос определения понятия «секта»

так же не имеет однозначных ответов. (©Питанов В. Ю. Традиционные религии и сектантство: постановка проблемы)

Однако неопределенность отношения общества и государственной власти к тому, как должна развиваться и какие формы принимать религиозная жизнь, создает риски дестабилизации всей страны.

Мы уже являемся свидетелями различных экстремистских актов, от террористических атак до массовых беспорядков, ответственность за организацию которых власть возлагает на радикальные религиозные группы.

Учитывая наличие различных клановых группировок внутри и вокруг властных структур и борьбу их интересов, не исключено, что казахстанские группы влияния будут использовать или даже организовывать религиозно окрашенные акции для межэлитной борьбы и давления на власть.

Основную опасность представляет «политизация ислама» — то есть, стремление под исламскими лозунгами влиять на существующий в Казахстане политический строй.

❋

Алексеев А. К.
(Санкт-Петербург)

Кафедра Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ: история, проблемы, перспективы

Всестороннее изучение Центральной Азии и Кавказа, важнейших транзитных регионов мира, оказывающих воздействие на безопасность в Евразии, является актуальной и перспективной научной задачей. В рамках СПбГУ исследование в области политической и социально-экономической истории, религий и этнографии народов Центральной Азии и Кавказа возложено на одноименную кафедру, созданную в 1994 г. в результате реакции востоковедческой общественности Санкт-Петербурга на происходившие глобальные изменения в Евразии.

В основу подготовки студентов на Кафедре был положен комплексный регионоведческий подход, сочетающий в себе черты классической востоковедной подготовки, нацеленной на изучение мусульманской части Центральной Азии и включающий в себя изучение литературного фарси, арабского и турецкого языков. Для работы с рукописными памятниками студенты также слушали специальные курсы по османскому и чагатайскому языкам.

Такой подход позволил восполнить пробелы, имевшиеся в туркестановедение с того времени, как данная дисциплина совершенно несправедливым образом, была исключена из востоковедческой подготовки.

Однако классическая подготовка не решает всех задач, стоящих при подготовке специалиста-туркестановеда. Необходима также серьезная подготовка по современным государственным языкам стран Центральной Азии. Осознавая эту задачу, кафедра в последнее время успешно внедряет в учебный процесс преподавание таджикского и узбекского языков (совместно с кафедрой тюркской филологии). Однако в отношении преподавания казахского, киргизского и туркменского языков даже в качестве спецкурсов, мы сталкиваемся с целым рядом проблем.

С 2001 г. кафедра открыла кавказоведческое направление («Отделение Кавказа и Турции»). В 2002 г. на Восточном факультете начало свою работу отделение «Кавказоведение» с профильными армянским и грузинским языками, позднее переведенное на Кафедру Центральной Азии и Кавказа. В 2006 г. был произведен повторный набор на данное отделение. В последствии к специализациям кафедры добавилось отделение «Истории Кавказа (Армения)». В 2012 г. кафедра планирует осуществить прием на отделение «Истории Кавказа (Грузия)». Для взаимодействия с другими кафедрами и развития преподавания кавказоведческих дисциплин в 2008 г. на факультете был создан Межкафедральный центр кавказоведения, объединивший в своих рядах преподавателей и научных сотрудников различных специальностей, связанных с изучением Кавказа.

В настоящее время на кафедре преподают 9 сотрудников (зав. кафедрой проф. Т. И. Султанов, к.и.н., доцент А. К. Алексеев, доц., Т. Б. Балаян, ст.науч. сотр., к.и.н. З. А. Джандосова, асс. Д. Г. Кикнадзе, асс. В. А. Крылова, ст. преп. Т. В. Мкртчян, ст. преп. Т. В. Моносова, доц., к.и.н. А.М.-о. Фарзалиев).

Несмотря на определенные успехи, позволяющие говорить о восстановлении петербургской научно-педагогической школы центральноазиатских и кавказских исследований (за время своей относительно недолгой работы кафедра подготовила более 50 выпускников, из которых 10 защитили кандидатские диссертации и работают ныне в различных научных и коммерческих структурах, сотрудниками кафедры опубликовано более 40 монографий и разделов в коллективных монографиях, более 20 учебных и учебно-методических пособий, более 400 научных работ), остается целый ряд проблем, вызванных необходимостью создания и развития учебно-методических комплексов. За то время, что *среднеазиатоведение* и *кавказоведение* в Санкт-Петербурге развивалось в рамках смежных востоковедных дисциплин, были утрачены многие компоненты, которые необходимо восстанавливать или создавать заново в настоящее время. Учитывая потребности современного времени, жизненно важной остается также задача развития северокавказских исследований и преподавания языков Северного Кавказа.

❋

Алябьева А. Г.
(Краснодар)

Различны, но едины: о перспективах научного сотрудничества в области музыкального востоковедения

Область интересов музыкального востоковедения достаточно ярко отражает оппозиция «Восток-Запад», которая, в свою очередь, в определённом историческом контексте демонстрирует разную степень проявленности и актуальности. В отечественном музыкознании определённая сложность изучения внеевропейских музыкальных культур обусловлена тем, что музыковеды, получая академическое образование и воспитываясь на образцах профессионального творчества европейских композиторов, сталкиваются с необходимостью смены научной парадигмы в том случае, если

сфера их научных интересов выходит за пределы «европейского». Данный процесс становится возможным только при условии включённости исследователя в востоковедческую проблематику. Так, например, без учёта фундаментальных исследований в области истории, этнографии, филологии, семиотики, изобразительного искусства и т. д. невозможно приблизиться к пониманию традиционной музыкальной культуры Индонезии, поскольку история развития цивилизации островного государства, каким является Индонезия, весьма сложна и противоречива.

Индонезия — страна тысячи островов, которые населяют более 150 народностей. Несмотря на все разнообразие островных культур Нусантары, исследователи обращают внимание на их глубинное единство, предопределенное общими этническими корнями народов Индонезии, условиями их жизни, совместно испытанными внешними влияниями и мобильностью населения, обусловившей постоянные межостровные и межъязыковые контакты. Изучение индонезийской культуры как единой системы весьма широко представлено в работах многих видных отечественных ученых-востоковедов (Г. Г. Бандиленко, Д. В. Деопик, Л. М. Демина, Б. Б. Парникеля, С. С. Кузнецовой, В. С. Кулланды, И. Ф. Муриан, Е. В. Ревуненковой, М. А. Членова и др), кроме того, возможность подобного рассмотрения определяется понятием «историко-культурный регион», разрабатываемого в отечественном востоковедении.

Индонезия с древнейших времен имела торгово-экономические связи с другими странами — Индией, Шри-Ланкой, Индокитаем, Филиппинами, Австралией, подвергаясь сильным внешним религиозным и культурным влияниям, во многом определявшим ее духовный мир и политическое устройство. Так, последовательное проникновение в Индонезию индийской (индуистско-буддистской), мусульманской и европейской цивилизаций предполагало мощное воздействие их религиозно-философских систем, причем восприятие новой культурно-идеологической доминанты не исключало дальнейшего развития предшествующей. Индонезийская специфика как раз и заключается в сугубой органичности, имманентности их взаимодействия. Буддизм, ислам, христианство — все это мирно сосуществует в сознании индонезийцев.

Как отмечают отечественные ученые, восприятие мировых религиозно-философских доктрин в Индонезии отличается боль-

шим своеобразием и представляет собой сплав автохтонных верований с этими религиозными системами. В данном контексте возникает вопрос — что явилось той основой, которая позволила осуществить органичность восприятия иных религиозно-философских систем?

Ведущей религией в Индонезии является ислам — его исповедуют около 90% населения. На протяжении последних четырех столетий ислам занимал доминирующее положение в истории Индонезии. Ученые, рассматривая особенности исламизации Индонезии, обращают внимание на тот факт, что ислам в данном регионе принимает особую форму, отличающуюся от ортодоксального. Так, представители различных социокультурных групп, проживающих на Яве (*абанган* — крестьяне, исповедующие доиндийские автохтонные религии — анимизм и культ предков; *прияи* — приверженцы кодекса утонченности, их духовные ценности формировались не без влияния индуизма во времена славных Восточно-Яванских империй (X—XVI вв.); *сантри* — строго следующие мистической форме мусульманской религиозной практики), в той или иной форме исповедуют ислам и обладают некоторыми общими чертами, что делает различия между ними относительно сглаженными. Примером подобного религиозного взаимодействия могут служить церемонии, проводимые в храмовом комплексе Прамбанан (Центральная Ява): в них принимают участие представители всех перечисленных типов обществ.

С особым пониманием индонезийцы относятся к идеям суфизма (мистико-философского направления в исламе), который становится одной из распространенных форм мусульманского вероисповедания в Индонезии в XVI — начале XVII в. Учитывая общие, характерные для всех направлений исламского мистицизма особенности, можно сделать вывод о том, что специфика восприятия исламской религии в Индонезии во многом определяется высокой значимостью мистического чувства, опыта, знания. Именно мистические элементы ислама были востребованы индонезийцами в первую очередь и получили дальнейшее развитие.

Отметим, что восприятие предшествующих исламу религиозно-философских систем также отличалось своеобразием. В течение почти пятнадцати веков господствовавшими религиями на Яве были индуизм (с культом Шивы), буддизм (хинаяны и махаяны) и

снова индуизм (с культом Вишну). Элементы этих философских учений были восприняты сравнительно легко, так как в основе своей ранний индуизм Индии и религии Явы имели общие черты: анимизм, культ предков (Ю. В. Маретин). В древних государствах и крупных государственных объединениях Нусантары I—VII вв. почитание индуистских божеств стало формой возвеличивания монарха и его предков и постепенно наполнялось традиционными элементами культа предков и веры в духов. В середине VIII века на Центральной Яве к власти приходит династия Шайлендра (Властители Горы). Монархи этой династии, как и суматранские правители, были сторонниками буддизма махаяны и всячески проповедовали его мистическое направление — ваджраяну. Во время правления махараджи Ишанавикрамы (929—947 гг.) был составлен свод буддийских догм мистического учения тантраяны.

Учитывая, что «...мистическое настроение — явление общечеловеческое, встречающееся всюду»[1], можно предположить, что именно мистицизм как общечеловеческое явление становится той основой, которая объединяет автохтонные верования индонезийцев с иными религиозно-философскими системами. Объяснение этого феномена, возможно, следует искать, прежде всего, в *специфике мифологического мышления,* для которого особое значение имеют эмоциональные импульсы, аффективные состояния, магические и мистические представления (коллективные представления по Л. Леви-Брюлю). В данном случае становится очевидным, что весьма перспективным становится изучение музыкальной составляющей индонезийской культуры (оркестр гамелан, трансовое действо, театр ваянг и т. д.) в русле проблематики «мифологическое/внемифологическое»[2].

Таким образом, пытаясь понять традиционную культуру Индонезии (музыкальную культуру в том числе), необходимо учитывать особенности мировоззрения ее представителей[3], которые возможно

---

[1] *Розенберг О. О.* Труды по буддизму. М., 1991. — С. 209.

[2] Согласно идее Лотмана Ю. М. и Успенского Б. А. о принадлежности культуры к мифологическому типу (*Лотман Ю., Успенский Б.* Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 249—260).

[3] В настоящее время в русле востоковедческого направления отечественными учёными-музыковедами активно разрабатываются различные под-

адекватно понять только в системе востоковедческого научного знания. Реализация данного аспекта, направленного на развитие научного сотрудничества, несомненно принесёт позитивные результаты при определении различных форм взаимодействия между традиционной и современной культурой.

Арсланова А. А.
(Казань)

Из опыта каталогизации персоязычных рукописных книг в собрании Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета

Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета является одной из крупнейших в России. Современное собрание арабографических рукописей в значительной степени сформировалось здесь в основном после 1917 г.

В 2005 г. в г. Москве нами был издан первый выпуск «Описания рукописей на персидском языке Научной библиотеки Казанского университета», количественно условно составляющий первую половину из числа единиц хранения, внесенных в инвентарные книги. Описание выполнено в соответствии с общими принципами, принятыми для составления каталога персидских и т. д.икских рукописей Института востоковедения РАН на основе единой схемы-формуляра. В электронном виде, как мы думаем, данная работа послужит основой для создания солидной базы данных, которая поможет облегчить доступ к рассматриваемому рукописному материалу.

Персидские рукописные книги в рассматриваемой коллекции составляют примерно 5—10% от всей восточной коллекции и хронологически охватывают огромный период — с XIV по конец XIX в. В основном они представляют собой списки сочинений, из-

---

ходы, учитывающие специфику традиционных культур: Юнусова В. Н., Галицкая С. П., Алкон Е. М, Алпатова А. С, Сергеева Т. С., Карелина Е. К., Лисовой В. И., Лупинос С. Б., Шамилли Г. Б. и др.

вестных по другим опубликованным каталогам и справочникам. Географически они представлены следующими регионами: Поволжье, Средняя Азия, Афганистан, Турция, Иран, Ирак и т. д.

В целом тематический репертуар коллекции персоязычных рукописей КГУ очень разнообразен. Здесь представлены труды по астрологии, астрономии, математике, логике, медицине, теологии (учения и обряды ислама, догматика, эсхатология), по религии и Корану [тафсиры, искусство чтения Корана (таджвид), предания (хадисы), сборники молитв и их толкований, истории пророков, религиозный ритуал, суфизм], истории, юриспруденции (фикх), грамматике и лексикографии (словари), языкознанию, поэтике и поэзии, географии, политике, этике, магии и т. д. Многие персоязычные рукописи представляют собой списки известных персидских сочинений, например, таких выдающихся классиков, как Фарид ад-Дин ‘Аттар (1120—1229), Са’ди Ширази (ум.1292), ‘Абд ар-Рахман Джами (1414—1492), Хафиз (1325—1390) и др. Библиотека располагает рукописью части «Хамсе» («Пятерицы») Амира Хусрау.

Из рукописей на персидском языке большой интерес представляют, например, «Ахлак-и Мухсини» — сочинение по этике XVI в. в рукописи XIX в. персидского ученого Камал ад-Дина ал-Ва’иза ал-Кашифи.

Определенную часть коллекции персидских рукописей составляют словари. Имеются персидско-турецкий словарь XVI в. «Лугат-и Ни’маталлах» Ни’маталлаха ибн Ахмад ибн Мубарак ар-Руми (список 1731 г.); персидско-турецкий словарь «Сихах-и ‘аджаб» мавлана Баркави (список 1825 г.); толковый словарь (в основном суфийской терминологии) ‘Абд ар-Рахима б. Ахмад Сури «Кашф ал-лугат» в рукописи XIX в.; толковый словарь редких и малоупотребительных персидских слов «Фарханг-и Джахангири» Джамал ад-Дина Хусайна Инджу (список XIX в.); толковый словарь трудных арабских слов «Хуласат ал-лугат ва тафсир ал-мушкилат» (составлен не позднее 1510 г.) Исма’ила б. Лутфаллаха ал-Бахарзи (список 1845 г.) и др.

В коллекции Казанского университета имеются персоязычные рукописи, содержащие сочинения по истории. В основном они относятся к истории Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Среди них можно указать, например, богато иллюминированный список 1856 г. сочинения Банакати «Раузат ули-л-албаб фи тава-

рих ал-акабир ва-л-ансаб» (1317—18 г.) — обычно называемого «Тарих-и Банакати», повествующего об истории от Адама до (официального) вступления на престол Абу Са'ида; рифмованную историю «Тимур-наме» Абдаллаха Хатифи в списке XVIII в. — о жизни и подвигах Амира Тимура; список 1876 г. «Тарих-и А'сам ал-Куфи» — посвященный истории Халифата от вступления на престол Абу Бакра до смерти Муста'сина (252/866 г.); список XIX в. «Тарих-и Абдаллах-хан» Хафиз-и Таныша (написан между 1584—1590 гг.), в котором подробно излагается политическая история Средней Азии, Казахстана и сопредельных с ними стран Востока в XVI в.; список 1595 г. II тома всеобщей истории «Тарих-и Раузат ас-сафа» Мирхванда; бухарский список 1857 г. всеобщей истории «Мир'ат ал-'алам» Сахаранпури; списки 1832 и 1839 гг. сочинения «Тазкира-и Муким-хани» историка XVIII в. Мухаммада Йусуфа мунши б. Хваджа Бака Балхи, содержащего важные сведения по истории Средней Азии, в частности, династии Шайбанидов и Джанидов (Аштарханидов); список 1752 г. сочинения 'Абд ал-Хакка Дихлави «Джазб ал-кулуб ила дийар ал-махбуб», посвященного историко-географическому и топографическому описанию Медины (написано в 1589—90 — 1592—93 гг.); список 1824 г. сочинения «Тухфа-и исна-'Ашарийа» Шайха Абу-л-Файз-и Дихлави, посвященного изложению с суннитских позиций истории шиизма за 12 веков хиджры и др.

Важное место в коллекции занимают рукописи по естественным наукам: медицине и фармакологии, географии, математике и геометрии, астрономии и т. д.

В области астрономии, например, большую ценность представляют комментарий под названием «Зидж» Улуг-бега в списке 1732 г., «Шарх-и зидж-и Улуг-бег» в списке 1820 г.; «Тухфат ал-низамийа» (список 1672 г.); «Шарх-и бист баб дар ма'рифат-и астурлаб» Низам ад-Дина ал-Бирджанди (список 1778 г.) и др.

Значительную часть коллекции Казанского государственного университета составляет кораническая литература, в частности, тафсиры (комментарии на Коран).

Среди них можно отметить, например, комментарий к 58 избранным сурам Корана Мухаммада б. ал-Хусайн б. Ал-Фудайл ал-Ва'иза под названием «Зад ал-музакирин» в списке 1798 г., «Тафсир-и Йа'куб Чархи» в списке XVIII в. Автор — Йа'куб б. Ос-

ман б. Махмуд б. Мухаммад ал-Газнави, а затем ал-Чархи, ученик известного бухарского шейха Баха ад-Дина Накшбанда и учитель не менее известного среднеазиатского ишана — Ходжи Ахрара, один из выдающихся руководителей ордена Накшбандийа (хваджаган), видный писатель по вопросам суфийско-дервишеской теории. Йа'куб Чархи толкует 49 сур Корана с позиций суфизма.

«Тафсир аз-Захиди» Абу Насра б. Ахмада Сулаймани (список XVIII в.). Его автор — аш-Шейх ал-Имам аз-Захид Абу Наср Ахмед б. Хусейн б. Ахмед аз-Зарийи ас-Сулеймани ад-Дарваджаки ал-Бухари. Труд закончен в Бухаре 9-го шавваля 519/8 ноября 1125 г. По-видимому, очень редкий комментарий.

Библиотека располагает также тафсиром под названием «Тафсир-и Хваджа Парса» (список XVIII в.). Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд ал-Хафизи ал-Бухари, или Хваджа Мухаммад Парса, выдающегося ученика Баха'ад-Дина Накшбанда.

Несомненный интерес вызывает и распространенный комментарий на Коран «Тафсир-и Хусайни» (список 1873 г.) гератского писателя и проповедника эпохи Тимуридов — Маулана Хусейна б. Али ал-Ва'иза ал-Кашифи (ум. в 910/1505 г.) посвящен знаменитому узбекскому поэту и писателю 'Алишеру Навои. Иногда он называется еще «Дары, преподносимые Алишеру (Навои)», иначе, в просторечии, этот труд носит название «Хусейново объяснение [Корана]».

Значительную часть коллекции персидских рукописных книг составляет литература по мусульманскому праву (фикх) и др.

Бабаев К. В.
(Москва)

Общество востоковедов России: планы и перспективы

Более чем вековое существование в России объединения востоковедов отмечено было многочисленными реорганизациями, реформами и переименованиями. В трудные этапы жизни нашей страны Общество востоковедов несколько раз прерывало работу и вновь возобновляло её, нередко в новом качестве. При этом, тем не менее, бережно сохранялась стрежневая идея Общества — объединение учёных, деятелей образования и культуры, посвятивших себя изучению стран и народов Востока.

В 2011 г., в связи с реорганизацией структуры Российской Академии наук, научные общества были выведены из-под непосредственного управления РАН. В том же году была проведена регистрация Общества востоковедов России — преемника ранее существовавшего Общества востоковедов РАН. Сегодня обновлённое Общество проводит свой первый Съезд, восстанавливает списки своих членов и ставит перед собой новые долгосрочные задачи.

Безусловно, одной из важнейших функций Общества остаётся именно организация главного востоковедческого форума страны — Съезда востоковедов, проходящего каждые два года. Эта традиция будет продолжена, а география проведения Съездов будет и дальше расширяться, охватывая и традиционные, и новые, растущие центры российского востоковедения. Очень важно при этом, чтобы наряду с отечественными специалистами к работе Съездов привлекались учёные из стран бывшего СССР, во многих из которых востоковедческие науки сегодня находятся на подъёме. С этой целью в рамках каждого Съезда проходит Научная Ассамблея востоковедов Евразии, куда приглашаются представители академической и университетской науки из всех государств постсоветского пространства. Традиции обмена научным опытом, новыми открытиями и достижениями между востоковедами различных стран Евразии должны только крепнуть, и основным инструментом для этого должно стать Общество востоковедов России.

Не следует забывать, однако, что в периоды между Съездами востоковедов тесные и интенсивные связи между учёными, научными и образовательными институтами не могут прерываться. Именно поэтому одним из перспективных проектов Общества востоковедов является создание инфраструктуры взаимодействия и сотрудничества между коллегами, работающими в самых разных регионах России, соседних государств. В век Интернета это возможно осуществить более эффективно, чем когда-либо. Общество востоковедов открыло свой Интернет-сайт (http://www.orientsociety.ru), планируется сформировать общую платформу для размещения новостей, анонсов научных и культурных мероприятий, объявлений и другой полезной информации, которую могли бы как получать, так и самостоятельно размещать все члены Общества. Интерактивное общение — тот ресурс XXI века, который нам необходимо взять на вооружение, чтобы поднять на новый уровень информированность наших коллег о деятельности друг друга, о возможностях совместной деятельности.

С этой же целью будет продолжено регулярное издание и распространение Бюллетеней Общества востоковедов России. Общество заключило ряд договоров с издателями и распространителями, которые позволят существенно укрепить возможности публикации и распространения Бюллетеней Общества по всему миру. Двадцатый выпуск Бюллетеня, вышедший в свет к нынешнему VIII Съезду, будет распространён среди членов Общества, направлен по почте в научные библиотеки, научно-образовательные центры России и стран СНГ. Его электронная версия, как и электронные версии последующих выпусков, будет доступна в свободном доступе на сайте Общества и на других Интернет-площадках. Планируется повысить и периодичность выпуска Бюллетеня, включив в него материалы различных востоковедческих конференций, симпозиумов, статьи и воспоминания отечественных востоковедов.

При этом ассортимент публикаций Общества не должен ограничиваться Бюллетенями и приложениями к ним. В наших планах — издание под грифом Общества научных монографий, отчётов о научных экспедициях, тематических сборников статей по итогам различных проектов, в организации которых будет принимать участие Общество. Помимо собственно научной составляющей, мы заинтересованы в популяризации идей востоковедения и должны

способствовать повышению интереса общественности к изучению Востока. Таким образом, издание научно-популярных работ, дневников путешествий, художественных произведений авторов стран Востока также представляется чрезвычайно интересным и перспективным направлением нашей просветительской работы.

Проведение тематических научных мероприятий — ещё одно приоритетное направление деятельности Общества. Мы приглашаем наших членов выступать с инициативами проведения конференций по одной из дисциплин или тематик востоковедческого знания. При поддержке Общества такие конференции могут проходить на площадке Института востоковедения РАН, других академических институтов и университетов различных городов России. Очень важной является роль научно-культурных и научно-образовательных мероприятий — презентаций книг, выставок, концертов, образовательных семинаров — которые может и должно инициировать именно Общество востоковедов. Для проведения подобных мероприятий Общество планирует наладить сотрудничество не только с государственными институтами, но и с частными фондами и корпорациями, заинтересованными в поддержке различных отраслей науки, культуры народов Востока.

Общество будет всемерно поддерживать создание новых отделений, а также дочерних Обществ. Мы всецело заинтересованы в том, чтобы на площадке Общества рождались объединения специалистов по изучению отдельных стран, регионов Азии и Африки, отдельных востоковедческих дисциплин, а также региональные филиалы Общества. Эта практика, взятая на вооружение ещё в годы существования Ассоциации востоковедов СССР, доказала свою эффективность и должна быть продолжена, а задача Общества — содействовать этому процессу как организационно, так и материально.

Огромное значение Общество востоковедов России придаёт аспектам международного сотрудничества. Представители России приняли самое активное участие в международном конгрессе ICANAS-37 в 2004 году, наши востоковеды входят в состав руководства этого крупнейшего объединения востоковедов мира. В планах Общества — интенсифицировать сотрудничество как с международными востоковедческими организациями, так и с максимальным числом партнёрских научных центров за пределами постсоветского

пространства, содействовать установлению рабочих взаимоотношений между российскими и зарубежными институтами и отдельными учёными, совместных проектов с объединениями востоковедов других стран. Именно поэтому мы призываем наших членов обращаться в Общество для того, чтобы с его помощью установить контакты со своими коллегами в любом регионе мира. Мы также планируем держать наших членов постоянно в курсе предстоящих международных мероприятий по различным востоковедческим дисциплинам, способствовать распространению информации о том, что происходит в мире востоковедения за пределами России. В век открытого общества мы, конечно, не имеем права на изоляцию.

Общество востоковедов России вступает в новый этап своей вековой истории. Каким он будет — решать нам: всем тем, кому интересен удивительный и многогранный мир стран, народов, языков и культур Востока. Добро пожаловать в Общество востоковедов России!

❃

Бадмаева Л. Б.
(Улан-Удэ)

Шаманистическая терминология бурят по летописным источникам[1]

У бурят существует богатое летописное наследие на старомонгольской письменности, созданное в XIX — начале XX вв. Так, уникальный языковой материал содержится в летописи Вандана Юмсунова "*Qori-yin arban nigen ečige-yin ǰon-u uγ iǰaγur-un tuγuǰi*" — 'История происхождения народа 11 хоринских отцов', датированной 1875 г.

Как отмечает первый исследователь бурятских летописных памятников Н. Н. Поппе, "... хроника Вандана Юмсунова ценна не только сообщенными в ней фактами из истории бурят, но также ин-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 33 «Музыка шаманского культа западных бурят» (2012—2014).

тереснейшими сведениями по шаманским верованиям хоринских бурят; третья глава полностью посвящена описанию шаманских ритуалов и представляет собой, можно смело утверждать, непревзойденную работу по бурятскому шаманству, равной которой нет в русской бурятоведческой литературе" [ЛХБ, 1935, с. IX].

Обозрение шаманистической лексики летописного текста В. Юмсунова показывает, что он содержит в себе фактический материал по обрядовой стороне шаманизма. Любой обряд можно выразить вербально. Так, раньше существовал обычай выкупа жизни, обмена души больного, захваченной владыкой смерти Эрликом (Ямой) и находящейся в его руках. Для этой цели из сена или соломы вязали человеческую фигуру, рисовали на бумаге человеческое лицо и привязывали его к голове чучела, надевали на него хорошую шапку, одежду, пояс, штаны, сапоги больного и сажали его около больного, а для езды его привязывают снаружи к коновязи лучшего коня или быка, надев на него полную сбрую и седло с потником. С наступлением темноты шаман устраивал разного рода камлания, а после полночи чучело в одежде больного выносили, сажали на приготовленное верховое животное, отвозили в степь. Снимали с него всю надетую на него одежду, и эту соломенную фигуру, называемую *золиг*, сжигали в огне. Всю снятую одежду, коня и седло брали с собой и оставляли вне юрты. С наступлением утра шамана отвозили домой вместе с теми вещами, с большими подарками и живой овцой.

Этот семиотический текст вербально изложен В. Юмсуновым в летописи под § 44 [ЛХБ, 1935, с. 109—110].

В тексте даны характеристики персонажей шаманских мифов (*kihang ulaγan tngri, čakilγan čaγan tngri, odon ǰayaγan tngri, köke mangqan tngri, güǰir günggür tngri, boγom-a maqaǰi tngri, ata-a ulaγan tngri, qotoli uluγan tngri, kükügcüi noyan tngri* и т. д.).

Автор в каждом абзаце дает обобщенное описание шаманского предмета и определение тому или иному шаманскому ритуалу, например, *tegünü udaγ-a mön dörben qusun modun-i tebkerlen ǰoγoǰu: teden-dur mön singdaγan-u: kermen-ü arisu terigüten-i uyaγad: teden-ü iruγur-tu 2 mongsoγur modun degere: qabtaγai modu dibisked: teqüni sine bögelekü kümün-i ugiyaqu yengder gekü:* — 'Вслед за ними водружают тоже четырехугольником четыре березы, привязывают к ним также шкурки беляка, белки и других зверей. У основания бе-

рез накрывают два круглых бревна доской и называют это "*помостом омовения нового шамана*" [ЛХБ, 1935, с. 98].

Затем следует подробное и последовательное описание обряда посвящения в шаманы, называемого "*шанар*", который представляет собой сложный комплекс ритуалов, таких как 1) *eke čaγan činar* 'мать-белый шанар', 2) *burqan γarbul-un činar* 'шанар родовой преемственности', 3) *qamniγan γarbul-un činar* 'шанар хамниганского рода', 4) *yeke činar-un ǰula tabilγan* 'положение лампад великого шанара' 5) *eke čaγan činar-un yeke ugiyal* 'великое омовение матери белого шанара', 6) *üdülge-yin süni* 'ночь проводов', 7) *9-deki ǰil-ün noyitun činar* 'сырой шанар девятого года' и др. В процессе описания указанных ритуалов автор приводит характеристики предметов шаманского атрибута.

Из летописного текста выявлены следующие шаманистические термины: *daγurisq-a* 'дурисха — шаман высшего ранга, имеющий все посвящения', *ǰaγalmai* 'крестовина', *bardaγ* 'небольшие грабли, окрашенные в красный цвет', *daγtai* 'кусок бересты, сложенный треугольником, в который вкладывают подношение (масло и сметану)', *amitai ugiyal-un yengder* 'помост омовения амитая', *sine bögelekü kümün-i ugiyaqu yengder* 'помост омовения нового шамана', *qabčiγuly*-a 'лоскутки материи, подвешенные на уняа (жерди, которые поддерживают крышу юрты)', *tüsürge* 'толстое дерево, пропущенное через дымовое отверстие юрты и украшенное разноцветными лоскутками', *mayiqabči* 'ритуальный головной убор шамана', *dalabči / ǰiber* 'наплечники или крылья (ткань с пришитыми изображениями змей и шкурками зверей, нашитая вокруг воротника)', *iligebči* 'короткая по пояс шуба шамана с пришитыми 25 медными кольцами и многочисленными колокольчиками и бубенчиками', *sorbi* 'шаманские трости', *amitai* 'шаманские принадлежности', *amitai-yin tasiγur* 'кнут амитая, сплетенный из налимьей кожи, кнутовище из тамариска', t*oyibur* 'колотушка, которой бьют в шаманский бубен', *yisünggüd* 'помощники шамана — расторопные люди в количестве от 3 до 9 для оказания беспрекословной помощи шаману', *toli* 'зеркало из гладко полированной меди', *ordo* 'небольшая сумка, сшитая из войлока, где хранится онгон', *iltasu* 'человеческая фигурка из железа, если это мужчина, из меди, если это женщина, олицетворяющая тело онгона', *ǰüküli* 'дерево, на которое подвешена шкурка барана с ногой и головой', *degürge* 'вьюк,

который кладется поперек седла, перед ездоком (вознаграждение шамана)' и др. [Бадмаева, 2012, с. 106—107].

В. И. Рассадин вслед за Г. Д. Санжеевым ключевые термины бурятского шаманизма стп.-монг. *iduγan, niduγan,* зап.-бур. *одигон,* бурНУ *идаган,* дагур. *ядаган* 'шаманка' возводит к др.-тюрк. ïduq 'священный,-ая', а термин стп.-монг. *böge*, бур. *бөө* 'шаман' — к др.-тюрк. *bögü* 'мудрец, мудрый' [2007, с. 65]. Тюркское происхождение этих терминов свидетельствует о древних взаимосвязях тюркского и монгольского этносов в области ранних верований. Обозрение шаманистической терминологии показывает, что эти термины создавались и формировались в народной речи как результаты конкретных номинативных процессов, характерных для бурятского языка. Данный пласт лексики бурятских старописьменных памятников содержит в себе фактический материал по истории и этнографии, мифологии и языку бурят прошлой эпохи, представляя названия уже исчезнувших реалий и понятий, таких как *tüsürge*, *daγtai*, *dalabči / ǰeber*, *ordo*, *činar*, *iltasu* и др. Возможно, рассмотрение шаманистической лексики летописных текстов будет способствовать делу «описания и адекватной реконструкции некоторых шаманских обрядов, в т.ч. и уже утраченных» [Дашиева, 2012, с. 67], важных при разработке жанровой типологии шаманской музыки бурят.

Литература

1. *Бадмаева Л. Б.* Языковое пространство бурятского летописного текста. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. — 295 с.
2. *Дашиева Л. Д.* Музыка шаманского культа западных бурят: к вопросу жанровой типологии // Materiály VIII mezinárodni vědecko — practická conference "Dny vědy — 2012". — Dil 64. Administrativa. Hudba a život, Praha. Publishing House "Education and Science". — 67—69 stran.
3. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н.Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — Т. IX. — Вып. 1. — 172 с.
4. *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности Ч.1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. — Элиста: Изд-во Калм. Ун-та, 2007. — 165 с.

Бакаева Э. П.

К вопросу о сохранении этнической специфики в условиях новой «волны» распространения религии в «буддийских» республиках России[1]

Анализ современной религиозной ситуации в «буддийских» республиках России свидетельствует, что в среде буддистов страны наблюдаются процессы, направленные на сохранение наследия народной культуры. В то же время эти процессы отличаются различной степенью интенсивности и связаны с разными группами верующих.

Как известно, процессы распространения мировой религии в этнические среды сопровождались формированием особых ее форм, специфика которых обуславливалась особенностями как социально-экономического развития общества, так и его культуры. Как характерный признак мировой религии, приспособляемость к народным верованиям и в целом этнической культуры определила наличие особых форм и в буддизме. Формирование различных направлений учения также обуславливалось конкретными социальными условиями и спецификой культурных традиций.

В традиционном обществе, для которого характерны относительная самостоятельность развития и глубокая сохранность этнических особенностей культуры, проблема «истинного» и «неистинного» учения сводится, в основном, к вопросу об идентичности текстов, непрерывности линий передачи знания, функционирования образовательных институтов и наличием взаимосвязей с религиозным центром.

В России конца XX века «возрождение религии» происходило в особых условиях. Особая ситуация сложилась в регионах распространения буддийской религии, которая являлась традиционной для калмыков, бурят, тувинцев, а также алтайцев; причины такого положения определены как особенностями географического положения (близостью или отдаленностью от крупного и авторитетного

[1] При поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-21-03003.

религиозного центра), так и конкретными историческими реалиями общества и этническими традициями.

В истории буддизма XVI—XVII вв. (время широкого распространения среди монгольских народов тибетской формы этой мировой религии) большую роль сыграли взаимоотношения между крупными тибетскими иерархами – главами разных школ – и представителями разных монгольских и ойратских (западномонгольских) этнополититических объединений. Тесные контакты между ламами из тибетских школ и лидерами разных этнополитических групп определили формирование особых институтов, повлиявших, в свою очередь, на сложение этнически-специфических форм буддизма в среде монголов, бурят, калмыков и других ойратских народов. Научные исследования по истории буддизма монгольских народов в большей степени затрагивают конкретный ареал и социально-экономические условия развития одного из этносов. Исключение составляет коллективная монография, в которой авторы осуществили попытку создания обобщающей картины истории буддизма в СССР и России в постперестроечное время2. В литературе еще недостаточно освещено влияние таких факторов на сложение региональных форм буддизма монгольских народов, как различная среда обитания, разная степень влияния китайской культуры, причины разного уровня сохранения шаманской традиции др.

Все вышеизложенное следует учитывать при исследовании проблемы так называемого «возрождения» буддизма в регионах его традиционного распространения в России. При анализе судеб современного развития данной религии у монгольских народов необходимо учитывать следующие положения: этническая специфика региональных форм сложилась в традиционных обществах; в разных ареалах бытования тибетского буддизма происходила ассимиляция местных верований; в иноязычной и инокультурной среде, в которой оказались калмыки, наблюдалась консервация ряда элементов традиционной культуры, которые были утрачены в регионах, в которых происходило влияние древней и богатой культуры Китая, результаты которого зачастую не воспринимаются как таковые; вследствие наличия прямых связей с Тибетом среди калмыков

---

[2] История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985—1999 гг. М.: Фонд современной истории, 2010.

имели распространения определенные традиции, в то время как бурятские и тувинские буддисты в институционально-организационном и культурном плане были связаны с монгольскими буддистами; традиции обучения в монгольских или тибетских монастырях имели следствием опору на определенный круг литературы, и др.

«Обновленческая» волна в российском буддизме наблюдалась в начале XX века, когда Тибет стал открытым миру благодаря политике Далай-ламы XIII, а в России после первой русской революции открылись более широкие возможности для свободы вероисповедания. В этот период наблюдалось большое влияние тибетской буддийской культуры, проявлявшееся как в широком распространении религиозной литературы, повышенном внимании к вопросам религиозного образования, так и в проникновении новаций в сфере обрядовой культуры, культового искусства и др. Архивные документы свидетельствуют о большом внимании, которое уделялось лидерами калмыцкого буддизма («обновленцами») вопросам реформирования образования, а также влияния «знахарей» (называвшихся бё или удган), практику которых, по их мнению, сократить, развивая тибетскую медицину. Необходимо отметить, что так называемые бё и удган в Калмыкии начала XX века являлись представителями особого института, сложившегося вследствие успешной борьбы с шаманскими верованиями; практика их заключалась в лечении и гадании. В этот же период в Бурятии, Туве шаманская традиция по-прежнему развивалась, и вопрос о борьбе с ними не стоял столь остро.

Современный период новой «волны» распространения буддизма ставит проблемы определения границ «этнического» в «возрождающейся» форме религии. Институциональная, социальная, этническая идентичности имеют в данном аспекте решающее значение. Современные тенденции развития буддизма в России показывают, что упомянутые три аспекта в деятельности религиозных лидеров Бурятии определяют поступательное дальнейшее развитие религиозных институтов и религиозной культуры, сохраняющей этническую специфику. В определенной степени таковой ситуации способствует тот факт, что традиция передачи учения не прерывалась в годы репрессивной политики советского государства.

В Туве, где на протяжении столетий сохранялась как шаманская, так и буддийская практика, после длительного отсутствия официальных буддийски центров возрождение данной религии идет ак-

тивно, группы учеников получили образование в монастырях Бурятии и Индии. В Туву регулярно приезжают тибетские учителя. В то же время проблема специфики тувинского буддизма остается актуальной. Так в 1997 г. во время учредительного съезда буддистов Республики Тыва, на котором было создано Управление Камбы-ламы Республики Тыва (УКЛРТ), М.В. Монгуш проведен социологический опрос среди участников съезда. По ее данным, результаты опроса показали следующее: 60% опрошенных высказались за возрождение и развитие исторически сложившегося тувинского варианта буддизма; 25% отдали предпочтение классическому тибетскому варианту; 15% сочли возможным развитие тувинского буддизма с использованием тибетского варианта. На вопрос, как они отнесутся к женскому монашеству, если оно появится в Туве, 75% опрошенных дали положительный ответ[1].

В Калмыкии проблемы сохранения этнической специфики культуры в условиях «возрождения религии» определили постановку вопроса о «народной религии», которая сопоставляется с шаманскими верованиями (как и столетие назад), и «чистом учении», распространяющемся из тибетских центров. Широкое распространение тибетского буддизма на Запад обусловило превращение Калмыкии в один из крупных буддийских центров. При этом более чем полувековой запрет на религиозную деятельность буддийских священнослужителей и открытие храмов, прерывность традиции в передаче учения обусловили, с одной стороны, благодатную почву для новой волны распространения религии в среде неофитов, с другой – сохранность традиционных «народных» форм в религиозной практике верующих буддистов старшего поколения, под влиянием которых с сформировались первые группы учеников, направленных в конфессиональные учебные заведения Монголии (1990 г.), Бурятии (1991–1992 гг.), тибетских монастырей Индии (1993 и последующие годы). Специфика системы образования в каждом из конфессиональных ученых заведений определяет формирование традиционных для них линий преемственности в передаче знаний. В данном аспекте «передача» знаний через открове-

[1] [*Монгуш М. В.* Современное состояние буддизма в Туве // Круг знания. Кызыл, 1998. №1. С. 6] Цит. по: История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985—1999 гг. М.: Фонд современной истории, 2010. С. 126—127.

ние, ритуал, характерная для народного буддизма и сохраняющаяся в среде верующих, не приемлема для нового поколения буддистов, получивших традиционное монастырское образование. Налицо сосуществование двух традиций: монастырской и народной, которые связаны с определенными социальными слоями верующих и этническими традициями. Потому термин «возрождение» столь неоднозначен в аспекте анализа современной религиозной ситуации в Калмыкии.

Таким образом, современный период показывает возможные варианты дальнейшего развития традиций буддизма.

Бакланов А. А.
(Москва)

Влияние Иранской ядерной программы на состояние режима нераспространения ядерного оружия

В ситуации с Ираном США пытались использовать подход, хорошо зарекомендовавший себя при решении проблемы ливийского ОМУ, подход «двойного влияния» – смесь силового инструментария контрраспространения с фактическим выкупом ядерной программы. С одной стороны, США должны были проводить достаточно жесткое силовое давление, как морально-психологическое, т. е. угрозы применения силы и наложения санкций, а с другой, ЕС предлагал бы выгодное Ирану экономическое сотрудничество в интересующих его областях. Но в отличие от Ливии, которая легко поддавалась подобному давлению вследствие своей экономической слабости и слабой позиции в регионе, Иран оказался значительно более независимым и сильным региональным игроком, что позволило ему эффективно сопротивляться нажиму. При этом Иран прилагал и прилагает максимум усилий, чтобы остаться в глазах мировой общественности честным подписантом ДНЯО, что придает ему

ореол жертвы политики «двойных стандартов», проводимой США и их союзниками.

Иранская ядерная программа наглядно продемонстрировала несостоятельность современных средств и подходов к нераспространению, выявила основные симптомы кризиса сложившегося режима. Имеющиеся в арсенале «великих держав» инструменты по ограничению расползания ядерного оружия оказались недейственными. Это подтверждается и тем, что к пяти признанным ядерным державам в разное время присоединялись такие страны, как Индия, Пакистан, Израиль. Действия США в русле своей доктрины контрраспространения, приведшие к началу войны в Ираке в 2003 г., а также последствия этой войны ставят под сомнение возможность США вести подобные войны в ближайшем будущем. Таким образом, возможность силового сценария разрешения иранского кризиса представляется маловероятной, что делает позицию Ирана неуязвимой для силового варианта.

Также стоит выделить проблему контроля и проверки в контексте иранского кризиса. Растущие взаимосвязи и взаимозависимости в мировой торговле, прогресс в промышленном развитии создают для большего количества игроков возможности приобрести чувствительные технологии, совершенствовать их или производить самостоятельно. Это усложняет как контроль над экспортом, так и проверку соблюдения договора. В рамках режима нераспространения сталкиваются друг с другом различные концепции сотрудничества. С одной стороны, они основываются на посылке, что все стороны – участники режима в принципе готовы к сотрудничеству. Инспекции и проверки имеют скорее характер мер по созданию доверия. С другой стороны, требования к проверке и контролю стали более строгими. После обнаружения факта наличия ядерных программ в Ираке и Северной Корее стала очевидной необходимость реформирования МАГАТЭ. В 1997 г. был разработан Дополнительный протокол к уже имеющимся мерам безопасности, который разрешал МАГАТЭ проводить еще более строгие инспекции. В соответствии с Дополнительным протоколом государства – члены режима нераспространения обязаны предоставлять общий отчет о своих действиях в области ядерной энергии и обеспечить МАГАТЭ доступ ко всем релевантным объектам и сооружениям, а не только

к тем, которые были заявлены государством, где проводится проверка[1]. В то же время наблюдается значительное падение доверия к результатам проверок, что ведет к их обесцениванию в глазах мировой общественности. Так, например, ведущие американские специалисты Сокловски и Кордесман считают проверки неэффективной мерой и охотнее делают ставку на стратегии отказа от предоставления технологий. Они полагаются при этом скорее на свои собственные знания и опыт. Такое отношение к результативности проверок со стороны американских ученых (хотя технические средства для них в целом улучшились) является симптомом кризиса и легко подтверждается продолжающимися попытками Вашингтона наложить на Иран санкции, не придавая особого значения позитивным для ИРИ результатам проверок.

Ядерная программа Ирана, не встретив на своем пути серьезных препятствий со стороны международного сообщества, продолжает развиваться и вносит дестабилизирующий элемент как в международную систему МО, так и в ее ближневосточную подсистему. Это привело к началу гонки вооружений на Ближнем Востоке, что, в свою очередь, способствует неконтролируемому расползанию ядерного оружия. Как было сказано выше, ядерными технологиями сейчас интересуются не только такие крупные страны, как Саудовская Аравия, Египет, Турция, Сирия и Иордания, но и мелкие государства, входящие в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива. Иранский опыт приобретения технологий в ряде стран в обход норм экспортного контроля еще раз подчеркивает несовершенство существующего механизма обмена информацией о попытках неядерных государств нелегально приобрести чувствительные технологии и оборудование.

Тот факт, что механизмы режима нераспространения и инструментарий американского контрраспространения оказались неэффективны, объясняется и отсутствием единой позиции среди стран участников диалога с Ираном. Профессор Джорджтаунского Университета по исследованию безопасности, член Центра Мира и Исследований Безопасности Пол Пиллар заявил: «Санкции Совета Безопасности ООН могут быть достаточно эффективны. Главное,

---

[1] *Fischer D.*, History of the IAEA. The First Forty Years. Wien: IAEO, 1997. P. 297.

чтобы против страны, на которую мы пытаемся воздействовать, действовала не одна или несколько стран, а складывался общий фронт. Успех в диалоге с Ливией был достигнут в связи с тем, что на страну были наложены многоуровневые санкции и оказано давление на Каддафи»[2]. Довольно ярким фактом, демонстрирующим несогласованность позиций стран по вопросам распространения, была попытка СССР в 1970-е гг. запретить экспорт технологий ЗЯТЦ, тогда США, исходя из геополитических и коммерческих соображений, в частности в отношении поставок в Иран, отказались от такой меры и по непонятным причинам не хотят принимать ее до сих пор. Не стоит также забывать и о постоянной готовности ЕС к компромиссу и желании воздерживаться от применения жестких санкций. Отсутствие наказания за постоянное нарушение резолюций СБ ООН подрывает доверие не только к механизмам принуждения режима нераспространения, но и к международно-правовой системе в целом.

По мнению профессора В. Кулагина, вся система нераспространения, которая была создана Договором о нераспространении оружия массового уничтожения и вытекающими отсюда положениями, деятельностью МАГАТЭ, подошла сегодня к критическому рубежу, что достаточно ярко демонстрирует иранский кризис. Дело в том, что всем государствам разрешается проводить работы по обогащению урана до уровня 4—5% (в мирных целях). Всем государствам разрешается перерабатывать облученное топливо, выделять и даже хранить плутоний, но нужно 25 кг обогащенного урана (свыше 90%) или 7 кг плутония, для того чтобы создать ядерное взрывное устройство. И здесь нет никаких ограничителей, МАГАТЭ только осуществляет надзор. Государство может в одночасье выйти из ДНЯО без каких-либо санкций. Сейчас, по существу, перед международным сообществом стоит задача поставить заслон этим лазейкам, которые есть в ДНЯО. Но получается интересная вещь: например, Германия как член «Евротройки» уговаривает Иран не заниматься обогащением урана, на что представители Ирана могут ответить, что Германия, являясь неядерным государством, имеет ЗЯТЦ и не испытывает международного давления. В. Кулагин так-

---

[2] Pillar P. R. Iran May Not Be Behind Coalition Attacks // http://www.cfr.org/publication/12559/pillar.html.

же отмечает, что политика двойных стандартов и дальше будет порождать кризисы, подобные иранскому[1].

Рассмотрение иранского досье в Совете Безопасности высветило также и важную международную проблему исполнения решений этого органа по вопросам нераспространения и реагирования на действия государств, не желающих подчиниться его предписаниям, обязательных для всех членов ООН. Имеющийся опыт не дал убедительного однозначного ответа на вопрос, какой тип реагирования на подобные действия, вызывающие озабоченность международного сообщества, более эффективен. В связи с этим по-новому встали проблемы применения широкого диапазона средств воздействия по линии Совета Безопасности, их оперативности, соразмерности, информационного обеспечения. Все без исключения резолюции данного органа по иранскому вопросу не смогли заставить Тегеран даже частично свернуть свою ядерную деятельность.

Региональная иранская проблема остро ставит проблемы глобального нераспространения: право стран на полный ядерно-топливный цикл, создание многосторонних картелей по гарантированным поставкам ядерного топлива для АЭС, право ведущих держав на меры контрраспространения, в том числе силовые, вопрос эффективности современной системы экспортного контроля, политика двойных стандартов ведущих международных акторов. Все больше и больше стран, воспользовавшись прецедентом Ирана, начинают проявлять интерес к ядерным технологиям, причем не только мирной направленности. Вызывает озабоченность и тот факт, что подавляющее большинство стран региона рассматривает иранскую ядерную программу в качестве угрозы собственной безопасности и предпринимает шаги по парированию данной угрозы, наращивая как конвенциональные, так и неконвенциональные вооружения. В то же время можно говорить и о положительном воздействии иранского ядерного кризиса. Прежде всего, стоит отметить, что благодаря ему активизировались переговоры по созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке, что, несомненно, идет на пользу стабилизации ситуации не только в регионе, но и в мире. Од-

---

[1] *Кулагин В. М.* Современное состояние режима нераспространения и ситуация вокруг Ирана // http://old.mgimo.ru/content1.asp?UID=%7B19C994CC-6480-4E1C-B5D2-2EC374CE8949%7D.

нако прогресс в данной области призрачен, что обусловлено общим падением интереса арабских стран к данному вопросу и сильным противодействием Израиля и его главного партнера – США.

Таким образом, можно заключить, что фактически ситуация с ядерной программой Ирана затронула все три опоры режима нераспространения: нераспространение, разоружение и мирное использование атома, высветив весь спектр слабых звеньев в каждой из них.

❋

Беккин Р. И.
(Казань)

Исламская экономика как учебная дисциплина в Казанском университете

Начало массового предложения на рынке образовательных услуг следует датировать 2006 годом, когда в Казани при Российском исламском университете (РИУ) был учрежден Российский центр исламской экономики и финансов (РЦИЭФ), одной из задач которого была подготовка специалистов по исламской экономике и финансам. Создатели Центра предполагали, что он будет предоставлять образовательные программы для населения, преподавателей и работников финансовых институтов в России и в странах СНГ. Однако Центр с поставленной задачей не справился.

Мощным стимулом для развития образовательных программ стала реализация Федеральной целевой программы по развитию мусульманского образования. Программа стартовала в 2007 г. В Казани вузами-партнерами по реализации указанной программы выступили Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (ТГГПУ)[2] и РИУ. Программа предусматривала подготовку преподавателями и сотрудниками ТГГПУ учебных пособий и УМК по исламской экономике для дальнейшего преподавания этой дисциплины и других, близких ей в рамках подготовки бакалавров

[2] С 2010 г. ТГГПУ вошел в структуру Казанского (Приволжского) федерального университета и получил наименование Института филологии и искусств.

по мировой экономике в ТГГПУ (специализация «Исламская экономика»). Фактически это означало, что подготовка специалистов по исламской экономике будет поставлена на поток.

Однако довольно скоро стало ясно, что в условиях отсутствия каких-либо исламских финансовых институтов в России подготовка филологов-востоковедов, специализирующихся на исламской экономике, является неэффективным расходованием государственных средств. Тем не менее этот сомнительный образовательный эксперимент не был приостановлен.

Одной из преподаваемых дисциплин в учебном плане кафедры регионоведения и исламоведения, созданной в декабре 2010 г. в структуре Института востоковедения и международных отношений КФУ, предусмотрена исламская экономика. На мой взгляд, на сегодняшний день это наиболее оптимальная схема преподавания исламской экономики в рамках подготовки специалистов-востоковедов.

Однако вышесказанное отнюдь не означает, что преподавание учебной дисциплины «Исламская экономика» следует ограничить рамками специальности «Зарубежное регионоведение».

Исламская экономика, как мне представляется, обязательно должна преподаваться в следующих категориях учебных заведений:

1) **В экономических и финансовых вузах и на экономических и финансовых факультетах**. Исламская экономика может преподаваться как отдельная дисциплина или включаться в качестве раздела или темы в программы таких курсов, как «Экономическая теория», «История экономических учений», «Мировая экономика», «Международные экономические отношения», «Финансы и кредит» и др. Усвоение особенностей исламской экономики является одной из составляющих багажа знаний профессионального экономиста (финансиста). Пока лишь отдельные лекторы и ведущие семинарских занятий в рамках преподаваемых ими дисциплин посвящают некоторую часть учебного времени исламской экономике (например, А. Ю. Журавлев в МГУ). Однако если взглянуть на рекомендуемые учебники по упоминавшимся дисциплинам, то пока преждевременно говорить о проникновении исламской экономики в учебные программы.

2) **В востоковедных вузах и на востоковедных факультетах**. В этой категории вузов необходимо провести различия между спе-

циализациями обучающихся. Для тех студентов, которые изучают экономику региона (в качестве примера можно привести уже упоминавшуюся специализацию «Зарубежное регионоведение» в ИВМО КФУ), необходимо более углубленное изучение дисциплины «Исламская экономика», что требует большего количества часов преподавания самой дисциплины в учебном плане. Если же речь идет о подготовке по специальности «Востоковед-африканист», то достаточно небольшого вводного курса. Знания об исламской экономике необходимы будущему востоковеду (прежде всего — исламоведу) для того, чтобы понимать какое влияние оказывает и продолжает оказывать религия (в данном случае — ислам) на социально-экономическое развитие стран изучаемого региона.

3) **В религиозных вузах и на факультетах, осуществляющих подготовку по теологическим дисциплинам**. В таких учебных заведениях исламская экономика должна преподаваться как одна из дисциплин при подготовке специалистов по мусульманской юриспруденции. В будущем выпускники смогут выступать как шариатские эксперты для исламских банков и других финансовых институтов. При этом необходимо понимать, что сам по себе диплом иди любой другой документ, подтверждающий, что его обладатель прослушал определенный курс, не является сертификатом, автоматически дающим ему право работать в качестве шариатского консультанта. Это право будущему специалисту — правоведу необходимо заслужить подобно тому, как его «зарабатывают» другие мусульманские правоведы: благодаря своим научным трудам и ученикам. Возможно создание в структуре исламского вуза специализированной кафедры исламской экономики при условии, что она будет укомплектована компетентными преподавателями-экономистами.

Иными словами в третьей категории учебных заведений подготовка должна быть сосредоточена в сфере исламской юриспруденции. Пока что наиболее активным в этой группе вузов является упоминавшийся ранее РИУ в Казани. Однако исламская экономика преподается здесь как одна из дисциплин, а не как один из ключевых предметов, необходимых для подготовки мусульманских правоведов — специалистов по исламской экономике и финансам.

Подобный поход к изучению исламской экономики в теологических вузах объясняется следующим. Будущие мусульманские те-

ологи должны изучать прежде всего идеальную модель исламской экономики, сформулированную в трудах мусульманских ученых. В отличие от теологов, экономисты изучают не то, **как** должно быть, а то, **что** существует на самом деле, или, иначе говоря, имеющуюся практику исламских финансовых институтов. В любом экономическом или финансовом вузе исламская экономика рассматривается с позиций западной экономической мысли — в отличие от исламских теологических учебных заведений, где исламская экономика изучается в контексте мусульманской науки. При этом экономисты, в отличие от теологов, не просто исследуют исламскую экономику как феномен, присущий некоторым мусульманским и немусульманским странам, но и анализируют ее эффективность.

Что касается исламоведов, чья подготовка осуществляется в светском вузе, то им важна не столько эффективность исламской экономической модели, сколько сам факт реализации в социально-экономической жизни постулатов ислама.

❁

Белоглазов А. В.
(Казань)

Политика России по обеспечению безопасности в Центральной Азии в начале XXI века

1. Российская Федерация на протяжении всей постсоветской истории участвовала в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Несмотря на то, что после распада СССР она начала стремительно уходить из региона, окончательно покинуть его не позволяли как геополитические факторы, так и новые угрозы безопасности — терроризм, экстремизм, наркотрафик, незаконная миграция.

2. Присутствие России в ЦАР в 1990-е годы было ощутимым в Таджикистане, где шла гражданская война, угрожавшая всей системе региональной безопасности. В остальных республиках оно было минимальным, и также связанным в основном с проблемами безопасности. В целом же РФ сохраняла свое присутствие в Цен-

тральной Азии в этот период не благодаря своему политическому руководству, а, несмотря на его решения.

3. На рубеже XX—XXI веков новое руководство РФ начало уделять проблемам безопасности в Центральной Азии повышенное внимание, сохраняющееся по сей день. Об этом свидетельствует ряд документов, включая действующую Концепцию национальной безопасности от 10 января 2000 года и обе редакции Концепции внешней политики — от 28 июня 2000 года и от 15 июля 2008 года. В них ЦАР указывается как один из важнейших регионов политического влияния России, а также подчеркивается «недопущение дестабилизации обстановки» в нем.

4. Со стороны государств региона был сделан важный встречный шаг 20 августа 2000 года, во время вторжения боевиков Исламского движения Узбекистана в Киргизию и Узбекистан. Президенты Н. Назарбаев, А. Акаев, Э. Рахмонов и И. Каримов на встрече в Бишкеке обратились к РФ с просьбой о присоединении к Ташкентскому Договору о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности от 21 апреля 2000 года.

5. Основными партнерами РФ по вопросам безопасности в регионе в начале XXI века стали Казахстан, Киргизия и Таджикистан, вышедшие на уровень создания с ней единого оборонного пространства. К 2004 году они дали принципиальное согласие на модернизацию своей системы ПВО силами России, а также подтвердили или предоставили ей право долгосрочного использования стратегических военных объектов, расположенных на их территориях. Наиболее важными среди них по сей день являются космодром «Байконур» и противоракетный полигон «Сары-Шаган» в Казахстане, комплекс космической связи «Окно» и 201 база в Таджикистане, военно-воздушная база в Канте и испытательный полигон морских вооружений на озере Иссык-Куль в Киргизии.

6. Важнейшим инструментом обеспечения безопасности в ЦАР является Организация Договора о коллективной безопасности, которая была создана по инициативе России на основе ДКБ на саммите в Москве в 2002 году. В рамках ОДКБ с первых лет ее существования Россия предоставляет членам организации льготы при подготовке офицерских кадров в высших военных учебных заведе-

ниях, а также право приобретать российские вооружения и боевую технику по внутренним российским ценам.

7. С 2003 года российская авиабаза в киргизском городе Кант стала важнейшей составной частью Коллективных сил быстрого реагирования, сформированных в рамках ОДКБ. В том же году Россия инициировала подписание в рамках ЕврАзЭС многостороннего Договора «О сотрудничестве в охране внешних границ государств-членов ЕврАзЭС», поскольку все страны ЕврАзЭС были одновременно членами ОДКБ.

8. С 2004 года Россия совместно с союзниками по ОДКБ начала проводить ежегодные совместные военные учения, ориентированные на противодействие угрозам региональной безопасности. С 2004 по 2010 гг. они носили название «Рубеж». При этом из семи «Рубежей» шесть состоялись в Центральной Азии — на территории Казахстана, Киргизии и Таджикистана. В сентябре 2011 года военные учения ОДКБ «Центр-2011» прошли сразу в четырёх странах — России, Казахстане, Киргизии и Таджикистане.

9. В феврале 2009 года в Москве президенты государств ОДКБ приняли решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования. Предполагается с помощью КСОР отражать военную агрессию, а также проводить спецоперации по противодействию международному терроризму и экстремизму, транснациональной организованной преступности и наркотрафику.

10. С начала 2011 года к угрозам безопасности в ЦАР добавилась возможность развития деструктивных процессов по сценарию «Арабской весны» с внешним участием. В августе 2011 года в Астане прошла неформальная встреча президентов ОДКБ, обсудивших ситуацию в Центральной Азии в контексте «Арабской весны», а в декабре 2011 года в Москве на сессии СКБ ОДКБ было решено расширить полномочия организации при дестабилизации ситуации в одной из стран-участниц. В настоящее время ввод частей КСОР ОДКБ в любую из стран Центральной Азии, особенно подвергшейся внешнему деструктивному влиянию, вполне возможен.

11. Россия способна существенно повлиять на поддержание стабильности в регионе также с помощью Шанхайской организации сотрудничества. Она была создана на основе Шанхайской пятерки 15 июня 2001 года. После военно-политического закрепления США в Центральной Азии, и особенно с начала иракской войны 2003 г.,

Россия и Китай начали сближение в деле обеспечения безопасности в регионе. Деятельность ШОС, с самого начала планировавшаяся в области предупреждения и пресечения терактов, сепаратизма и экстремизма в Центральной Азии, заметно активизировалась.

13. Россия много сделала для создания Региональной антитеррористической структуры ШОС, Соглашение о которой было подписано на саммите 7 июня 2002 года в Санкт-Петербурге. С помощью РАТС в Центральной Азии было предотвращено значительное количество терактов, ряд главарей террористических организаций был задержан или уничтожен спецслужбами стран Организации. Наряду с этим государства ШОС начали проводить совместные антитеррористические учения. Первые из них состоялись в 2003 году в Казахстане и Китае. С 2005 по 2009 годы антитеррористические учения с участием российских и китайских сил проводились ежегодно.

14. В настоящее время РФ и КНР обеспечивают совместную защиту безопасности в Центральной Азии «на дальних подступах», синхронизируя свои позиции и действия по сирийскому вопросу. Это сотрудничество является сдерживающим фактором для перехода внешних сил к «ливийскому сценарию», после чего может многократно возрасти угроза эскалации напряженности в ЦАР.

15. Таким образом, в начале XXI века прослеживался все более четкий курс РФ на развитие как двусторонних контактов со странами ЦАР в области безопасности, так и многосторонних форм сотрудничества с использованием ОДКБ и ШОС, а также их внутренних структур — КСОР и РАТС. В настоящее время в данном сотрудничестве наша страна должна взять на себя функции организатора и координатора процессов, связанных с формированием региональной системы безопасности. Именно это, на наш взгляд, является залогом поддержания мира и стабильности в регионе, а также нераспространения «Арабской весны» в Центральную Азию.

Валеев Р. М.
(Казань)

Изучение истории российского востоковедения: Итоги и перспективы (XIX — нач. XXI вв.)

В XIX—XX вв. востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер. История отечественного востоковедения представляет собой самостоятельную область ориенталистки и составляющую истории науки и культуры российского общества и государства. Знания по истории российского востоковедения возникают одновременно с формированием науки о Востоке. Возникновение и развитие актуального историко-научного направления — истории отечественного востоковедения представляет собой важное научное и культурное событие.

Историография и источниковедение российского востоковедения развивалась на протяжении XIX — нач. XX вв. В XIX — первой половине XX вв. определены основные направления изучения — биографии отечественных востоковедов, история формирования и развития востоковедных дисциплин, учебных, научных учреждений и обществ, периодики и национальных гуманитарных школ.

На современном этапе исследуются новые задачи и проблемы — формирование и развитие востоковедческих центров и школ, научных и культурных воззрений ориенталистов, направлений и тематики российского востоковедения и др.

В периодизации изучения истории российского востоковедения XIX — нач. XX вв. наиболее заметные следующие хронологические рубежи — середина XIX в., конец XIX — начало XX вв., вторая половина 1950-х — 1980-е гг. и 1980—2000-е гг.

В ходе формирования и развития востоковедения в России история образования и науки привлекла широкий круг исследователей и получила глубокое и многоаспектное исследование — введены в научный оборот многие оригинальные архивные источники, изданы монографические труды, исследовательские статьи и материалы. Сегодня сформировались и развиваются научные подходы к изучению истории востоковедения в России и Европе, даны обоб-

щающие оценки деятельности известных академических и университетских востоковедов и в целом представлена широкая картина развития российского востоковедения. Как известно, выдающиеся ученые-востоковеды оставили не только труды в той области знания, которую они разрабатывали, но и фундаментальные исследования развития научных отраслей и направлений ориенталистики — тюркологии, арабистики, индологии, китаеведения, иранистики, исламоведения и т. д.

Отечественное востоковедение, его лучшие представители глубоко и с интересом обращались к истокам и путям развития науки о Востоке, судьбам ориенталистов и их трудам. Эта ценная традиция особо заметна в деятельности известных исследователей — Аделунга, Дорна, Григорьева, Савельева, Булича, Веселовского, Бартольда, Крачковского, Ольденбурга, Крымского, Алексеева, Самойловича, Гордлевского, Кононова и других отечественных востоковедов. Работы отечественных востоковедов составляют основу дальнейшей работы по изучению истории российского востоковедения и его органической связи с европейскими и азиатскими научными центрами.

На современном этапе актуальны историко-философские оценки двух выдающихся востоковедов России — С. Ф. Ольденбурга и В. В. Бартольда: «Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала» и успехи по изучению Востока «большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого».

Работы отечественных историков востоковедения решали задачу хронологической систематизации его зарождения и развития, описывали научные достижения ученых и развитие научных идей и проблем, освещали научную и преподавательскую деятельность востоковедов России и Европы. Современные статьи и работы концентрируют основное внимание на оригинальных, найденных в центральных и местных архивах, материалах о жизни и деятельности востоковедов, об истории научных учреждений и обществ и в целом неизвестных страницах российского востоковедения.

На современном этапе менее всего воссоздан историко-научный, социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов и мало уделяется внимания анализу тра-

диций и новаций в востоковедческих центрах России и стран СНГ, слабо исследована история научной или лженаучной ориентальной мысли. В перспективе интересным представляется изучение внешнеполитических, социокультурных, политических и идейных факторов, повлиявших на достижения в научных дисциплинах, рост знаний о Востоке и судьбу ориенталиста в истории науки и культуры народов России. Также актуальным представляется применение в работах по истории отечественного востоковедения методик психологического и социологического анализа. Значимым представляется изучение истории советского востоковедения и современных востоковедных центров на постсоветском пространстве. Проблема изучения эволюции методов и концепций востоковедных исследований в России в XIX — нач. XXI вв. может стать в центре работ по истории отечественного востоковедения. К великому сожалению, мало научно-просветительских работ и изданий для школьников, которые бы популяризировали историю отечественного и мирового востоковедения.

❃

Васильев Д. Д.
(Москва)

15 лет издания «Бюллетеней Общества востоковедов РАН» и «Приложений» к ним

Общество востоковедов России имеет неоднократно прерывавшуюся историю своего существования и деятельности. Сейчас оно приобретает новую организационную форму и юридический статус. Поэтому важно подытожить прошедший этап, проследив его по изданиям, 15-летнего периода деятельности ОВ РАН.

7—10 октября 1997 г. Обществом востоковедов РАН, Институтом востоковедения РАН и Калмыцким Институтом гуманитарных исследований РАН в Элисте был проведен Всероссийский организационно-научный съезд «Отечественное востоковедение на поро-

ге XXI века», получивший среди востоковедов название Первого всероссийского съезда востоковедов. В циркулярном письме, разосланном в востоковедческие научно-исследовательские, высшие учебные и культурно-просветительные учреждения России при подготовке съезда содержалась просьба представить информацию об истории учреждения, его современном состоянии, направлении деятельности, основных трудах научных сотрудников за последние 10 лет.

Собранные материалы составили содержание 1-го выпуска «Бюллетеня ОВ РАН». В выпуске была представлена информация о современной деятельности ИВ РАН, Института Африки РАН, Института философии РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Новосибирского научного центра РАН, Уфимского научного центра РАН, СПб Гос. Университета (Восточный факультет), Уральского Гос. Университета, Иркутского Гос. педагогического университета, Калмыцкого Гос.университета, Российского этнографического музея, Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Института изучения Израиля и Ближнего Востока.

Этот выпуск положил начало регулярному изданию «Бюллетеней ОВ РАН», последний, 19 выпуск которого был посвящен УП Съезду российских востоковедов 2010 г. в Звенигороде. Обязательной стала подготовка Бюллетеней с материалами Съездов, и юбилейных конференций ОВ РАН, включавшие также отчетные доклады избранных Президентов Общества за каждый двухлетний период. Материалы соответствовали темам съездов и содержали индивидуальные оценки и пожелания президентов в отношении работы Общества.

1997 — Элиста — «Отечественное востоковедение на пороге XXI века». Президентом ОВ РАН избран М. А. Усманов

1999 — Казань — «Научные традиции и новые технологии в востоковедении». Президентом ОВ РАН избран Е. И. Кычанов

2002 — С.Петербург — «100-летие Общества востоковедов и международные научные связи востоковедческих центров РФ». Президентом ОВ РАН избран Р. Б. Рыбаков

2004 — Москва — «Российское востоковедение на конгрессе ICANAS-37. Итоги». Президентом ОВ РАН избран И. Г. Галяутдинов

2006 — Уфа — «Национальные и региональные научные школы в востоковедении».«Восток в исторических судьбах народов России». Президентом ОВ РАН избран Б. В. Базаров

2008 — Улан-Удэ — «Современные проблемы фундаментального востоковедения».

2010 — Звенигород (Москва) — «Исследовательские приоритеты востоковедческих научно-исследовательских, высших учебных и культурно-просветительных центров Российской Федерации». Президентом ОВ РАН избран В. В. Наумкин.

2012 — Казань — «Многофакторный анализ истории, культуры и религий Востока».

Кроме материалов съездов в Бюллетенях публиковались очерки по истории Общества российских востоковедов и его преемников в разные периоды деятельности, дневники востоковедов из личных архивов, описи рукописных фондов научно-исследовательских институтов РФ, аннотированные справочники по изданиям ИВ РАН, три выпуска составили сборники научных статей российских и венгерских востоковедов «Hungaro-Russica», отдельные выпуски были посвящены 100-летнему юбилею Общества, Международной конференции лингвистов-востоковедов, юбилею легендарной конференции источниковедов «Бартольдовские чтения», участию востоковедов в Комплексном Федеральном исследовательском проекте «Крепость Пор-Бажын», воспоминания ветеранов отечественного востоковедения.

Материалы «Бюллетеней ОВ РАН» представляют ценный материал по истории отечественного востоковедения, отдельных институтов, университетов, музеев и библиотек. К сожалению, эти издания разошлись среди участников съездов и почти не представлены в библиотеках. Сейчас завершен очередной этап в истории деятельности Общества, и для совершенствования работы, с учетом проделанного, было бы по-видимому полезным издать избранные материалы из Бюллетеней, как источник по истории отечественного востоковедения в постсоветский период.

Владимирова Д. А.
(Владивосток)

Российско-китайские культурные контакты: каналы и формы

Исторические изменения в мире, усиливающееся взаимовлияние национальных культур сделали актуальным процесс поиска общих и отличительных черт культур различных народов. Интерес к культуре Китая давно уже стал характерной чертой российского общества. Россия как и страны Европы попала под обаяние богатства и экзотического своеобразия китайской культуры.

Культурно-этническое взаимодействие русских и китайцев отразило все зигзаги истории государственного взаимодействия Россия — Китай. В начале третьего тысячелетия стала возможной принципиально новая модель культурных взаимоотношений двух стран — взаимовыгодного культурного сотрудничества с сохранением специфики каждой из культур. Новый, начинающийся сейчас этап культурного взаимодействия носит характер диалога. Обе страны на данном этапе активно возрождают свои национальные культурные традиции, нацеленные на модернизацию общества, которые призваны стать основой двустороннего культурного сотрудничества.

Вопрос двустороннего культурного сотрудничества рассматривается в рамках национальной самоидентификации, о чём свидетельствуют работы китайских авторов за последние семь лет: основная тема которых — взаимодействие национальных культур России и Китая под воздействием социокультурных особенностей и национальной идентичности. Защиты прошли в Москве, Санкт-Петербурге по разным направлениям от культурологии до философии, планируются защиты и в Диссертационных советах ДВ региона.

Одним из важнейших элементов современной ситуации в области культуры является распространение массовой культуры. Существование массовой культуры для своего развития нуждается в определенном постоянном внешнем обновлении. Что и происходит за счет внешнего использования различных элементов национальных культур.

В качестве примеров можно привести распространение по всему свету традиционного китайского символа Великого Предела *(Тай цзи)* в виде изображения так называемой монады (то есть темного и светлого начал, соединенных в круге и символизирующих силы *инъ-ян),* популярность китайской кухни (если в центральных районах страны она является экзотической, то на российском ДВ китайская кухня относится к разряду эконом-класса), использование традиционных декоративных элементов китайской культуры и т. п. Отдельные исследователи видят в этом даже залог разнообразия, поддерживаемого в условиях глобального общества.

В России крайне популярны китайские изображения с благопожелательными надписями, использующиеся в декоративных целях. Однако, как правило, большинство людей не до конца понимает их смысл. Так, пожалуй, самая популярная благопожелательная надпись представляет собой изображение перевернутого иероглифа «Фу» — счастье. Популярны благопожелательные символы — дракон, рыба, жаба и др.

Правительства России и КНР прикладывают значительные усилия для поддержания культурных контактов между двумя народами, ставя своей целью поддержание высокого уровня культурного обмена между государствами.

В Соглашении между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики от 18.12.92 «О КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ» были оговорены конкретные формы и сферы сотрудничества. В области культуры и искусства: организация гастролей художественных коллективов; проведение выставок; обмен деятелями культуры и искусства; обмен публикациями в области культуры и искусства; взаимное ознакомление народов своих стран с произведениями литературы и искусства; обмены и сотрудничество между музеями и библиотеками двух стран и пр. В области образования и науки: командирование ученых, преподавателей и специалистов для обмена опытом, проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности; взаимного предоставления стипендий; содействие установлению прямых контактов между высшими учебными заведениями двух стран; поощрение обменов учебниками, методической литературой и программами, оказание содействия в изучении и преподавания китайского языка.

Власти КНР рассматривают всестороннюю поддержку общественных организаций, занимающихся международной культурной деятельностью, как важную составляющую своей внешней политики, они стремятся быть в курсе всех событий, координировать и оптимизировать осуществление всех значимых культурных проектов, оказывая максимальную поддержку (от организационных вопросов до полного финансирования) отдельных мероприятий. Важным инструментом в пропаганде культуры, истории, языка являются Институты Конфуция, которые финансово поддерживаются Правительством КНР через Канцелярию в Пекине «Ханьбань» по распространению китайского языка. Через Институт Конфуция (г. Владивосток, Благовещенск) активно пропагандируется культура Китая посредством лекций, презентаций, выставок. Сегодня по своей популярности китайский язык уступает лишь английскому языку.

Между приграничными территориями ведется активный молодёжный обмен, проводятся фестивали, что способствует более глубокому познанию друг друга.

Не менее важный канал популяризации культуры Китая является туризм. Набирает силу не только релаксирующий туризм, а туризм познавательный.

Создание положительного образа собственной страны, собственного этноса занимает прочное место в государственной политике Китая.

❁

Воробьева С. Н.
(Самара)

Востоковедение как важный инструмент для понимания миграционных процессов и интеграции мигрантов в России

Активные миграционные процессы — одна из реалий современной российской действительности. Ежегодно в Российскую Федерацию приезжает на заработки — по разным источникам — от 9 до 15 миллионов граждан центральноазиатских стран и За-

кавказья, в первую очередь, бывших республик СССР, Китая и Юго-Восточной Азии. Все эти страны входят в сферу интересов востоковедения.

Выходцы из этих регионов в последнее время приезжают в Россию на более продолжительный срок, чем ранее, когда требовались регулярная перерегистрация с выездом за пределы России и получением новой миграционной карты. Такие новшества ФМС РФ как введение патентов для трудовых мигрантов позволили проживать на территории РФ без перерегистрации длительное время, а это, в свою очередь, вызывает естественный процесс формирования более тесных сообществ по этническому принципу. В них воспроизводятся традиции и общественные отношения, характерные для стран исхода. Такие сообщества определенным образом начинают влиять на направление и плотность миграционных потоков в разных регионах Российской Федерации.

При этом зачастую лидеры этих этнических сообществ, лучше других ориентирующиеся в российском законодательстве и «наработавшие» определенные контакты в российском бюрократическом аппарате, используют традиционные поведенческие модели не только для выстраивания жесткой иерархии, но и в использовании подчиненных членов сообщества в деятельности, граничащей с криминальной, или даже имеющий выраженный криминальный характер.

Это не только препятствует адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, но и создает определенную угрозу стабильности межнациональных отношений, поскольку вызывает раздражение у значительной массы российских граждан. Противостоять этому можно только используя накопленные российским востоковедением знания о традиционных обществах Востока, однако до настоящего времени миграционные процессы были сферой интересов экономистов и социологов, правозащитников и сотрудников правоохранительных органов. Востоковеды были практически исключены как из научной деятельности ФМС РФ, так и из разработки каких-либо программ по адаптации и интеграции мигрантов.

Так, например, в Научный и Общественный Советы ФМС РФ входят юристы, управленцы, экономисты, социологи, всего 2 этнолога и не одного востоковеда. В Правительственной комиссии по

миграционной политике — чиновники, предприниматели, правозащитники — и ни одного ученого.

При этом именно использование научного опыта российского востоковедения и накопленных им знаний о традиционных обществах Центральной и Юго-Восточной Азии может позволить выработать рекомендации по интеграции мигрантов — не усредненные, а конкретизированные для каждого мигрантского сообщества, исходя из характерных для стран исхода организации общественных отношений, традиционных ценностей, норм поведения, этнопсихологии и культуры. К тому же разработка и использование подобных рекомендаций позволит не только создать механизмы постепенной, хорошо контролируемой, интеграции мигрантов в российское общество, но и не допустить формирования закрытых сообществ, криминализованных или даже экстремистских.

Пока созданное в 2010 г. при ФМС РФ Управление содействия интеграции не только не может похвастать своими достижениями, но и вообще какой-то внятной деятельностью. Но это проблема не только ФМС, но и других правоохранительных органов, в деятельности представителей которых нередко возникают проблемы и конфликтные ситуации из-за элементарного незнания традиций и норм поведения того или иного народа. Имеющиеся на настоящий момент попытки создания пособий в отдельных регионах, как правило, основаны на обобщенной информации энциклопедий, и потому не имеют особой практической ценности.

Очевидно, что привлечение специалистов-востоковедов к созданию конкретных программ и рекомендаций является насущной необходимостью для современной России, если мы хотим избежать экстремистских настроений в среде мигрантов и нарастания межнациональной напряженности в российском обществе.

Габдрахманова Г. Ф., Шафиева Г. М.
(Казань)

Арабская община в России: формирование и проблемы адаптации

Арабы — один из самых многочисленных и постоянно растущих народов земного шара. Несколько миллионов арабов проживают вне арабского мира — в России, Европе, Америке, Австрали. В Российской Федерации арабская община постоянно растет, прежде всего, за счет учебной миграции.

В Республике Татарстан арабская община сконцентрирована в г.Казани и включает в себя представителей ряда арабских стран африканского и азиатского регионов. В конце первого десятилетия 2000-х гг. на базе Ассамблеи народов Татарстана произошло институциональное оформление арабской общины. Были образованы — арабская община «Шорук», региональная общественная организация «Союз арабских студентов» и «Сирийское землячество».

Арабская община «Шорук» была основана в январе 2003 г. и включала в себя студенческие объединения различных ВУЗов г. Казани, а также арабов, проживающих на территории Республики Татарстан.

Региональная общественная организация «Союз арабских студентов» была образована 20 января 2007 г. В организацию в основном входят иностранные студенты, не являющиеся гражданами Российской Федерации.

Необходимость создания Союза была связана со стремлением иностранных студентов объединиться для решения проблем, связанных с учебой, бытом, отдыхом, медицинским обслуживанием, правовой и социальной защитой, для организации занятий физкультурой и спортом. «Союз арабских студентов» РТ ежегодно проводит такие мероприятия, как празднование Ураза-байрам, Курбан-байрам, День матери.

«Сирийское землячество» было принято в состав Ассамблеи народов Татарстана 9 декабря 2010 г.

Включенные наблюдения и интервью показали, что для арабской общины г. Казани характерна аккультурационная стратегия — стремление сохранить, презентировать собственную культуру и одновременный настрой на освоение культуры принимающего сообщества. В бытовой культуре наблюдается сохранение родной национальной пищи, но с привнесением в нее элементов русской, татарской кухни. Вне дома арабы носят обычную светскую одежду, но в домашних условиях девушками отдается предпочтение национальной одежде. Наблюдается строгое соблюдение мусульманских обрядов и праздников: ежедневный пятикратный намаз, посещение мечети и т. д. Как показали интервью, именно возможность соблюдения мусульманских предписаний, культурная близость становится главным мотивом для выбора Татарстана в качестве места учебы.

Членами арабской общины ведется активная презентация родной культуры. Так, 27 апреля 2012 года в Национальном Культурном Центре «Казань» «Союз арабских студентов» совместно с Исламским культурным центром Республики Татарстан впервые в г. Казани провели Международный фестиваль поэзии «ИНШАД», в котором звучали песни на арабском, татарском, персидском и турецком языках.

Арабская община занимает и весьма активную социальную позицию. Ею создана команда по мини-футболу, которая ежегодно принимает участие в соревнованиях среди спортивных команд Ассамблеи народов Татарстана.

Главной проблемой членов арабской общины являются языковая и климатическая адаптация. Для некоторой части арабских студентов, не усвоивших русский язык, обучение в ВУЗах организовано на английском языке. Это, в свою очередь, мотивирует их на миграцию в страны Европы. Другая же часть стремится изучить не только русский, но и татарский язык, заключает браки с девушками русской и татарской национальности. Тем самым арабская община постепенно становится полноценным и равноправным членом Республики Татарстан.

Газиева И. А.
(Москва)

Культура индийского виртуального дискурса

Виртуальное общение является одним из главных механизмов социализации и идентичности личности, все более вытесняя реальное общение как тип коммуникации. В настоящее время среда Интернет обладает не только информационной функцией, но и предлагает человеку максимум возможностей для любого рода конструирования, самопрезентации личности. «Объективный переход от индустриального общества к информационному субъективно представлен в определенной «разорванности» двух разных миров: реального социального бытия и бытия информационного. Первый, социальный мир, традиционно относительно жестко объектен и структурирован, он исходно задает человеку достаточно определенные рамки для самокатегоризации, ограничивая его как социальный объект (границами пола, возраста, национальности, профессиональной принадлежности и пр.). Второй же — информационный — принципиально безграничен, и, в нем установление «границ Я» возможно двумя путями: 1) через перенос в виртуальное пространство уже известных и наработанных в социальном мире символов (пола, возраста и пр.); 2) через осмысление ценностных ориентиров своей деятельности, через формирование себя в виртуальном пространстве как активного субъекта» [Белинская]. Исследование индийского виртуального дискурса проводится на материале одного из его жанров — эмотивной невербальной составляющей — эмотиконов. Под дискурсом понимается серия высказываний и текстов, которая задает способ рассуждения о какой-либо теме. Эмотиконы [англ. emoticon < emotion — эмоция + icon — образ] представляют собой пиктограммы, графические символы, изображающие эмоциональное отношение людей в процессе виртуального дискурса. Данная информационная система сокращений и значков (чаще шуточных), используется коммуникатами в электронной почте, чатах, блогах из-за невозможности передать нюансы своих настроений с помощью жестов, мимики или даже почерка. К примеру, сокращения или смайлики всех мастей, максимально облегчают переписку:

4U = for you — «для вас»; F2F = face to face — «наедине»; T42 = tee for two — «чай для двоих»; (-:) — левша; (:>) — зазнайка и т. п. Однако азиатские эмотиконы все же отличаются от западной системы передачи эмоций: 1) европейские: :-) :-(:-\ :-* :-P :-O ...; 2) азиатские: ^_^ — улыбающийся; ^ ^ — улыбающийся поддельно, не по-настоящему, через силу; ^_ — подмигивание; *_* — фанатеющий; o_o — удивление; 0_0 — большое удивление; O_o — очень большое удивление, просто — офигение; V_v — неприятное удивление; *_* — фанатение; v_v — грусть; ;_; — плач; (T_T) — горький плач; @_@ — обалдение; (>_<) — злость; (-_-;) — болезненный; (+_+), x_x, X_X — мертвый; (%_%) — после ночи за компьютером; *^_^* — покраснение от смущения.

Индийские эмотиконы выражают: @:D — счастливое лицо; @B-) — крутое лицо; @:-o — испуганное лицо; @;) — подмигивание; @x-(— рассерженное лицо; @:'(– плачущий; @:p — глупость; @:(— печальный; @:) — улыбающийся. Эмотиконы в виртуальном дискурсе выполняют следующие функции: контактообразующую; деэскалирующую, т. е. средство смягчения напряжения или предотвращения конфликта; для достижения взаимопонимания между коммуникатами, поскольку иногда достаточно использовать эмотикон, чтобы выразить свой интерес к высказыванию реципиента; в качестве иллюстрирующего приема для выражения индивидуальности автора; как проявление игровой природы, к примеру, юмористического, виртуального дискурса.

Таким образом, в виртуальном дискурсе все больше и больше возрастает использование вспомогательных средств для передачи различных эмоций индивидуализаций авторов.

Источники

1) https://support.skype.com/ru/faq/FA11046/Cto-takoe-emotikony
2) *Белинская Е. П.* Интернет и идентификационные структуры личности [Электронный ресурс]. — URL: http://banderus2.narod.ru/70244.html. 2001, свободный
3) *Дрововоз Т. И.* Эмотиконы как средство эмотивного воздействия в виртуальном юмористическом дискурсе. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическим аспектах: материалы VI Междунар.научн.конф., Челябинск, 23—24 апр. 2012 г. Изд-во Челяб. гос.ун-та. С. 215.

4) http://indianemoticons.tumblr.com/
5) http://www.google.ru/search?q=indian+emoticons&hl=ru&newwindow=1&prmd=imvns&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ei=G4XAT5KVDuGm4gTFv9jkCQ&sqi=2&ved=0CFgQsAQ&biw=1024&bih=636

Галиуллин К. Р.
(Казань)

Россия и Восток: текстово-словарный интернет-фонд русскоязычных документов XVI—XVII веков

В Казанском федеральном университете разрабатывается интернет-фонд «Россия и Восток», который будет содержать текстово-словарные комплексы, посвященные документам о взаимоотношениях России (Руси) и восточных стран (Индии, Ирана, Китая, Монголии, Турции и др.) в XVI—XVII веках.

В настоящее время в рамках указанного проекта создан справочный комплекс, посвященный письменным источникам по русско-индийским взаимосвязям XVII века и содержащий: 1) словарь, который включает конкорданс, обратный и частотный словоформоуказатели (Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012); 2) интернет-справочник, размещенный на портале Казанского федерального университета [http://www.klf.ksu.ru/ros-vost/rio]. Работа над комплексом велась и ведется в рамках ряда целевых программ, а также была поддержана грантом Культурного центра им. Дж. Неру Посольства Республики Индия в Российской Федерации.

В основе созданного и формируемых комплексов лежат компьютерные текстотеки, позволяющие существенно ускорить и оптимизировать работу с содержащимися в них материалами, повысить эффективность и результативность исследовательско-аналитического процесса. На решение этих задач направлены также различного типа указатели, создаваемые на базе компьютерных текстотек: слово — и словоформоуказатели — контекстные, алфавитные, частотные и др., которые решают задачу полной инвентаризации материалов письменных памятников.

Интернет-версии справочников позволяет пользователю:

1) самому формировать объем обрабатываемого материала и осуществлять выборку из текстов: а) всех документов, б) группы документов, в) отдельного документа.

2) осуществлять поиск единиц: а) по условному образцу (например, по компонентам слова, по их позиции в слове); б) по количеству букв, знаков; в) по частоте.

3) получить а) список всех контекстов (цитат), относящихся к рассматриваемой единице, а также и б) весь текст, в котором встречается эта единица.

С целью расширения информационного потенциала интернет-справочников в них включаются ссылки на ряд содержательно близких, дополняющих ресурсов, представленных в настоящее время в Интернете.

Текстово-словарные справочники могут быть полезны специалистам — филологам и историкам, преподавателям и различным типам учащихся высших учебных заведений и факультетов историко-филологического профиля.

❃

Галяутдинов И. Г., Псянчин А. В.,
Псянчин Ю. В., Хисамитдинова Ф. Г.
(Уфа)

Востоковедение в Республике Башкортостан в 2010—2012 гг: итоги и перспективы

Востоковедение в Республике Башкортостан за последние два года переживает заметный подъем. Это подтверждается успешной реализацией ряда значимых как для Башкортостана, так и для России проектов.

1. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть активную деятельность Президиума Академии наук Республики Башкортостан. Во-первых, про его поддержке успешно функционирует научно-теоретический журнал «Проблемы востоковедения», прочно завоевав-

ший свое место в отечественной ориенталистике. Во-вторых, именно Президиумом Академии наук Республики Башкортостан принято решение о создании Евразийского центра в Республике Башкортостан. В настоящее время широко обсуждается проект концепции его организациии, при этом ведущими учеными-востоковедами республики вносятся необходимые коррективы и предлагаются новые идеи.

2. На сегодняшний день издано 5 томов капитального академического труда «История башкирского народа» (2010—2012), переиздан с учетом замечаний и дополнен новыми материалами справочник «Описание восточных рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН» (2011), увидели свет 5—6 тома «Башкирской энциклопедии», готовится к изданию энциклопедия «Эпос «Урал-батыр», регулярно выходят тома 36-титомного свода «Башкирское народное творчество».

3. В настоящее время подготовлен к изданию 7-ой том коллективного труда «История башкирской литературы» на башкирском языке, завершен проект «Антология башкирской литературы» (3 том), начата работа над энциклопедией «Духовная культура башкирского народа».

4. В 2012 году вышли в свет два первых тома десятитомного издания «Академический словарь башкирского языка». Институтом гуманитарных наук АН РБ издан первой том трудов Дж.Г. Киекбаева (2012).

5. Регулярно проводились научные мероприятия, посвященные юбилеям Р. Фахретдинова, Дж.Г. Киекбаева, К. Хакимова.

Таким образом, ученые-востоковеды Башкортостана достойно встречают свой очередной 8 съезд.

Глушкова И. П.
(Москва)

Утрата индийской регионалистики как исследовательского направления и проект-группа «Под небом Южной Азии»

До 1947 г. Индии (наряду с Пакистаном и Бангладеш) в ее нынешнем виде не существовало, и пространство Южной Азии было поделено между британской короной и более чем 600 княжествами, обладавшими разными ресурсами и различной степенью самостоятельности. Многоязычие и многоэтничность, а также расовая неоднородность субконтинента нашли свое отражение в трудах российских востоковедов еще в XIX в.: в 1801 г. Герасим Лебедев создал «Грамматику чистых и смешанных Ост-Индских диалектов», а в 1805 г. — «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии...». Институциональное изучение сначала хиндустани, а впоследствии и других новых индоарийских языков началось в России в конце XIX в.; к тому же времени относятся первые попытки создания словарей живых языков Южной Азии.

Эти усилия были продолжены в 1920-е и в 1930-е годы созданием Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и Института востоковедения АН СССР, а также преподаванием ряда индийских языков в высшей школе и — с 1942 г. — радиовещанием на них. Соперничество с США в годы «холодной войны» и идеологический акцент на оказание всесторонней поддержки дружественной Индии превратили 1950-е, 1960-е и 1970-е годы в наиболее благприятный для развития индийской регионалистики период: советское Иновещание осуществлялось практически на всех ведущих языках субконтинента, кафедры индийской филологии Московского и Ленинградского университета расширяли набор изучаемых языков, а издательства сразу трех направлений — политического, художественного и технического («Прогресс», «Радуга» и «Мир») – увеличивали штаты и количество переводимых на индийские языки публикаций. Южная Азия, уже как совокупность отдельных стран, сформированных соединением разнообразных историко-культурных регионов и политико-административных единиц, — стала ос-

ваиваться и учеными — от историков и экономистов до политологов и литературоведов, что подразумевало безупречное владение индийскими языками: панджаби, гуджарати, ория, маратхи, синдхи, каннада, телугу, малаялам, непали, сингали и другими.

Период «перестройки», освободив науку и высшую школу от идеологического диктата и предоставив возможность непосредственных контактов со странами Южной Азии, с одной стороны, открыл новые перспективы, но, с другой, в силу множественных причин, закрыл — в прямом и переносном смыслах — уникальную многоукладность российской индологии. Через 200 лет после лингвистического почина Герасима Лебедева и спустя полвека после индологического бума 1950-х–1970-х Россия полностью утратила наработанные ресурсы, недальновидно ослабив интерес к индийским регионам, из которых собственно и состоит Индия как целое, и остановив воспроизводство специалистов по всем индийским языкам (за исключением хинди, урду и бенгали, являющихся официальными языками трех Южно-Азиатских государств — Индии, Пакистана и Бангладеш) и тамили (язык южноиндийского штата Тамилнаду), что привело к «потере» бо̀льшей части регионов в границах указанных стран, а также Непала, Бутана, Шри-Ланки и Мальдив полностью. В целом же источником сведений о Южной Азии и ее регионах становятся туристические блоги в интернете, подтверждающие тенденцию к депрофессионализации востоковедения как отрасли научного знания.

В современных условиях проект-группа «Под небом Южной Азии», созданная в рамках Центра индийских исследований Института востоковедения РАН в 2011 г., видит свою задачу в сохранении исчезающего направления — региональных исследований, охватывающих семь стран Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка, Бутан и Мальдивы). Это намерение осуществляется (будет осуществляться) через внедрение типологического подхода к конкретной проблематике и поддержание междисциплинароного дискурса с помощью тематических семинаров, общероссийских научных конференций («Портрет и скульптура под небом Южной Азии» [2011], «Движение и пространство под небом Южной Азии» [2012] и т. д.) и издании фундаментальных трудов по соответствующей тематике.

Глушкова С. Ю.
(Казань)

Особенности теории лица восточных и западных стран
(сквозь призму лингвокультурологических особенностей категории вежливости)

Два исследования Гу Ю., одно на английском и другое на китайском, оказываются наиболее цитируемыми как в Китае, так и за рубежом. Он рассматривает теорию «лица» подхода П. Браун и С. Левинсона, и на основе современных китайских данных, он изменяет некоторые из предположений Дж. Лича и выдвигает постулаты, которые утверждают уникальные особенности китайской вежливости.

Чтобы сделать сравнение этих теорий, необходимо вернуться к основным выводам. По словам Гу Ю. , есть четыре основных понятия, лежащие в основе китайской концепции вежливости: уважение к другим (почтительность), унижение себя (скромность), тепло по отношению к другим (поведенческое тепло) и уточненные языковые стандарты.

Гу Ю. говорит, что китайская вежливость характеризуется тенденцией к очернению (самоуничажению) себя и уважению других. Он утверждает, что модель П. Браун и С. Левинсона не подходит для анализа китайских данных по следующим причинам.

Во-первых, китайское понятие негативного лица, если оно существует, отличается от определения П. Браун и С. Левинсона. Например, предложение, приглашение в китайском языке, при обычных обстоятельствах, не будет рассматриваться как угроза потери лица слушающего, т. е. препятствование свободе, так как самоуничижение самого себя является неотъемлемой чертой культуры Китая.

Во-вторых, во взаимодействии вежливость не только инструментальна. Она также нормативна, то есть соответствует социальным нормам. Например, первой реакцией китайца на любое предложение, от чашки чая до приглашения на ужин, часто следует ритуальный ответ «нет». «Нет» здесь не символизирует грубый отказ как концептуальное поведение в некоторых культурах или

«самоотречение», а, скорее, выражает вежливость. Гу Ю. выделяет следующие основные понятия.

1. Уважение к другим — это создание положительной оценки и восхищение другими для того, чтобы собеседник не потерял свое «лицо», подчеркнул свой социальный статус.
2. Унижение себя способ передачи скромности.
3. Тепло по отношению к другим — демонстрация доброты, внимания, и гостеприимства по отношению к другим.
4. Уточнение и языковые стандарты относятся к стандартам поведения человека

На основе этих четырех основных понятий, Гу Ю. сформулировал пять постулатов вежливости применительно к китайскому языку, а именно:

1. постулат самоочернения (это постулат поглощает понятие почтительности и скромности и содержит в себе два аспекта: очернение себя и подбадривание другого).
2. постулат адреса (уважительное отношение и тепло к другу)
3. постулат такта,
4. постулат добродетели-слова-дела
5. постулат согласия

Мао Л. занимает нейтральную позицию и не полностью отвергает теорию и модели П. Браун и С. Левинсона. Его теория основана на понятиях лица по-китайски.

面子Mian — zi (лицо) и 脸 lian (лицо) — «Face is the respectability and/or deference which a person can claim for himself from others, by virtue of the relative position he occupies in his social network and the degree to which he is judged to have functioned adequately in that position as well as acceptably in his general conduct». «Лицо это респектабельность и / или уважение, которое личность может требовать для себя от других, в силу позиции занимаемой в своей социальной иерархии и степень, в которой он, как считается, функционирует надлежащим образом, в той позиции, которая соответствует обычному его поведению» [с. 883]. Мао Л. утверждает, что лицо для китайцев — это прежде всего имидж в социуме.

Мао Л. говорит, что китайское лицо подчеркивает не только обстоятельства того, что человек «хочет» или «желает», но больше подчеркивается «гармония своего поведения с мнением и решением социума». Мао Л. использует два вида китайских дискурсов —

приглашения и предложения — чтобы показать, что эти ситуации коммуникации вращаются вокруг китайского 面子 mianzi и 脸 lian. Они передают на китайском вежливость и китайское стремление к идеальной социальной идентичности. Мао Л. приходит к выводу, что китайские и японские понятия лица оба ориентированы на идеал социальной идентичности, которая приводит к имиджу. В отличие от разработки П. Браун и С. Левинсона — лицо ориентировано на «идеал личной идентичности», которое заботится о личном имидже в социуме [с. 473].

Многие ученые согласны с тем, что разнообразная концептуализация лица используется в западной и азиатской культурах, основанных на различных концептуализациях самоуправления.

Степень, с которой один хочет утвердить «подлинное я» в ситуациях и степень, в которой каждый хочет сохранить» социальное «я» изменяется в соответствии с культурной ориентацей на концептуализации самости [с. 37]. Это один из аспектов, который пристально изучался сквозь крос-культурное исследование связи понятий индивидуализма и коллективизма. В соответствии с W. Hong [с. 314], в индивидуалистических культурах, признание «я» происходит на основе «личных достижений и самореализации процесса», тогда как в коллективистской культуре, признание «я» приходит на основе «приписывания статуса, роли отношений, семейной репутации и / или репутации в рабочей сфере».

Идея «я», которая лежит в основе западных исследований, крайне индивидуалистическая, целеустремленная и автономная. Это понятие «я», однако, не вполне уместно в качестве основы для азиатских взаимоотношений. Они считают, что «я» Азии является более коллективистской, той, которая больше связана с членством в основе группы, таких как семья или рабочие группы.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые нами теории и языки относятся к двум различным по характеру культурам: английская — индивидуалистическая, китайская — коллективистская. Поэтому, вступая в процесс межкультурной коммуникации, рассматривая категорию вежливости — необходимо учитывать вышеизложенные факты разницы представлений о вежливости в культурах.

Установление отношений сотрудничества во многом зависит и от понимания национально-культурной специфики категории вежливости и стратегий её реализации в межкультурном дискурсе.

Грайворонский В. В.
(Москва)

Государственная политика Монголии в области поддержки монголоведения в мире

Руководство, соответствующие министерства и ведомства, научная общественность и СМИ современной Монголии, независимо от текущей политической конъюнктуры, от того, какая партия или блок партий в данный момент находится у власти, постоянно проводят мониторинг текущей ситуации и перспектив развития монголоведения в мире, особенно в России, Китае, Японии, США, ЕС и других странах, пристально наблюдают эволюцией имиджа Монголии за рубежом и принимают меры по его поддержанию и улучшению. Позитивными примерами этого могут служить история создания и многолет-няя деятельность Международной ассоциации монголоведения (МАМ, штаб-квартира в Улан-Баторе, 1987), регулярное проведение международных конгрессов, конференций и симпозиумов в Улан-Баторе, регулярное издание информационного бюллетеня МАМ и журнала «Mongolica». Академия наук Монголии и ее гуманитарные институты постоянно уделяют повышенное внимание к научному сотрудничеству с монголоведными центрами в России и других странах. Кроме этого, монголоведные исследования ведутся в Между-народном институте ЮНЕСКО по изучению кочевых цивилизаций (МИИКЦ, штаб-квартира в г. Улан-Баторе). Вместе с тем, до настоящего времени Монголия входила и продолжает входить в число слабо развитых стран с ограниченными материальными и финансовыми ресурсами и поэтому не имела возможности выделять большие средства на внешнеполитическую пропаганду и развитие монголоведения за рубежом.

Недавно Министерство внешних сношений и торговли Монголии специально изучило состояние и перспективы развития монголоведения в разных странах мира и пришло к выводу, что за последние 10 лет международный тренд в области монголоведения су-щественно изменился, снизилась интенсивность монголоведных исследований, в 15 университетах и научно-исследовательских центрах Америки, ФРГ, Англии, России, Вен-грии, Японии

и Болгарии они вообще были прекращены. Сократилось число монголовед-ных публикаций в крупных востоковедных журналах. За последние 5 лет снизилось число зарубежных студентов, обучающихся в вузах Монголии по специальности «монголоведе-ние». В этих условиях возникла необходимость поддержки монголоведения со стороны государства.

Поддержка и содействие развитию монголоведения в мире входит в число основ-ых направлений внешней политики Монголии, которое нашло отражение в ряде осново-полагающих законодательных актов Великого государственного хурала (парламента) Монголии, в том числе в Концепции национальной безопасности Монголии (1994, 2010 гг.), Концепции внешней политики Монголии (1994, 2011 гг.), указе ныне действующего президента Монголии Ц. Элбэгдоржа «О создании Фонда поддержки монголоведения» (18.01.2012), в постановлении правительства Монголии об утверждении «Национальной программы развития монголоведения» (20.02.2012 г.) и др.

В докладе на основе изучения этих и других официальных документов, существующей практики поддержки монголоведения в мире, а также личных наблюдений и непосредственного участия в российско-монгольском сотрудничестве в области монголоведения, предпринята попытка обобщения и концептуального изложения современной государственной политики руководства Монголии по поддержке и дальнейшему развитию монголоведных исследований в мире. При этом особое внимание уделяется вопросу эффективного использования новых возможностей для поддержки и развития монголоведе-ния в России, открывающихся в связи с принятием правительством Монголии Национальной программы развития монголоведения.

❁

Гукасян Г. Л.
(Москва)

Стратегия экономической модернизации в арабских нефтеэкспортирующих странах Персидского залива

(на примере Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта)

В настоящее время экономики арабских стран — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) являются наиболее устойчивыми в арабском мире, благодаря доходам от нефти, использование которых здесь стремятся направить на создание социально-экономической системы, которая должна будет обеспечить развитие, базирующееся в основном на не связанных с экспортом нефти источниках дохода.

Соответственно, в рассматриваемых странах существуют и корректируются стратегии социально-экономического развития и модернизации, направленные на достижение указанной выше цели.

В первую очередь, стратегии развития предусматривают создание конкурентоспособной экономики с привлекательным инвестиционным климатом, что включает в себя такие сферы модернизации, как экономическую инфраструктуру, не только материальную, но и институциональную (под последней понимаются правовые и организационные факторы осуществления предпринимательской деятельности в стране); стимулирование создания и развития новых предприятий и отраслей хозяйства, в т. ч. в сфере обрабатывающей промышленности; социальная политика, направленная на повышение качества жизни населения и его приближение к стандартам развитых государств. По существу, в рассматриваемой группе арабских стран наблюдается попытка занять новую нишу в мировом хозяйстве, помимо ниши, занятой данными странами в экспорте сырья в силу стратегического значения их нефтяных запасов.

Определенные аспекты стратегии модернизации стран ССАГПЗ представляют значительный интерес, позволяя лучше осмыслить варианты стратегии экономической модернизации развивающихся переходных экономик в условиях глобализации.

Во-первых, сложным является сочетание задач углубления открытости этих арабских стран мировому рынку, и, одновременно, укрепления местных хозяйственных структур, а также решения обостряющейся проблемы занятости населения.

Во-вторых, расширение рыночной сферы хозяйства в данных арабских странах должно происходить при сохранении у государства рычагов контроля за воплощением целей и задач социально-экономической стратегии, что решается посредством механизмов частно-государственного партнерства и финансовой политики, во многом эволюционным путем, и требует анализа путей приспособления данной стратегии к глобальному мировому рынку, роли и потенциала различных методов государственного влияния на экономику.

В третьих, важен вопрос о сохранении и вероятном видоизменении «социального контракта» между населением и властью в данных арабских странах в условиях снижения роли государственного сектора и возможного уменьшения ассигнований нефтяной ренты на социальные цели. Эта проблема связана с процессами переноса центра тяжести в новые сектора хозяйства и увеличения доходов ненефтяных секторов экономики стран ССАГПЗ, а также повышения производительности труда.

Руководящие круги стран ССАГПЗ обладают значительной финансовой «подушкой безопасности», что может позволить добиться включения механизмов самоподдерживающегося роста хозяйства за счет стимулирующего эффекта первоначальных инвестиций. Задача продолжения экономической модернизации вполне может сочетаться с процессами политической демократизации, но в случае усиления оппозиционных настроений властям стран ССАГПЗ придется ускорить реформы, сочетая такое ускорение с основной социально-экономической стратегией.

Дамбиева А. Ф., Ламажаа Ч. К., Хертек Ч. Е.
(Москва)

Тезаурусный подход к исследованию этнополитической истории Тувы

Этнополитическая история Тувы — одна из малоисследованных тем в отечественном востоковедении, несмотря на появление с 1990-ых годов ряда интересных работ. В первую очередь следует назвать пионеров темы в постсоветское время, когда по всей стране начала обсуждаться этнополитическая проблематика: Н. М. Губогло, З. В. Анайбан, Н. П. Москаленко, В. Р. Фельдмана, В. Г. Дацышена, М. В. Монгуш. Проблемы истории республики, в том числе этнополитические, отмечаются также в «Истории Тувы» — труде, который переиздается Тувинским институтом гуманитарных исследований с 2001 г.

В целом, проблематика этнополитической истории Тувы поднималась лишь аспектами. До сих пор отсутствует общая периодизация этнополитической истории Тувы, включающая и древние периоды истории (есть периодизация по хронологическому принципу в «Истории Тувы», периодизации отдельные обсуждаются в этногенезе, в культурогенезе, в политогенезе, причем чаще всего отдельно древности–средневековья и современности); мало обсуждается проблема преемственности традиционной культуры тувинцев и их этнических предков; исследования современных проблем лишь ограничиваются упоминанием о древней традиционности тувинского общества, что существенно обедняет анализ; проблемы политической культуры тувинцев до недавнего времени практически не поднимались.

Из новых привлекаемых методов исследований, на наш взгляд, перспективен тезаурусный подход — относительно новый, который начал разрабатываться одной из научных школ Московского гуманитарного университета под руководством Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова с 1990-х гг.

Тезаурусный подход относится к ряду социокультурных подходов, которые концентрируют свое внимание на духовной культуре общества. В основе подхода заключена концепция тезауруса как

субъектно организованного гуманитарного знания — организованного таким образом, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы. Концепция дает свою трактовку человеческой активности, сближающуюся с рядом философских, социологических, культурологических, антропологических теорий нашего времени, но и отличающуюся от них (систематизация данных в тезаурусе строится не от общего к частному, а от своего к чужому; все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено, буквально: сделано своим). Этот методологический ключ дополняется другими методами (сравнительно-историческим, социологическим, психологическим, историко-теоретическим и др.), соответственно исследование имеет междисциплинарный характер.

Применение тезаурусного подхода позволяет реконструировать мир культуры с точки зрения субъекта данной культуры, в том числе концентрируясь на проблематике политических отношений, связей, институтов; обобщить и выделить периоды стабильности и переходности в истории развития общества и его политической культуры, выстраивая тем самым периодизацию, и раскрывать другие аспекты в данной теме.

❁

Дацышен В. Г.
(Красноярск)

Историческое образование и востоковедение в России: исторический опыт и современные проблемы

Востоковедное сообщество России не может оставить без внимания проблемы места и роли востоковедения в отечественной науке и образовании. Только рассмотрев данные вопросы, можно говорить о перспективах развития нашей составляющей гумани-

тарного знания, определяться с целями и задачами наших научных дисциплин.

Гуманитарное образование, включая историческое его составляющее, в системе высшей школы современной России сегодня переживает кризис. Даже знакомство с утвержденными направлениями для бакалавриата по истории позволяет говорить о ликвидации специального исторического образования, как это было в нашей стране, например, в 1920-х гг. Исторический опыт позволяет с уверенностью говорить о том, что «историко-культурный туризм» и другие подобные направления не смогут обеспечить даже минимум общественных потребностей в исторической науке.

Гуманитарное образование лежит в основе воспитания человека, формирования личности. Современное образование позволяет решать поставленные перед ним задачи только тогда, когда отражает современный уровень науки, и гуманитарные науки здесь не могут быть исключением. Недостатки гуманитарного образования сводят на нет достижения науки и техники, и события последних десятилетий в очередной раз это подтверждают. И сегодня на повестку дня вновь поставлен вопрос восстановления классического университетского исторического образования как одной из основ всех гуманитарных наук.

Знакомство с опытом становления и развития исторической науки в России позволяет говорить об особой роли востоковедения. Для начала можно привести частный случай становления первого исторического факультета в Красноярске, самом большом городе восточной Сибири. В 1942 г. в Красноярском пединституте был открыт исторический факультет, становление которого было закончено с оформлением в 1946 г. кафедр отечественной и всеобщей истории. Первым заведующим кафедрой всеобщей истории КГПИ стал выпускник Монгольского отделения Общественно-политического факультета Ленинградского Восточного института Э. Р. Рыгдылон. Преподавателем новой истории стран Запада стал сын знаменитого архитектора, много лет прожившего в Пекине, специалист по теории и методологии истории В. В. Погонкин. Даже кафедру марксизма-ленинизма в 1945 г. возглавила специалист по истории русско-монгольской торговли Е. Х. Гребнева. Вторым заведующим кафедрой всеобщей истории стал выпускник МГУ по специальности «история нового времени» А. И. Блинов, приехавший в

Красноярск после защиты кандидатской диссертации по истории и культуре народа маори. Среди первых диссертаций, защищенных красноярскими историками, были как раз исследования по востоковедению. К концу 1950-х востоковедение было «вытеснено» из красноярских вузов, но вся историческая наука была «загнана» в рамки единственной в городе кафедры истории. Возрождение исторической науки в постсоветское время во многом повторило опыт 1940-х.

История становления исторического образования и науки в Красноярске выглядят несколько странно. Однако эта странность кажущаяся, достаточно внимательно познакомиться с историей становления исторической науки и образования, как в части всеобщей, так и отечественной истории в России. При этом говорить в первую очередь необходимо об истории всеобщей, несколько меньше зависящей от конюктуры политического и социо-культурного «заказа».

Согласно содержанию курса всеобщей истории в период оформления университетского классического исторического образования в XIX в., древняя история начиналась с «истории восточных народов, принадлежащих к культуре нашей всемирной истории». В европейском стандарте российских университетов, как и в Западной Европе, «восточными народами, принадлежавшими к нашей истории» относились египтяне, эфиопы, израильтяне, прочие семитские народы и иранские народы. Но реалии России создавали предпосылки к тому, чтобы «всеобщая история» начиналась и с тюрков, монголов, тунгусо-маньчжуров. Необходимость изучения «наших» народов привела к появлению российского университетского китаеведения, что подтверждается, в частности, биографией академика В. П. Васильева.

Востоковедная основа для всеобщей истории в России неизменно подкреплялась и в части истории отечественной. Еще в середине XIX в. талантливый российский китаист, выпускник Иркутской гимназии М. Н. Суровцов писал: «Немало найдется людей в нашем обществе, которые как-то узко-педантически относятся к Востоку и его изучению. Они… считают его сборищем каких-то варваров, не имеющих никакой доли участия в общечеловеческой работе. Во 1-х, нет ничего в мире, что бы не было достойно изучения, ибо наука — вечное стремление человечества к истине — охватывает все, что только имеет жизнь или жило… В 5-х, для нас, Русских, вы-

несших на своих плечах иго монголов и, может быть, на долгие времена поставленных в коммерческо-политические связи с Средней Азией и Китаем, изучение этих стран, и изучение самое широкое, компетентное во всех отношениях, становится неизбежным и час от часу ощутительным».

В качестве выражения общественных потребностей выдвижения востоковедения в качестве движущей силы развития мировых гуманитарных наук можно привести инициативу журналиста и чиновника особых поручений наместника на Дальнем Востоке С. Н. Сыромятникова, который писал: «В апреле 1907 г. я обратился к главным европейским и азиатским китаистам и ученым из учреждений всего мира с циркулярным письмом такого содержания: Европейская политика, социология, экономика основаны на опыте народов, имеющих незначительную историю и составляющих ничтожную часть человеческого рода. Вот почему общественные и экономические науки дают нам не мало ложных выводов. Между тем существует вполне достоверная история жизни огромного культурного народа на пространстве трех тысяч лет. Народ этот китайцы... Мне, русскому, близко стоящему к Азии... виднее, чем вам, насколько европейские науки односторонни, потому только, что они берут своим материалом быт культурных народов Европы, забывая долголетнюю культурную жизнь китайцев...».

Именно востоковеды с XIX в. стали знаковыми фигурами российской гуманитарной науки. Если говорить о советском периоде отечественной науки и образования, то ни для кого не секрет, что зачастую только востоковеды могли претендовать на какую-либо независимость и свободу в своих историко-концептуальных построениях, они были «локомотивом» гуманитарных наук.

Востоковедение сегодня крайне востребовано в отечественном образовании. Без формирования у россиянина знаний, адекватно отражающих реалии истории и культуры народов соседних стран, современное образование на любом уровне невозможно. Кроме того, история стран Азии, это, отчасти, и история России, в состав которой вошли многие народы и государственные образования, сформировавшиеся на континенте. Но для современного российского гуманитарного образования и науки значение востоковедения не ограничивается, собственно востоковедными направлениями и дисциплинами. Российское востоковедение может и должно стать

основой возрождения и развития отечественного исторического образования, а исторический опыт представляется убедительным тому подтверждением и основанием.

[1] *Пиков Г. Г.* М. Д. Храповицкий и М. Н. Суровцов: страницы биографии // История Железной империи. — Новосибирск, 2007. С. 186.

[2] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Разряд I (Китай). Оп.1. Д.18. Л.2

Дашиева Л. Д.

Семантика обрядовых протяжных песен монгольских народов

Феномен протяжных песен монгольских народов связан с сакральной семантикой обрядового пения и богатейшим интонационным содержанием, реализованным в мелодической, ритмической и ладовой организации монгольской протяжной песни *уртын дуу*, бурятской *ута дуун*, калмыцкой *уту дун*.

В начатом типологическом исследовании протяжных песен монгольских народов нас интересуют, прежде всего, вопросы семантики и генезиса протяжных песен. В записях Иакинфа Бичурина привлекает внимание замечательная генеалогическая легенда, имеющая мифологические корни, связанные с историей происхождения протяжных песен древних тюрков и монгольских народов: «У хуннского императора (*шаньюя*) родились две дочери чрезвычайной красоты… Шаньюй сказал, я предоставлю их Небу… на север от столицы… он построил высокий терем… один старый волк стал денно и нощно стеречь терем, производя вой… Меньшая сестра… сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство: посему-то люди здесь любят продолжительное пение (*протяжное.* — Л. Д.), или воют подобно волкам».

Вероятно, мифологическая основа возникновения протяжного пения косвенно подтверждает мнение историков и этнографов о

происхождении древнего рода *шоно* («волк») у тюрко-монгольских народов.

Говоря о генезисе монгольской протяжной песни *уртын дуу*, необходимо сказать о семантике одной из ее жанровых разновидностей — возгласных песнопений, исполнявшихся перед грозой. По сведениям Б. Ф. Смирнова, в старину при приближении грозы возгласное ритуальное песнопение раздавалось с порога каждой юрты [*Смирнов Б. Ф.* Монгольская народная музыка. — М.: Сов. композитор, 1971. — С. 81]. По-видимому, такое обрядовое протяжное пение имело цель — остановить грозу. Не случайно бурятский ученый этнограф и фольклорист Д. С. Дугаров, уточняя семантику этих песнопений *бороо зогсоон аялгуунууд* (напевы-обращения к Небу при приближении грозы), связывал их с обрядовыми протяжными песнями западных бурят *ай дон дуунууд* [*Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). — М.: Наука, 1991. — С. 214—246]. «Существовали напевы, — пишет Д. С. Дугаров, — не только для остановки, прекращения дождя — *бороо зогсоохо аялга*, но и вызывания дождя и грозы... западнобурятское хоровое антифонное пение *ай дон*. Призывала же *дон* группа старейшин рода или улуса (*села* — Л.Д.) во главе с белым шаманом жрецом культа бога Айа при помощи специального обряда *сасали* — жертвоприношения молочной водкой или кумысом и распевания особой протяжной песни в антифонном исполнении — жрец пел одну строку песни, а хор ему вторил. У бурят такое песнопение впоследствии получило название *ай дон дуун*» [Там же. С. 239]. По мнению ученого, исполнение обрядовых песен *ай дон дуунууд* у западных бурят было связано с культом плодородия, жертвоприношениями небу, земле, духам-хозяевам родовых гор, рек, земли, и являлось обязательным компонентом обрядовой системы белого шаманства.

Вероятно, в обрядовых песнопениях-обращениях к Небу и божествам выражалась не только просьба вызвать или остановить грозу, но и мольба людей защитить их от смерти и несчастья. По-видимому, на их интонациях выросли монгольские обрядовые протяжные песни *айзам уртын дуу* и с ними связаны обрядовые протяжные песни бурят *ай дон дуунууд*. Учитывая общую обрядовую семантику *бороо зогсоон аялгуунууд* и *ай дон дуунууд*, сходство интонаций монгольского напева и западнобурятской протяжной песни

очевидно. Думается, в дальнейшей работе необходимо продолжить исследование семантики обрядовых протяжных песен монгольских народов.

[1] *Уртын* (монг.) — «долгий, длинный», *ута* (бур.) — «длинный; долгий, протяжный»; *дуу(н)* — «песня» (мн.ч. *дуунууд*). *Уртын, ута, уту* является общим этническим термином, означающим протяжное пение монголоязычных народов.

[2] *Бороо* — «дождь»; *аялгуу* — «возглас»; *зогсоох* — «останавливать, приостанавливать; прекращать». Другим способом остановить дождь и грозу был посвист — «древнейший магический способ призывания *дон* — у монголов носит название *дон шуглэх*... По представлениям бурят, посвист — магическое средство вызывания ветра... Свист также считается магическим средством призывания духов».

[3] По древнему обычаю бурят гадания по первому весеннему грому, считалось, что если первый гром прогремит с северо-западной стороны, то год будет богатым и изобильным.

❋

Дербенев А. С.

Американо-саудовские отношения в контексте военно-стратегических приоритетов США на Ближнем Востоке в 1939—1945 гг.

Американо-саудовские отношения в военно-стратегической сфере в 1939—1945 гг. представляют серьезный исследовательский интерес по разным причинам. Прежде всего речь идёт о сотрудничестве Соединённых Штатов Америки с деспотическим режимом Ибн Сауда, что не соответствовало демократическим традициям американской внешней политики. Это объясняется тем, что подходы Вашингтона к ситуации на Ближнем Востоке к началу Второй мировой войны указывали на наличие жизненно важных интересов США в этом регионе (знаток рассматриваемых событий американский историк Б. Кунихолм считает, что американские монополии полностью контролировали добычу нефти в Саудовской Аравии и Бахрейне, 50% — в Кувейте, 25% — в рамках британской кон-

цессии Ирак петролеум компании, кроме того, были представлены и в других арабских странах [5, P. 80]), в тоже время, Вашингтон не располагал механизмами по их защите. В условиях нарастающей агрессивности Германии становилось ясно, что американской дипломатии ещj предстояло решить непростую задачу выработки оптимального курса в отношении Саудовской Аравии в специфических условиях Второй мировой войны. Новый этап американской политики в Саудовской Аравии, пока не нашедшей системного отражения в научной литературе, связан с военно-стратегическим сотрудничеством Вашингтона с Эр-Риядом в годы Второй мировой войны. Использование в данной статье американских дипломатических документов [1] позволяет взглянуть на американо-саудовские отношения в 1939—1945 гг. под новым углом. Важнейшим элементом американо-саудовских связей была военная составляющая. Белый дом был заинтересован сделать Ближний Восток более безопасным, но эта безопасность должна была в первую очередь обеспечивать интересы США. Вашингтону требовалось не допустить превращения королевства в плацдарм для закрепления Германии и свести к минимуму английское влияние на Ибн Сауда. В феврале 1942 г. заместитель государственного секретаря С. Уэллес направил в адрес президента Ф. Рузвельта меморандум, в котором информировал о необходимости создания американской военно-воздушной базы в Саудовской Аравии. Хозяин Белого дома положительно оценил инициативу Уэллеса [3. P. 562—563]. Новый 1943 г. стал важным хронологическим рубежом, как в политическом, так и в военном взаимодействии Вашингтона с Эр-Риядом. В июле Рузвельт подписал исполнительное распоряжение 8926 о распространении на королевство двух мечетей ленд-лиза [6. P. 70]. В 1944 г. американо-саудовское военное сотрудничество развивалось интенсивно и по многим направлениям. Ключевым механизмом влияния США на ситуацию в Саудовской Аравии стала материальная поддержка режима Ибн Сауда. Королевству была оказана военно-техническая помощь, включавшая в себя поставки вооружений, средств связи, автомобильной техники. Стороны вели диалог по вопросам стратегической обороны, осуществлялись визиты американских высокопоставленных военных, проводились образовательные курсы для арабских военных, а также наблюдения за военными учениям в королевстве [2. P. 724/5; P. 744—745.]. При этом английские власти

всегда ставили в упрек Соединенным Штатам военное сотрудничество с Эр-Риядом. Можно констатировать, что укрепление влияния в Персидском заливе становилось одним из главных приоритетов высшего военно-политического руководства США. Одновременно с этим США получили согласие монарха на строительство американской военно-воздушной базы в Дахране для военных самолётов, направляющихся в районы боевых действий против Японии [4, P. 1509—1516]. Причина активного военного сотрудничества кроется преимущественно в позиции американских властей, которые, укрепляя присутствие своих вооруженных сил в зоне Персидского залива, заложили основы военно-стратегического преобладания США в Саудовской Аравии, установив контроль над подступами к арабскому энергетическому эллипсу. Результатом этих мер стало включение Аравийского полуострова в зону геополитического влияния США.

Источники и литература

1. General Records of the Department of State, Internal Aairs and Foreign Aairs of States, Saudi Arabia.790 f. (microfilm edition, Macquarie University, Sydney); Foreign Relations of the United States (далее — FRUS).1941. Vol.III.The Near East and Africa. Wash., 1959; FRUS.1942.Vol.IV.The Near East and Africa.Wash.,1963; RUS.1943.Vol.IV.The Near East and Africa. Wash.,1964; FRUS.1944.Vol.V.The Near East, South Asia, and Africa. Wash., 1965; FRUS.1945.Vol.VIII.The Near East and Africa. Wash., 1969.
2. General Records of the Department of State, Internal Affairs and Foreign Affairs of States, Saudi Arabia. 790f. (microfilm edition, Macquarie University, Sydney); FRUS.1946.Vol.VII.The Near East and Africa.
3. FRUS. 1942. Vol. IV. The Near East and Africa.
4. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. N. Y., 1948.
5. Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton. 1980.
6. *Miller A. D.* Search For Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy 1939—1949. N. C., 1980.

❁

Дмитриев С. В.
(Москва)

Легендарная история уйгуров в «Стеле о заслугах идук-кутов Гаочан-ванов». Некоторые размышления

Уйгурский каганат (744—840), без сомнения, является не только одной из самых могущественных, но и одной из самых интересных для исследователя империй Великой Степи — он просуществовал достаточно долго (для кочевой империи), часто и решительно вмешивался в дела соседей, распространил своё влияние на огромные территории — от Южной Сибири на севере до северных предгорий Тибета на юге, и от Хингана на востоке до оазисов Кашгарии на западе. К тому же, уйгурские каганы приняли манихейство, приобщившись таким образом к очень давней культурной традиции, позволившей им взять на вооружение многие достижения согдийской культуры — от алфавита до градостроительства. Столица империи, Орду-балык, был настоящим чудом света — процветающий город в сердце степей.

Даже после своей гибели каганат оставил по себе долгую память в степи — ведь ему на смену долгие века, вплоть до Чингис-хана, не приходила ни одна кочевая империя. Многое удалось сохранить и уйгурам, бежавшим в Турфан и сумевшим закрепиться там в рамках небольшого, но процветающего Турфанского уйгурского княжества, просуществовавшего три с половиной века и затем одним из первых признавшего суверенитет монголов. Уйгурские советники говорили на языке, близком к монгольскому, а также, сохраняя кочевую ментальность, хорошо представляли себе, как правильно управлять оседлыми народами — именно поэтому на раннем этапе истории Монгольской империи именно уйгуры оказали на монгольских правителей влияние, несравнимое с иными народами.

Турфанские уйгуры оставили нам интереснейший образец своего исторического повествования — двуязычную китайско-уйгурскую «Стелу о заслугах идук-кутов Гаочан-ванов»[1]. Эта стела,

[1] Подробнее о стеле см.: *Дмитриев С. В.* К вопросу о Каракоруме. // XXXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки Отдела Китая. Вып. I. М.: «Восточная литература», 2009, прим. 6.

датируемая концом 1334 года, была установлена в качестве знака монаршей милости к роду идикутов.

Текст стелы крайне интересен с очень многих точек зрения, но сейчас остановимся лишь на одном из них — а именно на изложенной в тексте стелы легендарной истории уйгуров. Там сказано, что давным-давно в долине Орхона на некое дерево снизошёл небесный свет, дерево породило сияющий нарост, который через девять месяцев лопнул и оттуда были обретены пятеро младенцев. Младший из них, Удань-Бокук каган, стал править этим народом, его власть передавалась в течение 520 лет, на протяжении сорока поколений, вплоть до Алп Бильгэ кагана, который был обманут китайцами, которые под предлогом брака сына кагана с китайской принцессой выпросили у него одну из гор, которые обеспечивали мощь империи, разбили её на отдельные камни и вывезли в Китай, после чего уйгурская империя пала, и остатки уйгуров переселились в Турфан.

Легенда обращает на себя внимание тем, что, с одной стороны, показывает отличное знание турфанскими уйгурами топонимики долины Орхона, а с другой — почти совершенно не имеет никаких точек соприкосновения с историческими представлениями уйгуров времен империи, которые хорошо известны нам по рунической эпиграфике. К тому же очевидно, что турфанские уйгуры крайне приблизительно представляли себе историю Уйгурского каганата как такового.

Нам известно, что эти легенды имели хождение и раньше — почти в том же виде её излагает Джувейни, утверждающий, что эта история была начертана на одной из каменных стел, найденных в руинах уйгурской столицы и именно так её прочли Угэдэю. Таким образом можно с уверенностью сказать, что изложенная версия представляет устойчивую традиция, бытовавшую среди уйгуров в XIII—XIV вв., а не единичный случай авторской фантазии.

Конечно, массу вопросов вызывает личность Удань-Бокука (дословно: «Нарост на иве»). Ряд исследователей (А. фон Ле Кок, П. Пеллио, А.-М. Габэн) считали, что его прототипом следует считать Бегю-кагана (759—779), обратившего уйгуров в манихейство. Аргументом в пользу этой версии является опубликованный Ле Коком манихейский документ из Турфана, в котором упоминается, что Бокук-каган приезжал в Турфан советоваться с главой манихеев о назначении в каганат трёх махистаков (епископов).

Против этой версии выступал Абе Такео, предполагавший, что Удань-Бокук — это Кутлуг-каган, первый из правителей династии Эдизов, в 795 г. взошедший на трон пресекшейся династии Яглакар и восстановивший мощь каганата и влияние манихейства. По мнению Абе Такео, он должен был придумать для себя чудесное происхождение, чтобы укрепить легитимность власти новой династии. Теория эта довольно интересна, однако небесспорна — в частности, в Карабалгасунской стеле, поставленной в честь Кутлуга, ни слова не говорится о его чудесном рождении, хоть он и именуется Небесным каганом. А ведь именно тогда новая династия должна была бы, как кажется, наиболее активно заниматься пропагандой версии о чудесном рождении своего основателя. К тому же, в «Стеле идук-кутов» нет никаких намеков на то, что турфанские правители помнили о факте смены династии в Уйгурском каганате — судя по всему, они считали себя потомками единственной, по их мнению, династии, правившей уйгурами с праотеческих времен.

Нам кажется, что сторонники обеих версий ошибаются, не замечая, что оба случая упоминаний Бокук-хана происходят из Турфана. Судя по всему, среди уйгуров времен империи эта версия не циркулировала — иначе она, скорее всего, отразилась бы в источниках. Мы полагаем, что в данном случае история о рождении правителя из узла дерева относится к мифологическому багажу доуйгурского населения Турфана, возможно, тюрок-басмылов. Эта легенда, вероятно, была сперва перенесена турфанскими манихеями на Бёгю-кагана (которого, конечно, не считали родившимся из дерева непосредственно, но чествовали как потомка такого чудесного правителя), а затем использована пришедшими уйгурами (происхождение династии турфанских правителей, строго говоря, совершенно неясно) для легитимации своих претензий на власть в оазисе. Точно также у басмылов был заимствован и сам титул «идук-кут».

Интересно, что схожие легенды о рождении родоначальника при участии дерева зафиксированы у кыпчаков, а в форме, наиболее близкой к рассмотренной — у чоросов. Не исключено, что в данном случае это может быть объяснено влиянием уйгуров на становление т. н. Ойратского ханства (Союза четырёх ойратов), в первой половине XV в. во главе с чоросскими тайшами успешно боровшегося за господство в степях. Ряд исследователей считает, что ойраты именно в это время восприняли от турфанских уйгуров буддизм — не

исключено, что тогда же они адаптировали и рассмотренную выше турфанскую легенду о чудесном рождении идеального правителя, которая могла показаться им удобной для упрочения собственной легитимности в качестве владык Степи.

❋

Долгов Б. В.
(Москва)

Тезисы к докладу: «Арабская весна» в Северной Африке: причины и перспективы

Массовые выступления протеста, охватившие арабский мир в 2010 — 2012 гг., затронули целый ряд стран, и, в первую очередь, в Магрибе. Первыми результатами этих социальных движений, получивших название «арабской весны», стали свержение правящих режимов в Тунисе, Египте и крушение такового в Ливии. Причем если в Тунисе и Египте главными причинами антиправительственных выступлений стали внутренние факторы — социально-экономический кризис, коррупция и непотизм правящей верхушки, отсутствие реальных демократических свобод, то в Ливии решающую роль сыграл внешний фактор — военная поддержка оппозиционных сил извне.

Глубинные причины социального протеста в арабском мире коренятся прежде всего в наличии таких острых социально-экономических проблем, как безработица, низкий уровень жизни и ее качество, отсутствие жизненных перспектив для значительной части молодежи. Важным фактором недовольства и социальной напряженности являлись также многолетнее авторитарное правление одного лидера, использование его кланом и окружением всех финансово-экономических преимуществ, связанных с обладанием политической властью, злоупотребления и всевластие полицейского аппарата, отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении. В отличие от национально-освободительных революций XX века во главе протестных движений в арабских странах стояли не политические партии и их лидеры, а

молодые, пассионарные сибер-активисты, блоггеры и пользователи Интернета, призывавшие на манифестации протеста тысячи своих сверстников-сторонников. В Тунисе, например, таковым являлся Слим Амаму (род. в 1978 г.), работавший с веб-системами в компании Alixys, и ставший министром по делам молодежи и спорта в пост-революционном тунисском правительстве. В Египте это был Ваэль Гуним (род. в 1981 г.), сотрудник компании Google, создавший на своем Фейс буке сайт «Мы все Халиды Саиды» в память молодежного лидера-блогера, забитого насмерть полицейскими в Александрии. Ваэль Гуним после падения режима Мубарака в Египте возглавил молодежное движение «Мы все Халиды Саиды». В Ливии — Мухаммед Наббус (1983—2011), один из активистов оппозиционной молодежной организации, создавший веб-сайт Свободная Ливия (Либийа хурра), погибший во время столкновений с правительственными войсками в Бенгази.

Необходимо отметить, что в большинстве арабских стран молодые люди в возрасте до 35 лет составляют до 50% населения. Именно они в большей степени страдают от нерешенности социально-экономических проблем. Так например, безработица среди этой категории населения достигает 50% и выше. Причем безработными оказывается большое число дипломированных специалистов (особенно по гуманитарным специальностям) из-за отсутствия рабочих мест. Они не могут применить свои знания, занять достойное место в обществе, что особенно было характерно для Туниса и Египта. Чтобы иметь средства к существованию молодые люди вынуждены заниматься розничной торговлей и всевозможным мелким бизнесом, что не дает им достойной зарплаты. По этой причине они зачастую не имеют возможности создать семью, что является немаловажной проблемой, так как семейные ценности в арабо-мусульманском обществе занимают достаточно важное место. В то же время среди этой категории населения в большей степени наблюдается рост гражданского самосознания и стремление пользоваться демократическими свободами. Причем здесь не последнюю роль играют современные электронные средства массовой информации (в арабских странах достаточно развито спутниковое телевидение и сети Интернет-кафе, которые дешевы и доступны для всех слоев населения). Одним из главных внешних факторов, повлиявших на обострение социально-экономических проблем, переживаемых арабским миром, стал

мировой финансово-экономический кризис. Он начался в 2008 г. и затронул, хотя и в разной степени, экономики всех арабских стран.

Подводя краткие предварительные итоги «арабской весны» вероятно можно выделить два важных ее результата. Первый — это усиление роли ислама и движений, исповедующих политический ислам, практически во всех странах, затронутых «арабской весной». В то же время эту некую «исламизацию» не стоит воспринимать однозначно негативно. Социально-политические процессы в «постреволюционных» арабских странах находятся в постоянном развитии и в них пытаются активно участвовать демократические силы. Вполне возможно, что народы, освободившиеся от коррумпированных авторитарных режимов, смогут построить общества на базе своих исторических традиций и культурных ценностей, основной из которых является ислам. В то же время в связи с обострением экономических проблем и политической борьбы, что неизбежно в переходный период, усиливается влияние внешнего фактора и иностранного вмешательства. Вторым результатом «арабских революций» является то, что возникающие на обломках авторитарных государств новые политические режимы возможно изменят баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке и, в какой-то степени, в мире в целом.

❋

Другов А. Ю.
(Москва)

Светские корни религиозного радикализма на опыте Индонезии

1. Индонезийское общество является:

— мультиконфессиональным (до 88% мусульмане-сунниты, а также христиане — католики и протестанты, индуисты, буддисты, конфуцианцы);
— мультиэтническим (при наличии этноса большинства — яванцы) и мультирасовым;
— мультикультурным и в известном смысле мультицивилизационным;

— мультиправовым — законы государства, законы религии, обычное право.

2. С падением в 1998 г. репрессивного военно-авторитарного режима, в течение 32 лет (с 1966 г.) правившего страной, обнажился целый комплекс противоречий в социальной, экономической и демографической сферах, проблем, которые ранее загонялись вглубь и их обсуждение запрещалось.

Экономическое развитие, в целом достаточно успешное, в то же время усугубило имущественно неравенство и не было сбалансированным в географическом отношении, по регионам страны.

Миграционная политика, направленная на выравнивание плотности населения, привела к тому, что в ряде районов страны мигранты, часто принадлежавшие к другим этносам и конфессиям, порой более динамичные и активные, нежели коренные жители, нередко вытесняли их из традиционных ниш обитания и трудовой деятельности и, в конечном итоге из местных органов власти и управления.

4. Политическая элита, психология и культура которой в значительной мере деформировались десятилетиями авторитаризма, оказалась разобщенной, чрезвычайно подверженной коррупции. Практически она не сформировала движений и не выдвинула фигур, способных обеспечить такое прочное большинство в парламенте, которое необходимо для эффективного осуществления демократизации страны.

Вследствие этого снижается авторитет государства, власти в глазах населения, традиционного по своему сознанию, в котором сочетаются завышенные ожидания и требования по отношению к властям предержащим с быстрым и порой радикальным по формам выражения разочарованием.

5. В обстановке перемен, начавшихся после 1998 г., в поисках устойчивости, определенности, социальной справедливости, необходимого уровня правопорядка люди обращаются к религиозным канонам, находя в них обоснование дл защиты своих прав и интересов. При этом нередко эти права и интересы, так же, как и допустимые способы их защиты, толкуются весьма избирательно и субъективно.

6. В тех нередких в условиях Индонезии случаях, когда социальные, имущественные, этнические и конфессиональные различия налагаются друг на друга, возникает некая «критическая масса» и вспыхивают конфликты, порой кровопролитные и принимающие

религиозную окраску, которая дает противостоящим сторонам мнимую легитимацию своих действий.

7. С распадом Советского Союза и возникновением тенденции к образованию «монополярного мира» у индонезийских мусульман появилось ощущение, что Ислам и его последователи — единственная сила, с которой считается, пусть со знаком «минус», самая могущественная держава мира, репутация которой в глазах большинства индонезийцев весьма невысока.

И, напротив, кризисные явления последних лет противопоставляют греховный западный капитализм исламским ценностям и морали.

8. Отсюда радикализация мусульманской общины, требования создать шариатское государство, что в условиях Индонезии привело бы к распаду страны и возникновению мощного источника международной напряженности.

9. Системная мусульманская элита в целом исходит из необходимости сохранить Индонезию как мультиконфессиональное государство без предоставления Исламу исключительных прав и статуса. Но этот слой, как признают многие индонезийские аналитики, часто далек от рядовых членов уммы, от того уровня, где повседневные житейские трудности порождают напряженность, принимающую религиозную окраску.

❋

Дувакин Е. Н.
(Москва)

Сибирско-монгольские связи в области шаманской мифологии

В докладе будут представлены результаты работы по выявлению связей между народами Сибири и Монголии в области шаманской мифологии. Исследование базируется на электронном каталоге мотивов, в котором систематизированы данные примерно из 700 текстов, записанных в 38 традициях. Такая выборка позволяет говорить о тенденциях в географическом распределении шаман-

ских мотивов и связях между отдельными ареалами и этническими группами. Значительная часть обработанных монгольских материалов была записана в ходе экспедиций Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ в 2006—2011 гг.

Речь пойдёт в основном о двух группах мотивов, зафиксированных у халха-монголов, ойратов, дархатов и — одновременно — в Северной Евразии. Первая из этих групп встречается там в большинстве ареалов и представляет собой единый сибирско-монгольский мотивный пласт, вторая — только в юго-восточной части региона и, вероятно, является общим тюрко-монгольским наследием.

❃

Захаров А. О.
(Москва)

Современные тенденции в изучении древней и средневековой истории Юго-Восточной Азии

В начале XXI в. изучение древней и средневековой истории Юго-Восточной Азии вступило в новую стадию. Основное содержание этой фазы составляют беспрецедентное расширение археологических исследований с неизбежным многократным увеличением доступных источников, неудержимая критика традиционной концепции истории региона как периферии великих цивилизаций Индии и Китая и подчёркивание самостоятельного характера местных эволюционных путей или неожиданное тяготение к обобщениям материала в археологии [Southeast Asia 2004; Higham 2002] и истории [Munoz 2006; Miksic 2007; O'Reilly 2007].

Современная англоязычная историография нацелена на пересмотр традиционной концепции истории ЮВА и развитие микроскопических исследований. Примерами первого могут служить монографии Д. О'Рейли и К. Холла [O'Reilly 2007; Hall 2011], второго — статьи в трудах археологических конференций или ведущих периодических изданиях (например, работа Р. Вессинга о топониме Таруманагара [Wessing 2011]).

Монография американского историка Кеннета Холла [Hall 2011] представляет собой новую попытку осмыслить историю «ранней» Юго-Восточной Азии. В 1985 г. он издал казавшуюся тогда эпохальной работу «Морская торговля и развитие государства в Юго-Восточной Азии», где показал теснейшую взаимозависимость колебаний ритмов торговли и политической эволюции местных сообществ [Hall 1985]. Это стало дальнейшим развитием гипотезы Якоба Ван Лёра и Оливера Уолтерса о ведущей роли торговли и предпринимательства в истории древней и средневековой Индонезии [Van Leur 1955; Wolters 1967]. Наряду с монографией О. Уолтерса о глубочайшей самобытности Юго-Восточной Азии [Wolters 1982] книга Холла до недавнего времени образовывала фундамент научного знания об истории Юго-Восточной Азии до рубежа XIV—XV вв. В этих монографиях политическая история не занимала главного места, отведённого ей в учебнике Жоржа Сёдеса «Индуизированные государства Юго-Восточной Азии» [Cœdès 1948], и развитие региона трактовалось как глубоко самобытное, а не обусловленное индийским культурным влиянием. Само это влияние рассматривалось как следствие сознательного выбора местными правителями индийского культурного наследия в интересах их легитимации. Торговые связи и торговые сети считались необходимым условием заимствований.

Новая монография Холла на первый взгляд повторяет его предшествующую работу. Но лишь отчасти. Уже её название указывает на существенный сдвиг в представлении о прошлом, о предмете изучения и о факторах эволюции. В русском языке нет артиклей, и потому сознательный выбор неопределённого артикля в английском названии должен привлечь наше внимание. Перед нами, как недвусмысленно заявляет Холл, одна из возможных историй ЮВА. И это свидетельство новой парадигмы западного мышления — постмодерна с его фундаментальным принципом “anything goes” (по выражению Пола Фейерабенда).

Весьма примечательно, что Холл называет «ранней историей» период со II до XV в. н. э. включительно, поскольку в недавней монографии Дугалда О’Рейли ранними цивилизациями ЮВА назывались политические образования I—VIII вв. [O’Reilly 2007]. Таким образом, предикат «ранний» ни на что определённое не указывает, это условность, которая вполне согласуется с отмеченной выше

тенденцией создавать одну из возможных, а вовсе не единственную «подлинную» историю [см. также: Мегилл 2007].

Предметом изучения в новой монографии Холла становится не государство, а социальное развитие, которое тесно связывается с колебаниями морской торговли. От предшествующей концепции осталась одна лишь торговля. Именно торговля и обмен считаются ныне главными факторами истории ЮВА.

Можно констатировать сознательный отказ современной историографии от западной категоризации, в частности, от понятия «классическая эпоха» (classical era) по отношению к ЮВА. Но стремление преодолеть западные категоризации, говоря при этом по-английски и используя столь размытые понятия, как «ранняя история», показывает новый стиль западного же мышления, стиль постмодерна, где соединение несоединимого становится нормой [подробнее см.: Дугин 2009].

Зеленев Е. И.
(Санкт-Петербург)

Понятия геокультура и хронокультура в контексте востоковедного знания

Выдающийся английский антрополог прошлого века сэр Эдмунд Лич (1910—1989) одним из первых пытался связать современное состояние культуры (культурогенез) с эпохой «универсальных коммуникаций», а также — увидеть культуру в системе координат пространства и времени, снискав репутацию исследователя «экологии человека».

На примере монгольской юрты он метафорически показал, как культура связана с пространством. Круглая по форме, стоящая где-то в безбрежной монгольской степи, юрта точно ориентирована входом на юг. Пространство внутри поделено и образует сложную сетку — восток/запад, север/юг, — так что в каждой части палатки

осуществляется деятельность точно предсказуемого характера: социальная, техническая или ритуальная.[1]

С геокультурных позиций за пределами юрты пространственная ориентация не имеет смысла, внутри же — она безусловна.[2] Это отражает глубокую психологическую потребность любого человека в чувстве защищенности, а такое чувство возникает, когда знаешь, где ты находишься и в каком направлении движешься. Оказывается, что пространственная навигация может быть не только физической, но и социальной, политической, культурной. К примеру, пространственные ориентиры «правый» и «левый» имеют не только физическим, но и символический психологический смысл, поскольку правое обычно предпочтительнее левого. Но самое главное, что они могут существовать только вместе, образуя пару: без правого не бывает левого. По аналогии понятие внутреннего не может существовать без внешнего и наоборот. Смысловое содержание этих понятий и их взаимосвязи зависят от избираемых исследовательских стратегий, из которых в современном мире наиболее типичны геокультурная (включая цивилизационную), геополитическая (включая имперскую), и хронокультурная (она же универсальная или глобальная), о которой будет сказано ниже.

Вслед за такими корифеями функционализма как Бронислав Каспар Малиновский, Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун и Клод Леви-Строс Э. Лич развивает концепцию «бинарного кодирования и бинарных оппозиций», имеющую важнейшее значение в культурных коммуникациях, в частности при формировании персональных конструктов. Допустим, что бинарная оппозиция «Восток-Запад» несет в себе смысловое обобщение едва ли ни глобального уровня, схожее содержание может быть усмотрено и в противопоставлении «Севера и Юга», например, в культурогезе европейских народов или в постиндустриальном перемещении центров промышленного производства. А вот пространственные пары Восток/Север или Запад/Юг лишены какой-либо внятной метафоричности, так как не содержат бинарной оппозиционности.

---

[1] *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 66.

[2] С геополитических позиций все обстоит наоборот: важны, прежде всего, параметры внешней пространственной организации, влияние которых по существу и определяет конфигурацию внутреннего пространства.

Социальная антропология[1] как научная дисциплина различает объект и предмет исследования. Если объектом исследования всегда оставалось человеческое сообщество, то предметом в различных концепциях могло быть и общество, и культура. Структуры культуры и общества, находясь во взаимосвязи, никогда не сливаются, образуя «бинарную оппозицию». Поэтому приходится выбирать, на чем делать акцент, на культуре, или на обществе и в зависимости от этого склоняться либо к социальному, либо к культурному детерминизму.

Э. Лич стремится уйти от фатальной дилеммы в пользу так называемого «интерпретивного знания с символическим пониманием». Оно избыточно, то есть не обязательно доступно для всех, и служит охватывающей системой для интерпретируемой реальной системы. Основу этого знания составляют бинарные оппозиции, логика которых охватывает Вселенную. Интерпретивное знание сравнительно легко трансформируется из «знания для себя» в «знание для многих», то есть наряду с когнитивной функцией, начинает выполнять функцию жизнедеятельности, обретая свойства интеркоммуникативности и, в конечном смысле, — реальности. Знак или символ приобретают значение только тогда, когда его отделяют от какого-либо другого, противоположного знака или символа и помещают в конкретную пространственную среду.

Человек окружает себя геометрически правильными предметами, тогда как в дикой природе, безусловно, преобладает беспорядочное пересечение хаотичных кривых. Человек нуждается (или ему так кажется) в упорядоченности окружающего его пространства, он часто ищет логику даже там, где ее, скорее всего, нет или она непостижима. Цель духовных усилий человека — привести представление о сложном к простому образу — упорядочить культуру, противопоставив ее сложной Природе. Природа же, напротив, демонстрирует полное пренебрежение «правильными формами», но ищет гармонии и симфоничности малого в целом. Вот как об этом рассказывается в старинной буддийской притче.

---

[1] *Социальная антропология* — мультипредметная научная дисциплина, изучающая человека и человеческое общество, закономерности их развития и культурное многообразие.

Махавира был современником Будды. Он основал религию джайнов, проповедуя идею ненанесения вреда всем живым существам. Махавира, как и Будда, никогда не говорил о Боге. Он говорил о Божественности, о Единстве, о Природе, о Жизни, об освобождении от пут невежества. Он учил, что природа двойственна и удерживает человека в сетях невежества. Эта двойственность проявляется в элементарной логике, а человеку для познания истины необходимо развивать парадоксальную и абстрактную логику. Примером такой логики был его ответ на вопрос: «Существует ли Бог?». Он отвечал на этот вопрос так: «Возможно «ДА». Но подождите, не делайте поспешного заключения. Возможно «НЕТ». Но подождите, возможно «ДА» и «НЕТ». Язык очень беден, с его помощью трудно выразить столь сложную гамму представлений. Возможно «ДА» и неопределенное ни «ДА», ни «НЕТ». А возможно «НЕТ» и неопределенное ни «ДА», ни «НЕТ». Жизнь — это радуга. Возможно «ДА» и «НЕТ» оба, и неопределенное ни «ДА», ни «НЕТ».

Сам по себе контраст между рукотворной геометрической топографией и хаотичной природной топографией является метонимическим знаком более широкого общего контраста между Культурой и Природой. Время и пространство как взаимосвязанные представления составляют среду обитания Природы и Культуры. Природа не может существовать вне пространства и времени, тогда как жизнь Культуры вне одного из компонентов этого комплекса представляется возможной. Культура с преобладающим пространственным компонентом интерпретируется с помощью свойств синхронности и фрагментарности (дробности, детализации), что позволяет говорить о ней в контексте теории геокультурных пространств и геокультурных полей.

Культура с преобладающим компонентом времени живет жизнью «внепространственных идей», сближаясь с понятием «хронокультура». Так, приобретшие сегодня культовый характер мифы и музыка абсолютно хронокультурны, поскольку, согласно Леви-Строссу и Личу, *уничтожают время.*[42]

---

[4] *Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 56, 62—63.

Понятие *хронокультура* в чистом виде характеризует затраты времени для образования тех или иных искусственных форм (в том числе впечатлений) и социально обусловленных моделей поведения индивидуумов, социумов и макросоциальных групп. Хронокультура как принцип фокусирует внимание на процессе и времени его протекания, как бы игнорируя пространство с его локальным разнообразием культур. Хронокультурный подход старается не замечать пространственный ландшафт, если он в культурном отношении неоднороден или, не дай бог, несет идею культурной альтернативы. На самом деле это скорее всего иллюзия, просто под пространством сегодня весьма часто подразумевается не локальная и понятная разуму территория, а Мир в целом, представления о котором нередко замаскированы идеей «приватизированной локальности» — привязанности к своему реальному или ретроспективному местопребыванию.

Вводя понятие *хронокультуры*, мы совершенно сознательно допускаем его в качестве бинарной оппозиции геокультуре. Бинарная оппозиция хронокультура/геокультура вводит в научный оборот особую оценочную шкалу, которая весьма остро ставит вопрос о культурном состоянии современного мира, выстраивающемся между двумя полюсами. Полюс хронокультуры символизирует универсальные ценности, восходящие, прежде всего к западному паттерну культурного развития, с его акцентом на духовную независимость личности. Полюс геокультуры, напротив, указывает на сохранение локального культурного разнообразия в протоглобальном мире.

Хронокультура — это вера, преобладающая над чувствами, вера в принципы, но без эмоциональной составляющей жизни, это «любовь не по расчету, но с расчетом», по словам персонажа «Обыкновенной Истории» И. А. Гончарова. Прагматизм и практицизм, которые сами по себе не плохи, но в отсутствии чувства они легко превращаются в крайности фанатизма или безразличия. Хронокультура вытесняет пространство из логики рассуждений, подчиняя его логики культурного концепта. Например, привязанность высшего порядка — любовь — в контексте хронокультурных рассуждений превращается в привязанность не к человеку как таковому, а к процессу привязанности, подменяясь привычкой к заботе, опеке, помощи, ласке, сексу и т. д.

Возможно, все изложенное кому-то покажется пессимистичным и преувеличенным, а кто-то, напротив, увидит весьма заманчивую

перспективу для индивидуального самоопределения без диктата «догм и вечных истин». Многое зависит от нашего отношения к тому, что мы называем современностью, и хотели бы видеть в будущем. Верить в неизменность или менять веру — дилемма не из простых. Поэтому в заключение статьи вместо свода выводов — забавная история о вечном враге человечества.

Дьявол решил прогуляться с приятелем. Вдруг он увидел путника, который что-то поднял с земли. «Что он нашел?» — спросил спутник дьявола. «Кусочек Истины», — ответил дьявол. «И тебя это не беспокоит?» — изумился его приятель. «Совершенно не беспокоит», — ответил дьявол, — «Он не успеет им воспользоваться, поскольку я помогу ему сделать из истины предмет веры, поклонения и культа. Моя победа — лишь вопрос времени».

Эта притча указывает на два непохожих, но по-человечески неотделимых друг от друга подхода к Бытию. Речь идет о выборе между верой или философствованием, то есть между следованием путем *Homo cogitans* (человека размышляющего) или *Homo credens* (человека верующего). В нынешние времена глубокой как никогда перестройки мироздания, верующий человек, говоря словами Вл. Соловьева, «по необходимости становится мыслящим».[5]

С востоковедных позиций (а все что изложено выше, изложено именно с востоковедных позиций) символической фигурой геокультуры выступает «Человек Востока», а символической фигурой хронокультуры выступает «Человек Запада» и «с мест они не сойдут». Подобно тому, как полушария головного мозга участвуют в мыслительной деятельности, «Человек Востока» и «Человек Запада» присутствуют в каждом человеке, влияя на характер мышления и модель поведения. Теперь они не вне системы человека, а внутри неё. Вопрос не в том, кто одержит верх, а как они уживаются, как взаимодействуют, каким образом и в какой части системы возникает преобладание одного над другим и, наконец, каким будет рожденный этими взаимоотношениями результирующий вектор развития. Ответы на эти вопросы призвано искать современное востоковедение.

---

[5] *Соловьев В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соч. в 2 т. под ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М., 1988. С. 740.

Зиганьшин Р. М.
(Москва)

Религиозно-мифологический фактор стабильности государства

Социальная жизнь коллективна по самой своей природе, а любому коллективу, как правило, свойственна идея, его связывающая. Племя, этнос, нация, государство — это, также как мифология и религия, прежде всего идея, которая живет, не только в сознании у отдельного человека, но и в бессознательном (в т.ч. коллективном). Наверно не стоит сомневаться в том, что сюжеты древних мифов служили моделями для организации социально-политического устройства и других сторон жизни древних обществ. Модель устройства космоса, мира, его происхождения (космогония) служила моделью устройства, образования родо-племенных организаций, а затем государств. Эволюция социально-политической организации общество и государства была взаимосвязана с эволюцией религиозно-мифологических представлений. Оба процесса шли параллельно, с обоюдным влиянием друг на друга. Практически во всех мифах разных народов присутствуют естественные для мифологического сознания представления о развитии мира из первоначально некоего аморфного недифференцированного состояния в состояние структурно-организованное дифференцированное. По мере развития сюжета того или иного мифа можно наблюдать, подаваемый в той или иной форме, процесс превращения неорганизованной вселенной (хаоса) в организованную — космос. Такая тенденция изменения вещей и сопутствующая этому цепь событий, несомненно, сформировала в сознании древних людей некую модель, являющуюся основой для алгоритма поведения, как отдельного человека, так и всего общества. Недавно выделилось целое междисциплинарное направление — синергетика, имеющая прямое отношение к вопросу о превращении хаоса в некую организованную структуру.

Смысл всякой космологии, т. е. учения о космосе, вселенной, состоит в том, чтобы свести многообразные знания о мире в единую, достаточно стройную картину, объемлющую наиболее важные факты и представления. Сопоставляя и анализируя окружающие явле-

ния и предметы, человек закономерно приходил к выводу о том, что если мир существует в ожесточенном внутреннем противоборстве и тем не менее не гибнет, распадаясь на составные элементы, то, значит, есть нечто такое, что удерживает его в постоянном устойчивом равновесии[1]. Л. С. Васильев выделяет пять основных функций религии: Компенсирующая, интегрирующая, регулирующе-контролирующая, экзистенциальная, политическая[2]. Исходя из чего можно заключить, что религия в древности была не только с точки зрения материалистов средством «одурманивания» и проявлением «искаженного восприятия», но и выполняла важную институциональную функцию в древних обществах, протогосударствах и государствах. Сомнения и разочарования в истинности и незыблемости основных религиозных/поторелигиозных постулатов и догм грозили распадом и уничтожением таких сообществ. На мой взгляд, не случайно, что атеизм стал возможен, тем более безнаказанно возможен, только тогда, когда ряд важнейших институциональных функций, которые традиционно выполняла религия, взяло на себя государство, со всеми своими институтами. Оно же стало объектом социально-политического протеста, и людской гнев за все несправедливости земного мира со священников (не умеющих или не желающих «правильно» воплощать на земле божью волю) со временем переориентировался на государство и его чиновников. Такие настроения во многом явились теоретическим обоснованием для свержения существующего государства, точнее государственной власти, которое тогда, как правило, олицетворял своею персоной монарх. Как это ни парадоксально, побуждающим мотивом для свержения «плохого» государства, по моему мнению, были милленаристские и эсхатологические[3] мотивы, существующие в сознании людей в виде архетипов. Вместе с тем, такое важное явление в политической жизни как легитимность

---

[1] *Евсюков В. В.* Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. С. 6—7.

[2] См.: *Васильев Л. С.* История религий Востока. 6-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2001. С. 7—9.

[3] Милленаризм (от лат. mille, «тысяча») или хилиазм (от греч. «тысяча») — учение, в основе которого лежит буквальное толкование библейского пророчества, говорящего о тысячелетнем Царстве Божием на земле в конце истории. Эсхатология (от греч. «конечный», «последний») — система религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни.

власти в общественном сознании тесно связана с этим же мифологическим мышлением, которое так или иначе продолжает жить в современном мире и, судя по всему, никуда не уйдет.

В Китае, в отличие от многих других цивилизаций, само государство и государственная власть с глубокой древности были в высшей степени сакрализованы. Мистика и мантика здесь удивительным образом нашли свое логическое продолжение в основном в этико-политической плоскости, что дало основания некоторым исследователям для не совсем обоснованного, на мой взгляд, утверждения об очень ранней секуляризации и десакрализации общественной мысли в древнем Китае. Никакие модные учения и течения Нового времени, в т. ч. и заимствованные извне, не смогли в итоге поколебать без преувеличения сакрального авторитета государственной власти в китайском общественной сознании. Временно авторитет может потерять конкретный человек на высшем государственном посту (утратить «Мандат Неба»), но никак сам институт центральной власти. Это всегда обуславливало относительно большую устойчивость и стабильность китайского государства, какие бы социально-политические катаклизмы и потрясения временно в нем не происходили. Парадоксально, что в Китае достаточно легко было поднять массы на свержение утратившей легитимность правящей династии, но также сравнительно легко было установить государственный порядок вновь. Для последнего (как, впрочем, и для первого) в Китае давно сложилась культурно-социально-психологическая база, потенциально служащая базой, как для стабильности, так и для возможный потрясений. Нечто подобное характерно и для других государств и цивилизаций, но для Китая это характерно, на мой взгляд, в большей степени.

Иванов В. В.
(Казань)

«Татаризация» миссионерской деятельности новых религиозных движений неопротестантского типа в Урало-Поволжье

Свидетели Иеговы (СИ) — религиозная организация, которую часть религиоведов относят к сектам. Часть религиоведов считает учение организации неопротестантским, другая часть — относит данное учение к псевдохристианским, отмечая сходство с арианской ересью. Руководящий центр организации (т. н. «Сторожевая Башня») находится в Нью-Йорке (США).

Неопятидесятники (НП) — одно из новых религиозных движений (НРД) протестантского характера, восходящее к традиционным пятидесятникам, но имеющее отличия от них как в учении, так и религиозной практике. Частью религиоведов также относятся к неопротестантам. Это движение представлено в России разноименными организациями, например: «Церковь новое поколение», «Слово жизни», «Благодать», «Дом горшечника», «Церковь Любви Христа», и пр. Рост числа этих организаций на территории России с начала 90-х был обусловлен прямой финансовой поддержкой со стороны протестантских религиозных организаций США.

Характерной особенностью деятельности СИ и НП сект на территории регионов Приволжского и Уральского федерального округов (ПФО и УФО) в современный период является то что они активно практикуют миссионерство на татарском и башкирском языках среди сельского населения.

Первые попытки этих организаций вести проповедь на татарском языке отмечены в начале 2000-х гг. Это стало возможно в связи с наличием большого количества адептов из числа этнических татар. Известно что активно проповедывать среди татар (на русском языке) миссионеры этих организаций в ПФО и УФО начали в начале 90-х гг. XX века, что привело к притоку в эти организации людей знающих татарский язык. В настоящее время среди пасторов (лидеров общин) НП деноминаций на территории ПФО и УФО достаточно много этнических татар.

Миссионеры СИ и НП организаций распространяют в этих регионах среди сельского населения свою религиозную литературу на татарском и башкирском языках. И НП, и СИ в проповедях используют цитаты из Корана, причём утверждается что «Мухаммед пересказал Библию на арабский, но его ученики не всё правильно записали».

В проповедях используется слово «Алла», представляющий собой татаро-башкирский вариант произнесения слова «Аллах». Причём данное слово («Алла») и СИ, и НП используется и в том случае, если проповедь среди татар и башкир ведётся на русском языке.

НП Имя Иисуса также используется в транскрипции принятой у мусульманских народов — Иса либо Гайса, в проповедях говорят что «в Гайсе воплотился Алла». СИ говорят в проповедях что «правильное имя Алла — это Иегова», также используют выражение «Алла Иегова».

Лидеры НП учат членов миссионерских групп что «мы должны добиться того чтобы у татар были свои пасторы-татары которые на татарском языке будут проповедывать в татарских христианских общинах». Аналогичной цели добиваются и лидеры СИ.

Приезжая в татарские и башкирские деревни СИ свои проповеди позиционируют как «лекция о будущем человечества», «семинар по проблемам воспитания детей», «психологическое консультирование», причём в последнем случае лидер миссионерской группы объявляется «специалистом по психологии».Методы НП более разнообразны — концерты, спектакли передвижных театров, «психологические семинары» и «тренинги».

В перспективе миссионерская деятельность СИ и НП среди сельского татарского и башкирского населения приведёт к дроблению сельских общин по религиозному признаку, и повышению уровня конфликтности как внутри татарского и башкирского этносов, так и к повышению конфликтности в российском обществе в целом, обусловленного в том числе и тем что отдельные религиозные деятели из числа представителей этих народов проповедническую деятельность вышеназванных сект рассматривают как «экспансию христианства» и продолжение политики царской России по христианизации тюркских народов. По этой причине, проповедь этих организаций в перспективе может привести к росту межконфессиональной напряжённости, к нарушению сложившегося в Урало-Поволжском регионе баланса в этноконфессиональной сфере.

Идельбаев М. Х.
(Уфа)

Авторская изустная поэзия в системе мировой и изустной словесности. Взаимосвязь башкирской изустной поэзии и письменной литературы

В истории мировой словесности время возникновения и продолжительность авторской изустной поэзии в различных историко-географических регионах были разными. Тысячелетняя шумерская литература представляла собой «процесс перехода от устной литературы к письменной[1]». У народов с ранней или готовой письменностью изустный период литературы может быть весьма кратковременным и незаметным. Египетская литература «древнего царства», при широком распространении фольклора, была только авторской и известна только в письменном виде. Из далекого изустного периода китайской литературы остались следы в виде своеобразных жанров и жанровых форм. Изустный этап пережили доклассовая греческая, средневековые западноевропейские и др. литературы. Создатели и исполнители изустной литературы, в зависимости от условий, в различных историко-географических регионах имели определенную преобладающую творческую направленность. Например, в древней Индии певцы делились на три группы: 1) знатоки священных индусских преданий; 2) бхараты, которые пели о боевых подвигах, знали «родословную и семейную историю местного властителя»; 3) певцы из обездоленных каст Индии[2]. Кельтские друиды, барды, фили, древнегреческие аэды были носителями эпических традиций, пели про деяния предков на праздниках и пиршественных застольях при княжеских дворах, религиозных торжествах; друиды «не излагали письменно своего учения, ... они были прорицателями, знахарями, врачами, жрецами, наставниками; освобождены были от военной службы и окружены были почетом; друид шел

[1] История всемирной литературы, т. 2. М.: Наука, 1984. С. 211.

[2] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 252.

рядом с королем, во главе общества»[1]. Средневековые бургундские канторы, африканские гриоты, старогерманские шпопы –дружинные певцы — прославляли военные подвиги, победы. А жонглеры Франции, шпильманы Германии, скоморохи Болгарии и Руси в основном вели бродячий образ жизни с музыкальным или комедийным увеселительным репертуаром. Менестрели — английские и французские странствующие певцы XIV—XVIII вв., в отличие от них, не обязательно были создателями своих произведений, они часто исполняли произведения других авторов. Примерно такие же функции выполняли древнегреческие рапсоды — декламаторы эпических поэм аэдов, арабские равии — исполнители сочинений бедуинских поэтов, «удерживающие в памяти тысячи стихотворных строк»[2]. У тюркских народов изустные профессиональные творцы с широким диапазоном назывались по-разному: азан (древние турки), кедай (ногайцы), олонхосут (якуты), ашуг (азербайджанцы), ашик, бахши, баксы, шаир, манассы (узбеки, туркмены, киргизы), йырау, акын, сэсэн (казахи, башкиры).

Башкирская изустная поэзия и письменная литература в течение столетий бытовали параллельно в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии. Изустная литература находится в центре между фольклором и письменной литературой и служит опорой, базой для их развития. Первоначально все устные сочинения рождаются в ее среде и со временем, когда их авторы передаются забвению, становится достоянием фольклора. А письменная литература, как известно, питается лучшими традициями как фольклора, так и изустной поэзии. К тому же, авторские изустные сочинения на последнем этапе бытования этой литературы зачастую доводятся до читателей письменным путем. По подтверждению многочисленных фактов, письменность в регионе возникла рано; первые общетюркские письменные литературные памятники или образцы надписей, начиная с рунических, имели распространение среди башкир с VII—VIII столетий. Стало быть, можно вести речь о длительной истории взаимоотношений изустной и письменной литературы. Башкирские йырау и сэсэны — представители изустной поэзии XIV—XIX вв. — хотя и выбирали устную речь в качестве единственного средства общения с публи-

---

[1] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 211.

[2] История всемирной литературы, т. 2. М.: Наука, 1984. С. 211.

кой, в большинстве имели весьма высокое образование. Они были осведомлены об исторических событиях страны, как правило, по письменным источникам; художественные памятники читали в оригиналах или полных версиях. При всем том сэсэны предпочитали изустное изложение своих сочинений.

❋

Имамкулиева Э. Э.
(Москва)

Осмысление причин и последствий арабской весны в исторической перспективе

Волна революций на Ближнем Востоке стала объектом пристального внимания как международного, так и российского экспертного сообщества. Арабский мир буквально взорвался. Началом, так называемой, «Арабской весны» стал взрыв возмущений в до этого стабильном Тунисе в декабре 2010 года [Истоки и смысл арабской революции, «Наука 2.0», Андрей Коротаев, М. 2011], который повлек за собой свержение правящего режима Президента Бен Али, который бежал из страны 14 января 2011. Востоковеды разошлись во мнениях, можно ли было предугадать такой поворот событий, а тем более то, что протестные настроения были подхвачены в Египте, Бахрейне, Сирии, Иордании и других арабских странах.

Можно выделить четыре основных направления, по которым можно провести анализ данного феномена: причины революции, движущие силы, роль религиозного фактора, стабильность региональной подсистемы. Эксперты сходятся во мнении о том, что революции имели комплексные предпосылки политического и социально-экономического характера, проистекающие из крайней бедности населения и полном отсутствии вертикальных социальных лифтов. Например, Мирский Г. И. говорит об относительной спонтанности произошедшего в отличие от хорошо подготовленных оппозицией цветных революций на просторах СНГ, а Игнатенко А. А. подчеркивает сходство современных процессов с произошедшим в Ки-

еве и Тбилиси. Более того, он подчеркивает, что «главной характеристикой «цветных» революций является то, что они являются «верхушечными» — представляют собой акт (или, если революция затягивается, процесс) перераспределения власти и собственности от правящего семейства (клана) к другим элитным семействам, кланам и группам».

Можно выделить в качестве основного фактора двигателя революции — религиозный фактор, нивелируя при этом роль среднего класса, нарождающейся интеллигенции и неимущих слоев, которые не в состоянии найти достойных лидеров для построения эффективной экономико-социальной и политической систем. При этом религия рассматривается в качестве сближающего национального фактора, позволяя говорить о феномене трансконфессиональной революции. Существует также мнение, что главной движущей силой революций были представители интеллигенции, «люмпены», средний класс, сторонники либеральных реформ, так и о довольно любопытные группы, например «носители и защитники социальной архаики», имеющих довольно опосредованное отношение к тому, что на Западе принято называть прогрессом. Религия становится негативным фактором, который обостряет внутрисоциальные противоречия, приводя к ожесточенным конфликтам как внутри одной конфессиональной группы, так и между представителями разных религий.

Волна революций на Ближнем Востоке привела к «вхождению арабского мира в полосу турбулентности, которая длится довольно долго и привела к «переформатированию» этого региона». Причем дать точный прогноз или даже наметить общую тенденцию развития ситуации на Ближнем Востоке не представляется возможным.

Особо сложно поддается анализу ситуация в Тунисе, так как специалисты по данной стране отмечают, что тунисский кризис невозможно было предсказать. Материалы, экономические индикаторы, собранные во время поездки осенью 2009 года создавали весьма благоприятную картину развития этой не богатой углеводородным сырьем арабской страны. Выше перечисленные факты иллюстрируют, что в арабских странах произошел резкий всплеск протестных настроений, который едва был очевиден и предсказуем.

Список литературы

1. *Борисов А. Б.* Арабский мир: прошлое и настоящее, М., 2002.
2. *Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Политический ислам в странах северной Африки. М., 2008.
3. *Мельянцев В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. Гл.4. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., 1998. Статья «Динамика, пропорции и последствия экономического роста Китая и Индии (конец 20-го — начало 21 века)»;
4. Arab Economic Integration Efforts: A Critical Assessment // UN. Economic and Social Commission for Western Asia. N.Y.: UN, 1999.

Канашев А. В.

Водные проблемы в Центральной Азии

- **Основная проблема** состоит в неравномерном распределении водных ресурсов в регионе. Две страны региона, Кыргызстан и Таджикистан, богаты водными ресурсами, а Казахстан, Узбекистан и Туркменистан зависимы от них. Происходит конфликт между двумя группами стран.
- Кроме того проблема усугубляется на фоне высокого прироста населения (особенно в Узбекистане) и неэффективного использования воды при орошении.

- **Суть конфликта:**
- Водные ресурсы являются для Таджикистана и Кыргызстана одним из немногих источников развития;
- Предложение стран, богатых водными ресурсами ввести плату за воду (нереализуемая идея);
- Интерес Таджикистана и Кыргызстана состоит в выработке электроэнергии путем строительства гидроэлектростанций (ГЭС);
- Развитие Таджикистаном энергетики с целью избавится от зависимости со стороны Узбекистана. При этом реализация

данной задачи в ущерб водопользованию, что отрицательно сказывается на обеспеченности водой Узбекистана;
- Манипуляция водой как ответ на манипуляцию энергоресурсами;
- Казахстан, Узбекистан и Туркменистан настаивают на том, чтобы даже имеющиеся ГЭС работали в ирригационном режиме;
- Таджикистан и Кыргызстан требуют финансовых компенсаций в случае перевода ГЭС в ирригационный режим;
- Попытка Кыргызстана привлечь иностранных инвесторов для строительства ГЭС;
- Интерес Китая к строительству ГЭС в Таджикистане;
- Сброс воды из Токтогульского водохранилища в Киргизии, что привело к уничтожению посевов узбекского хлопка, заболачиванию местности;
- Споры между Узбекистаном и Туркменистаном относительно использования в вопросе распределения воды;
- Увеличивающийся спрос на воду в Афганистане.

- **Неэффективность попыток урегулирования проблемы**:
- Разобщенность действий государств региона;
- Рекомендательный характер принимаемых решений, причиной чему опять же является вопрос суверенитета и желание уклониться от ответственности.

- **Возможные сценарии развития:**
- Активное взаимодействие стран в обеих областях (энергетике и водопользовании), достижение взаимовыгодных соглашений. Данный процесс следовало бы проводить одновременно с процессом интеграции, что маловероятно в текущей ситуации, когда вместо углубления интеграции некоторые страны выходят из региональных организаций (Узбекстан вышел из ЕВРАЗЭС м ОДКБ);
- Использование Таджикистаном и Кыргызстаном водных ресурсов в энергетических целях, что отрицательно скажется на ситуацию в странах, расположенных по нижнему течению рек, и может спровоцировать конфликт между странами;
- Сохранение сложившейся ситуации — замораживание конфликта на неопределенный срок.

Ким В. С.
(Челябинск)

Республика Узбекистан в структуре ШОС

Вступление Республики Узбекистан в содружество пяти государств, подписавших Соглашение (1996 гг. и 1997 гг.) об укреплении мер доверия в военной области и сокращении вооруженных сил в районе границы сопровождалось масштабными преобразованиями в структуре и в самом названии этой региональной организации. Как отмечают российские аналитики, впервые в послевоенной истории среди названий или наименований более двадцати международных организаций миру было явлено имя китайского «вечного Города» — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Основные цели ШОС закреплены в ее основополагающих документах — Декларации и Хартии. Приоритетами ШОС являются борьба против трех зол: терроризма, экстремизма, сепаратизма). С этой целью в 2004 г. в Ташкенте был открыт штаб региональной антитеррористической структуры (РАТС). Вступив в ШОС, Узбекистан неизменно придерживается приоритетов, озвученных в речи президента Узбекистана И. Каримова, произнесенной при вступлении республики в ООН в марте 1992 г. Лейтмотивом данной речи стала мысль о том, что стабильность в Центральной Азии напрямую зависит от ситуации в Афганистане. Другие члены ШОС поддерживают эту идею, например, руководство Казахстана считает важным активизировать сотрудничество с Афганистаном и как можно скорее предоставить ему статус партнера по диалогу. В Узбекистане убеждены, что решению афганской проблемы будет способствовать создание под эгидой ООН контактной группы «шесть плюс три», куда должны войти полномочные представители государств, непосредственно граничащих с Афганистаном, а также Россия, США, НАТО.

Члены ШОС единодушно поддержали и другую инициативу Узбекистана о создании в Центральной Азии зоны свободной от ядерного оружия. Созданию ШОС предшествовали мероприятия по демаркации границы между СССР и Китаем в 60-е годы XX века, в которых совместно с другими тогда «советским среднеазиатскими республиками и Казахстаном» активно участвовал Узбекистан, ко-

торый справедливо относят к учредителям и полнокровным участниками ШОС. Как известно, этот переговорный процесс продолжался и в постсоветский период.

Республика Узбекистан твердо следует основным приоритетам деятельности ШОС, стремящейся к обеспечению региональной безопасности, торгово-экономическому сотрудничеству с другими странами, международными и региональными организациями.

Последние годы остро стали вопросы разумного использования водно-энергетических ресурсов ЦА. Узбекистан предлагает при решении этих вопросов основываться на конвенции ООН от 1992 и 1997 годов о праве использования трансграничных водотоков. Для Узбекистана как и для других участников шанхайского процесса существенно важным является следование принципу несоздания блоков, направленных против других стран и регионов.

Деятельность ШОС, основанная на приверженности принципам государственного суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела суверенных государств привлекает внимание правительств и других государств. В 2004 и 2005 гг. статус наблюдателей был предоставлении Монголии, Индии, Ирану, Пакистану. Была составлена контактная группа. Статус партнером по диалогу получили Белоруссия, Шри-Ланка. Контактную группу составляет Афганистан.

Актуальным становится вопрос дальнейшего развития ШОС. На состоявшемся в 2010 году саммите ШОС в Ташкенте наиболее знаменательным вопросом повестки дня был столь ожидаемый всеми вопрос приема в ШОС новых членов. Государства, имеющие статус наблюдателя, получившие его еще 5 лет зад на саммите в Астане, ожидали положительного решения относительно приема новых членов в ШОС. Однако СГГ ШОС принял положение, в котором содержались оговорки, не дающие возможности незамедлительного расширения организации. Одна из них содержит пункт о том, что даже после утверждения «положения президентами государств-членов ШОС, планируется, как минимум на год продлить мораторий на принятие новых членов. Государства члены ШОС сходятся во мнении, что пока нужно повременить с расширением организации, ссылаясь на необходимость детальной проработки процедуры приема новых членов. ШОС не хочет вступать в откровенное противостояние ни с американцами, ни с европейцами. К тому же помимо

вопросов, связанных с расширением состава ШОС перед ней стоят задачи функционированиия механизмов взаимоотношений стран, уже являющихся членами ШОС. Подводя итоги саммита, президент РУ И. Каримов высказался по этому поводу в следующем ключе: «Нам представляется целесообразным, следуя логике поступательных и последовательных шагов ШОС на этом пути, ускорить подготовку необходимых правовых документов, определяющих порядок приема государств наблюдателей в полноправных члены ШОС. Все мы отдаем себе отчет в том, насколько непростым является этот вопрос, но в любом случае, его надо последовательно решать».

Кобзев А. И.
(Москва)

Инструмент многофакторного анализа: универсальная наука или науки об универсуме?

Тема настоящего Съезда востоковедов России удивительным образом, с одной стороны, тривиальна, с другой — проблемна и актуальна.

Востоковедение, согласно классическому принципу «метод — аналог предмета», исторически сложилось как комплексная научная дисциплина, поскольку сам объект ее изучения отличается взаимозависимостью форм культуры принципиально большей, чем на Западе. Взяв в качестве примера Китай, можно утверждать, что никакое серьезное явление его культуры не поддается адекватному пониманию без знания китайского языка, более того — иероглифики, и еще более того — полуискусственного письменно-литературного языка *вэнь-яня*. Плоды русского или французского изобразительного искусства доступны пониманию без знания соответствующего языка, а китайского — нет, хотя бы потому, что иерархически они подчинены каллиграфии и интегрально включают в себя иероглифические тексты. Поэтому в синологии популярна теория особого универсализма китайской культуры, который даже

обозначается специальным термином «синизм». Помимо лучше всего известной синтетической характеристики китайской культуры — иероглифики, ей присущ тотальный историзм. Китайцы — самый исторический народ в мире во всех смыслах, включая ноздревский, они — носители самой древней из живых цивилизаций, которая обладает наиболее длительным и подробным историческим самописанием. Но дело не только в этом, историзм, как в идеале гегелевско-марксистской методологии, составляет фундамент всего китайского менталитета. Осознавая культуру синхронным срезом истории, а историю культурой в диахронии, китайцы проявили свое холистическое самосознание в традиционном приоритете двух взаимосвязанных видов литературного творчества — историографии и энциклопедии. В этих целостных информационных структурах отсутствовали привычные для Запада деления на философию и религию/теологию, философию и науку, гуманитарные и естественные дисциплины, изящные и прикладные искусства и т. д. В недавнее время данная специфика была отражена и проанализирована в 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая» (М., 2006—2010), удостоенной Государственной премии России в области науки и технологий за 2010 г.

Уже из сказанного ясно, почему китаеведение, да и все востоковедение, первоначально складывалось как сочетание филологии с историей. Позднее в результате политической эмансипации, экономического роста и превращения стран «проснувшегося Востока» в самостоятельные субъекты глобальных международных отношений востоковедение приобрело политэкономическую отрасль. До недавнего времени эту классическую триаду (филология/лингвистика, история, экономика/политэкономия) отражали стандарты специализации востоковедного образования в нашей стране. Несколько лет назад данный образовательный Госстандарт пополнился философией, что весьма уместно, но и столь же удивительно по своей запоздалости. Особенно странно это выглядит применительно к Китаю, где философия всегда являлась царицей наук и никогда не была служанкой теологии или религии и где канонами называются философские, а не богослужебные тексты. Объяснение этой поразительной ситуации заключено во все той же аналогии метода и предмета: погруженность философии в стихию «изящной словесности» (*вэнь*), которая даже терминологически приравни-

валась к «культурности» (*вэнь*), делала ее естественным объектом филологии и лингвистики. Отсюда также понятно, почему другим крупнейшим достижением отечественной синологии, также удостоенным Государственной премии, стал 4-томный «Большой китайско-русский словарь» (М., 1983—1984).

Следуя этой традиции и логике событий, можно предположить, что востоковедение должно и дальше дифференцироваться, устраняя очевидные структурные пробелы вроде отсутствовавшего философского подразделения или уже явно заждавшегося подобной кодификации искусствоведения и реагируя на новые вызовы времени, например, созданием востоковедной информатики, обусловленной появлением информационных цифровых технологий с использованием восточных алфавитов и иероглифики.

С другой стороны, тот же самый процесс порождает прямо противоположные выводы, при реализации которых востоковедению грозит судьба короля Лира. С этой точки зрения синтетичность/синкретичность востоковедения представляется не достоинством, соответствующим синтетичности/синкретичности предмета, а свидетельством его неразвитости, реликтом первичной недифференцированности, при устранении которой, т. е. переходе востоковедной проблематики к соответствующим общечеловеческим наукам, оно как таковое перестанет существовать. Похожие прогнозы о растворении философии в совокупности наук высказывались в XIX в. позитивистами и марксистами. То, что они не сбылись, разумеется, еще не означает несбыточность их аналогов в данном случае.

В XXI в. присоединение епархий востоковедения к другим научным царствам стимулируется самим его развитием, приводящим к такому уровню специализации, при котором все единство сводится только к знанию того или иного восточного языка. Таковое необходимо, но достаточно ли? Или следуя китайской традиции, надо признать, что совершенное владение языком тут равносильно знанию соответствующей культуры? Но тогда нужно определить критерии такого «совершенного знания языка», которое, очевидно, не сводится к свободному говорению и чтению газет. В свою очередь современные цифровые технологии позволяют значительно компенсировать сложность обработки стремительно увеличивающегося и дифференцирующегося объема информации и также поддерживать целостность любых отраслей знания.

Целостность и даже универсальность востоковедения в наши дни стимулируется и стремительно нарастающей универсализацией геополитической роли ведущих стран Востока, становящихся центрами принятия судьбоносных для всего мира решений в самых разных областях человеческой деятельности.

В любом случае, ныне требует специального рассмотрения актуальная науковедческая проблема: является ли восточная филология отраслью востоковедения или филологии и т. д. относительно других научных дисциплин. К ней примыкает столь же фундаментальная проблема: что в современном глобализованном мире, говоря строго и дефинитивно, а не интуитивно и приблизительно, охватывает понятие «Восток», имеющее самые разные исторические смыслы и объемы.

❁

Крадин Н. Н.
(Владивосток)

Итоги российско-монгольских исследований городов империи Ляо[1]

В 2004—20012 гг. совместной российско-монгольской экспедицией изучались города и крепости империи Ляо (907—1125) на территории Монголии. В результате была составлена подробная карта памятников расположенных в двух узловых точках — в долинах рек Керулен и Тола, а также начато исследование северного «вала Чингис-хана». Этот вал тоже относится к киданьскому времени. В бассейне Толы четыре самые крупные городища Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Улан-хэрэм и Хэрмэн-дэнж расположены почти по одной линии, которую зрительно можно провести, если смотреть на карту или снимок из космоса. Как это удалось древним строителям, остается только гадать. Однако с горы Чинтолгой в хорошую погоду можно разглядеть пагоду городища Харбухын балгас.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-21-03001а/Mon.

По всей видимости, на каждом городе были построены сигнальные башни и в случае необходимости, с помощью огня информация моментально распространялась на всю территорию округа.

Особенный интерес из киданьских городищ Монголии вызывает самый крупный памятник – Чинтолгой балгас. Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км на 0,6 км, ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении С-Ю. На городище имеется 35 выступающих наружу башен, 5 ворот и 3 улицы. Городище делится на две части (северную и южную) внутренним валом.

Подобная планировка достаточно типична для городищ империи Ляо. Ее истоки восходят к китайской градостроительной традиции. Строгие геометрические формы валов, применение фронтальных и угловых башен, четкая планировка по линии север-юг с делением города на кварталы идущими от ворот улицами — все это характерно для городов китайских династий. Со времени династии Тан сложилась обязательные каноны, согласно которым дворцовый комплекс должен был располагаться в северной части города, с северной стороны отсутствовали ворота, путь во дворец прокладывался от южных ворот, которые считались главными, улицы должны были быть ориентированы строго по сторонам света.

В 2004—2008 гг. проводились раскопки на городище Чинтолгой балгас. Было раскопано несколько жилищ верхнего горизонта с отопительной системой (*кан*), зафиксированы остатки квартальной структуры города. Найдено большое количество артефактов, включая керамику, фарфор, украшения, черепицу, фаунистические остатки. В целом, полученные материалы создают фундамент для эталонной коллекции различных категория артефактов городской культуры империи Ляо на территории монгольских степей. По сути дела, можно сказать, что это наиболее изученный в настоящее время город империи Ляо.

Помимо этого раскопки проводились на небольшом городище Эмгэнтийн хэрэм (2009 г.) и на городище Хэрмэн-дэнж (2010—2012 гг.). Последний памятник интересен тем, что здесь зафиксирован гораздо больший процент так называемой «уйгурской» керамики, а также найдены в окрестностях поселения с постройками из сырцового кирпича и керамикой уйгурского типа. Особенности фортификации городища Хэрмэн-дэнж (форма, валы) также дают

основание предполагать, что оно могло быть в сооружено в уйгурское время и перестроено позднее. О вероятности этого свидетельствуют и рунические памятники.

В процессе раскопок было зафиксировано пребывание на территории города бохайского населения, что подтверждается данными из летописи «*Ляо ши*». Там, в главе 37 сообщается, что в 1004 г. на месте «старого города Кэдунь» был построен город — крепость Чжэньчжоу — самый северо-западный рубеж киданьской империи. Сюда было отправлено для несения воинской службы 20000 киданьских всадников, а для обеспечения их продовольствием было придано 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу и подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу. Гарнизоны и население пограничных городов-крепостей занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя провизией. Таким образом, следы бохайского населения обнаружены в монгольских степях, в нескольких тысячах километров от их исторической родины.

❁

Курманалиева А. Д., Рысбекова Ш. С.
(Владивосток)

Казахстанская модель межрелигиозного согласия

Президент Республики Казахстан **Нурсултан Назарбаев**, выступая на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявил, что из нашумевших предсказаний о неминуемом конфликте цивилизаций большинство, к счастью, пока не сбылось. Однако следует ясно осознать, что межконфессиональная напряженность питает социальную базу международного терроризма и религиозного экстремизма. Считаю, продолжил глава государства, что обеспечение согласия религий, мирного сосуществования этнических групп является важнейшей доминантой в процессе сохранения глобальной безопасности. На это «обеспечение согласия» направлены и собирающиеся каждые три года в Астане съезды лидеров мировых религий, и испано-турецкий проект «Альянс цивилизаций», и принятая

в рамках форума АСЕМ Балийская декларация, и многие другие инициативы регионального и глобального формата.

История человечества показывает, что между религиями возникали и враждебные, нетерпимые отношения, и достаточно мирное сосуществование. Диалог религий, не смотря на его спорность, представляется вполне приемлемым вариантом взаимоотношения религий, ибо он не предполагает отказа от различий, их нивелирование но, напротив, вызывает на свет Божий глубокое знание и понимание принципиальных расхождений сторон. Особенно актуальным представляется поиск общей основы диалога разных религиозных мировоззрений и исследование причин конфликтов между религиями и конфессиями. Оно показывает, что часто причины вражды лежат не в мировоззрении, а в политических и социально-экономических отношениях.

Известно, что религиозная духовность (с ее неосознаваемыми, эмоциональными, чувственно-образными и волевыми моментами) нацелена на сближение верующих, на притяжение единоверцев друг к другу и их священному объекту. Внимательный анализ Священных Писаний кришнаитов, парсиев, буддистов, иудеев, христиан и мусульман учат миру и добру, призывают к неустанному поиску истины и красоты. Иное дело — конъюктурное истолкование Писаний.

Несмотря на то, что вопрос о межрелигиозном диалоге, особенно о диалоге между исламом и христианством, возник в середине XIX века, только начиная с 50—60-х годов прошлого столетия данный вопрос начал приобретать конкретное содержание. Начавшийся в 1962 году и продолжавшийся 3 года II-ой Ватиканский Конгресс и принятая в 1965 году в итоге этого Конгресса декларация «О взаимоотношениях церкви с нехристианскими религиями» стала новом этапом в этом процессе. На церемонии открытия Конгресса Папа Иоанн XXIII отметил, что церковь должна открыться миру, наладить позитивные отношения с приверженцами иных религий и вступить в диалог со всем человечеством. В декларации принятой Конгрессом отмечаются общие черты, объединяющие Ислам и христианство, а единобожие, ханифская традиция пророка Авраама, вера в загробную жизнь, духовные ценности определяются как основные направления в межрелигиозном диалоге.

«Диалог» с полным правом можно назвать одним из «героев нашего времени». Слово «диалог» в последнее время стало очень рас-

пространенным. Оно выдвигается в политических выступлениях, в научных трудах, в дискуссиях об образовании и т. д. В современной культуре феномен диалога привлекает к себе внимание, прежде всего в сфере общественной практики, где он рассматривается как одно из средств, использующихся при решении все более расширяющегося круга проблем. Особенно сейчас, в условиях нестабильности общественной жизни тема диалога напрямую связана с проблемами разрешения возникающих конфликтов — национальных, религиозных, культурно-цивилизационных.

На наших глазах происходит смена общекультурной, мировоззренческой парадигмы — «концептуальная революция», связанная с выходом за пределы традиционного и модернистского мышления и с утверждением принципа диалогизма.

Любой диалог это и понимание, и общение, и явление человеческой экзистенции. Родовым признаком диалога, если можно так выразиться, является общение. Общение — истинно человеческая ценность. Как пишет М. Бахтин «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться». Являясь в своей сущностной характеристике общительным, человек может реализовать себя лишь в процессе общения, в процессе сосуществования, со - бытия, со - творчества, понятого широко как способа существования.

Диалог — краеугольный камень всех человеческих взаимоотношений. Идея диалога есть идея встречи двух различных сознаний, двух различных культурных миров, которые никогда не могут совпасть друг с другом, поскольку каждый из них занимает свое единственное, ему только «уготовленное» место.

Диалог сугубо гуманистичен, т. к. его целью является достижение гармонии в отношениях между людьми, нахождение «общего места» для различных религии, культур. В современных условиях полипарадигмальной, диалогичной духовной ситуации ведущими культурными императивами становятся: свобода, терпимость, взаимопонимание.

Идея диалога культур и религии жизненноважна для Казахстана, который в течение веков находился в поле перекрещивающихся влияний Востока и Запада. Эти влияния проторили дорогу сознанию, что ни сила, ни право сами по себе не могут быть основой общежития. Выше силы и права стоит любовь, терпимость, согласие как основа

диалога. Именно они закрывают истоки вражды и откроют пути к миру на Земле. Вышеназванные ценности являются основными ценностями, утверждаемыми всеми зрелыми религиями на сегодняшний день. Ведь мир подошел к такому рубежу своего развития, когда игнорирование общности судеб религии, культур и их диалогической сущности неизбежно ведет к неадекватному представлению об общечеловеческих интересах, ценностях. «Фокусом« всего культурно-исторического феномена является конкретная личность, человек как субъект всей многослойной динамики человеческой культуры. Идея самоценности человека неразрывно связана с идеей его активной диалогичности. Только на пути диалога возможно осуществление духовного возмужания человечества, постижение смысла истории.

Литература

1. интернет сайт http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=10255
2. *Бахти́н М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

❋

Ламажаа Ч. К.
(Москва)

Архаизация общества в период социальных трансформаций
(на примере Тувы)

Архаика в качестве характеристики общественных свойств и отношений понимается нами как культура, сформированная на раннем (древнем) этапе социальной истории, представляющая собой систему практик солидарных действий, освоенных в ходе взаимодействия общества с природной средой и другими обществами и выраженных в общественном сознании (менталитете). Направленность, склонность, стремление индивидов, социальных групп,

социума к архаическому социокультурному опыту проявляется в разных по формам ориентациях на архаические социальные практики и культурные смыслы, возникающие в условиях социальных изменений. Это универсальный социальный механизм, позволяющий обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях.

Архаизация общества в период социальной трансформации — это процесс массового стихийного обращения к архаическому социокультурному наследию в условиях кризиса социальной трансформации. Он представляет собой особый тип архаизационных тенденций. Социальная трансформация (процесс структурных изменений внутри общества, когда разрушаются одни и появляются другие структуры взаимодействий, интересов, норм, идей, когда изменяются функции между структурными элементами) рассматривается как процесс перехода общества от традиционного состояния в современное, т. е. в ходе модернизации (осовременивания) общества.

Архаизация общества находится в устойчивой взаимосвязи с процессом социальной трансформации: чем более кризисно проходит социальная трансформация, обусловленная резким характером реформирования в ходе модернизации (осовременивания) общества, тем более масштабной архаизацией это сопровождается. Чем сильнее проявляется архаизация, тем более драматичной становится социальная трансформация. Важной предпосылкой и одним из главных условий для масштабного развития процесса архаизации общества в период социальной трансформации является степень преодоления (преодоленность) самой архаики обществом в ходе его предыдущего развития.

Причинами архаизации общества являются кардинальные реформы, инициированные властью с целью модернизации общества и не согласующиеся с культурными традиционными особенностями модернизируемого общества, что приводит к кризису социальной трансформации, социальной анархии и соответственно — дезориентации, дезорганизации значительной части общества, становящейся носителем архаизационных тенденций и, в конечном счете, субъектом архаизации.

Структура архаизации общества включает в себя три основных этапа: 1) распространение в обществе кризисного социального самочувствия, которое выражается в ощущениях потери, растерянности,

неуверенности; 2) оценка обеспеченности людьми своих базовых потребностей (физиологических, экзистенциальных) и ориентация на их скорейшее удовлетворение в наиболее простых формах; 3) влияние этих архаических культурных смыслов и субъектной организации окружения на социальные связи, социальные отношения, на функционирование социальных институтов в обществе.

Социокультурные изменения в процессе развертывания архаизации общества в период социальных трансформаций могут рассматриваться как взаимосвязанные изменения социального поведения и культуры. При этом анализ их представляет собой выявление в социальном поведении индивидов, социальных групп, общества как целого архаических норм, смыслов, представлений и определение степени влияния архаики на изменения в социальном поведении.

Тувинская архаика может определяться по сути как «прототувинская», т. к. тувинская культура в целом восходит к «прототувинскому» периоду истории — времени формирования социокультурного комплекса кочевничества Центральной Азии (первые века н. э.). До XX в. традиционное общество и культура Тувы переживали ряд изменений, в том числе связанных с усложнением социальной структуры, принятием буддизма, однако в целом это происходило в рамках эволюционного развития. Социальных трансформаций в истории Тувы насчитывается две (они происходили в ходе двух модернизаций): советская мобилизационная (с силовым характером модернизации, ее непоследовательностью, но в целом утверждением идеалов коллективизма, уравнительности) и постсоветская (с радикальностью реформирования в попытке сделать общество современным, что привело к анархии, аномии). Вторая отличалась кризисностью и сопровождалась архаизацией общества.

Тувинский феномен архаизации постсоветского времени выразился в первую очередь в натурализации хозяйственной деятельности, в актуализации архаических представлений о земле как территории коллективного пользования родов и отторжении идеи частной собственности на землю; в массовом возрождении архаических семейно-родовых объединений и правил взаимопомощи; в возрождении значения скота как ценности, элемента богатства, мерила материального благополучия. В пространственно-временных представлениях стало заметным проявление архетипа горы как маркера границы локализованного мира; актуализировались цикли-

ческие, предметные характеристики времени; усилилась дистанцированность тувинцев от других народов в самой республике. Во власти проявилась клановость, которая выразилась в построении клановой корпорации первого президента, его семьи, рода, ближайшего окружения и земляков по району, решавшая архаические задачи самообеспечения и защиты своих интересов в ущерб задачам социального развития региона.

❁

Лебединский В. В., Пронина Ю. А.
(Москва)

Подводно-археологические исследования как составляющая комплексного изучения памятников истории и культуры

Многие археологические объекты в той или иной степени связаны с различными водоемами. Поселения зачастую располагались на берегах морей, озер или рек. Водоемы на протяжении всей истории являлись транспортными артериями, либо же, наоборот, трудно преодолимым препятствием, что заставляло устраивать броды или сооружать мосты и переправы. Кроме того, существуют такие значительные археологические памятники, как затонувшие суда. Все подобного рода объекты возможно исследовать методами и техническими средствами, применяемыми в подводной археологии.

Институт востоковедения РАН проводит комплексные подводно-археологические исследования в Северо-Восточном Причерноморье — в прибрежных водах Крымского полуострова и Республики Абхазия. В ходе данных исследований, с применением современных технических средств, проводится археологическая разведка, с целью выявления новых объектов, обследование и изучение ранее обнаруженных памятников, исследование абразии береговой линии, а также исторического ландшафта.

В результате проведенных работ был выявлен целый ряд подводно-археологических объектов, в частности, места кораблекру-

шений, охватывающих значительный временной промежуток, — от эпохи Античности до периода позднего Средневековья, кроме того, исторические объекты Новой и Новейшей истории. Также были обследованы прилегающие к древним городищам прибрежные районы, выявлена специфика затопления и абразия культурного слоя, начаты работы по реконструкции древней береговой линии.

Данные научно-исследовательские работы проводятся с применением современных технических средств разведки и фиксации подводных объектов, позволяющих значительно сократить временные и трудовые затраты. Используемые поисковые комплексы и программное обеспечение разработано российскими конструкторами. Исследования проводятся при взаимодействии различных научно-исследовательских организаций России, Украины и Абхазии.

Проведенные подводно-археологические работы, вкупе с результатами наземных археологических исследований, позволяют комплексно исследовать археологические памятники, что дает наиболее полную картину исторических процессов.

Лобашева А. А.
(Казань)

Алжир в системе современных международных отношений

Начало XXI века характеризуется значительными изменениями в мире, которые отразились на внутренней и внешней политике как развитых, так и развивающихся государств. Такое положение повлекло за собой новые трудности, отразилось на взаимоотношениях между странами и на международном положении в целом. Поиск путей решения накопившихся проблем особо остро в последние несколько лет наблюдается в странах Северной Африки. Особое место среди государств этой части африканского континента занимает Алжир, в силу характера борьбы и пути, которым он следовал, добиваясь независимости своей страны, а затем укрепления своей политической и экономической самостоятельности.

Политический авторитет президента А. Бутефлики способствует улучшению международного имиджа страны. С его приходом к власти значительно возросла дипломатическая активность Алжира. Президент стал уделять большое внимание экономическим проблемам, стремясь закрепить за Алжиром роль одного из выразителей интересов «третьего мира».

Алжир поддерживает сбалансированные отношения с ведущими международными центрами силы. В вопросах глобального мироустройства алжирцы выступают в пользу формирования миропорядка с многополюсной конфигурацией, за укрепление центральной роли СБ ООН в урегулировании кризисных ситуаций.

В последние годы значительно усилилась африканская составляющая алжирской внешней политики. Политический капитал, накопленный Алжиром в период председательства в ОАЕ в 1999—2000 годах, подкрепил претензии А. Бутефлики на превращение Алжира в один из «центров силы» в Африке. О намерении Алжира остаться активным игроком в африканской политике свидетельствует тот факт, что впервые в правительстве АНДР введена специальная должность министра-делегата по африканским делам. Алжирцы ведут дело к образованию неформальной тройки Алжир-ЮАР-Нигерия. Одной из главных задач «тройки», по мнению алжирцев, должно стать воздействие на развитые страны по вопросам задолженности и помощи африканским государствам. Последним примером стала амбициозная «Программа возрождения Африки в новом тысячелетии» (нынешнее название — «Новое партнерство для развития Африки» — NEPAD), выработанная президентами Алжира, Нигерии и ЮАР и представленная в январе 2001 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Ее цель — урегулирование конфликтов и борьба с бедностью и болезнями на африканском континенте.

Предпринимаются периодические попытки реанимировать деятельность Союза арабского Магриба и нормализовать алжиро-марокканские отношения, которые осложнены нерешенностью западносахарской проблемы.

В двустороннем формате наиболее тесные связи сложились у Алжира с европейскими странами — Францией, Италией, Испанией. В 2002 году было подписано соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Одна из его главных задач — поэтапное создание зоны

свободной торговли в течение 10 лет. Алжир остается основным поставщиком газа в южные страны Евросоюза, сотрудничество в энергетической сфере является одним из наиболее продуктивных. Несмотря на многочисленные проблемы, связанные с колониальным прошлым, нелегальной миграцией и угрозой терроризма, отношения Алжира с бывшей метрополией налаживаются, страны понимают, что по многим пунктам им будет легче договориться друг с другом, чем с третьими сторонами.

Алжир развивает отношения и с США, в лице которых нашел сильного единомышленника в борьбе против терроризма, крупного инвестора, однако он отказывается полностью идти на поводу Соединенных Штатов, поскольку всегда может обратиться и к Франции, и к арабским государствам.

Двусторонние отношения с Российской Федерацией также отмечены динамичностью в рассматриваемый период, но присутствие России на алжирском рынке намного уступает аналогичным показателям других крупных партнеров Алжира, а политические контакты имеют довольно узкую, в основном экономическую направленность.

Китай все настойчивее проникает во все сферы внутренней жизни Алжира. Государства обеих стран получают большую выгоду от подписанных контрактов, но КНР одновременно со своими товарами, проектами и технологиями заполоняет Алжир своими гражданами, что вызывает острое недовольство местного населения.

Активизировалось участие АНДР в международных организациях. Алжирские делегации часто становятся инициаторами преобразований и сторонниками скорейшего увеличения эффективности, расширения деятельности того или иного объединения. Однако настойчивость Алжира не всегда приводит к положительным результатам.

В результате проведенного нами исследования становится возможным определить место Алжира в системе современных международных отношений. АНДР — динамично развивающееся государство, взявшее курс на преодоление политической изолированности, развитие равных отношений с партнерами, что позволит не попадать в зависимость от какого-либо одного сильного актора, усиление своего влияния, прежде всего на региональной, а затем и мировой арене. Правительство Алжира создает новый прогрессив-

ный имидж страны, соединяющий в себе приверженность национальным и религиозным традициям и стремление к изменениям в соответствии с реалиями современного мира.

Лосева Е. С., Фролова Е. Л.
(Новосибирск)

О разработке блока «Культурология Востока» (ООП) в рамках федерального государственного образовательного стандарта 032100 «Востоковедение и африканистика», квалификация (степень) «магистр»

Современный мир характеризуется значительным ростом влияния стран Востока на общемировое развитие. Стратегические интересы России теснейшим образом связаны с развитием стран Востока, что продиктовано ее геополитическим положением и актуализировано политикой соседних государств. Поскольку взаимодействие со странами Востока носит межцивилизационный характер, то особое значение в его осуществлении играет межкультурное взаимодействие.

Образовательная программа **«Культурология Востока»** в соответствии с Программой развития НИУ НГУ призвана обозначить конкретные направления такого взаимодействия и рассчитана на опережающую подготовку высококвалифицированных кадров для фундаментальной и прикладной науки, системы ВПО в интересах национальной и региональной безопасности и развития геополитической роли Сибирского региона в глобальном мире, а также выработке сценария взаимодействия региона со странами Центральной и Южной Азии и АТР.

ООП **«Культурология Востока»** способствует интеграции и координации усилий учебного, научного и инновационно-внедренческого потенциала гуманитарного факультета и ИАиЭТ СОРАН для совместных действий в образовательной и научной областях,

включая международную деятельность и популяризацию научных знаний. Данная магистерская программа впервые подразумевает изучение, анализ и презентацию культурных достижений восточных цивилизаций (Китай, Япония, Корея, Иран), проблем внешних контактов и механизмов адаптации, а также исследование развития восточных языков в историко-культурном контексте.

ООП **«Культурология Востока»** впервые предусматривает совершенствование методик преподавания востоковедных дисциплин, стимулирование участия магистрантов и молодых ученых в решении задач фундаментального востоковедения путем повышения квалификации преподавателей, создания и апробации учебно-методических комплексов, адаптации к российским условиям опыта зарубежной ориенталистики, а также расширения источниковой базы по истории и культуре Востока. Важную роль при этом играет обеспечение междисциплинарных и инновационных подходов к НИР и образовательному процессу, ориентированных на индивидуальные и проектные формы подготовки магистрантов.

ООП **«Культурология Востока» рассчитана на следующую целеваю аудиторию:** выпускники ВУЗов и специалисты предприятий, использующие новые образовательные технологии по направлениям «востоковедение и африканистика», «музеология, история и теория искусства», «международные отношения и регионоведение», «всеобщая история», «язык и межкультурные коммуникации» и др.

Программа содержит общие положения (определение ООП, цель разработки, срок освоения и трудоемкость ООП), характеристику ООП (область, объекты, виды и задачи профессиональной деятельности выпускника), требования к результатам освоения ООП (список общекультурных и профессиональных компетенций), учебный план ООП, программы основных и специальных курсов ООП.

Лушников О. В.
(Пермь)

Трансформация «Монголосферы» и постимперские процессы в Евразии[1]

Наблюдающиеся сегодня в Евразии этнические и национальные конфликты обращают исследователей и аналитиков к поиску конструктивных моделей в историческом прошлом Евразии. Особенно интересным с научной и практической точек зрения является исследование опыта трансформации пространства «Монголосферы» (Монгольской империи по Г. В. Вернадскому) в имперский и постимперский период.

Эпоха Монгольской империи стала кардинальной вехой в истории Евразии, заложив основы современного мира. И дело не только в масштабных завоеваниях Чингизидов. В эпоху Монгольской империи происходит изменение политической карты мира, формирование новых этнокультурных сообществ, сопровождающееся процессами взаимодействия кочевого и земледельческого миров и отдаленных на тысячи километров регионов Евразии. В монгольскую эпоху входили одни этнические группы, а на ее руинах появлялись совершенно другие. Осмысление процессов сложения новых этносов, и интенсивного межкультурного взаимодействия в Евразии, занимает значительное место в современной исторической науке.

Прежде всего, это касается культурно-исторических процессов активизированных в эпоху Монгольской империи, активного участия кочевников не только в трансконтинентальной торговле, но и в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, освоении новых земель, их влияния на темпы и направление развития многих народов и государств, участия в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации.

Влияние Монгольской империи на судьбы разных современных народов ощущается до сих пор. Острые дискуссии о тех или иных поворотах истории различных этносов неизбежно наталкиваются

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12-21-03004.

на монгольскую государственность и на отношение к ней. Становление России, Ирана, Китая, стран Центральной Азии и Кавказа, формирование их сложной этнической карты, являются во многом следствием пребывания их в составе Монгольской империи. Именно благодаря пребыванию в Монгольской империи у многих народов начался ренессанс имперской государственности.

Современные исторические, археологические и этнографические исследования позволяют по-новому взглянуть на роль Монгольской империи и ее Улусов в формировании постимперского этнического и культурного пространства Евразии.

Видные современные историки и культурологи отмечают внутреннюю потребность народов Евразии к созданию Больших пространств. Так академик Б.С.Ерасов говорит о «объединяющем и регулирующем начале, избавляющем огромный конгломерат разнородных этнических и конфессиональных единиц от тягостной локальной ограниченности и местничества, от взаимных распрей и междоусобиц»[2]. А С. Лурье выделяет *центральный принцип империи* — идеальное основание, которое лежит в основании данной государственной общности и может быть истолковано как ценностная максима — представление о должном состоянии мира. «Империя создается отношением между ценностями локальных, этнических, конфессиональных и тому подобных групп и тем единым «пространством нормы», куда интегрируются эти группы, утрачивая свой суверенитет. Причем в основе этой интеграции лежит наличие единой силы, единой власти, образующей это «пространство нормы»[3].

Евразийский материк во все исторические периоды выступал в роли «материнского пространства» самых различных социо-культурных, этно-культурных и этно-политических процессов и событий. Здесь на протяжении веков находился центр формирования, продолжения и развития межнациональных отношений, где происходили процессы интеграции, ассимиляции, миграции и иммиграции, послужившие причиной фундаментальных региональных и глобальных изменений. В результате в геополитическом пространстве Евразии, выступающей в качестве центра системы междуна-

---

[2] *Ерасов Б. С.* Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры. Вып. I. М., 1994. С. 47.

[3] *Лурье С.* Феномен империи: культурологический подход // http://svlourie.narod.ru/imperium/empire.htm#_ftnref60

родных отношений, на фоне разнохарактерных социо-культурных, идеолого-политических, военных и экономических процессов наблюдались межнациональный диалог, партнерство, конкуренция, гегемония и противоречия. В итоге Евразия продолжала оставаться важнейшим геополитическим пространством мира.

В свете вызовов современности народам Евразии, представляется особенно актуальным исследование этнокультурных процессов в истории континента, и роли в этом великих евразийских держав прошлого. Также, в связи с происходящими сегодня процессами национального возрождения народов Евразии, требуется объективный анализ и корректное обращение с наследием этно-культурного и политико-экономического взаимодействия народов Евразии, выявление в нем актуальных аспектов работающих на интеграцию в условиях третьего тысячелетия.

❁

Мамараев Р. М.
(Москва)

Влияние глобализации на политизацию ислама в мире

Происходящие глубокие изменения в геополитических структурах мирового сообщества и трансформации социально-политических систем дают основание говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития. По-видимому, начинается этап формирования нового типа мирового сообщества глобального масштаба. Глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретает всемирный характер. Постоянно происходящая модернизация большинства локальных сообществ, этнополитическая интеграция, все более растущая доля массовой культуры и разнообразные перемещения людей по земному шару в определенном смысле делают людей похожими, что ведет к стиранию культурных, этнонациональных различий, народы теряют свою самобытность,

это не может не вызвать у малых народов со своей уникальной культурой защитные чувства и действия. Глобализация подразумевает возрастание уровней взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами.

Исламские страны, получив политическую самостоятельность и войдя в век глобализации, взялись за строительство независимой государственности и самостоятельное экономическое развитие национальных экономик. Но колоссальные запасы нефти не смогли обеспечить модернизацию и процветание исламского общества, начались кризисные явления в экономике, социальной, политической, духовной, культурной жизни. Ни демократическая, ни социалистическая идеология не явились залогом успешного развития исламского мира. Первопричиной всех бед стали считать в отходе от принципов изначального ислама и единственным приемлемым выходом из сложившейся ситуации является в восстановлении этих принципов. По этой причине в мусульманских странах поднялась волна реисламизации и радикализации. В настоящее время исламский мир характеризуется мощной тенденцией к возрождению и утверждению тех самых духовных начал и традиционных ценностей, которые и составляют основу Исламской цивилизации.

Под влиянием глобализации, на Востоке отмечается взрывное проявление тяги людей к религии. Это показатель кризисного состояния общественного сознания. Это реакция масс на модернизацию, секуляризацию и глобализм. В кризисные моменты истории религиозность возрастает, а приверженность религиозной общине становиться как никогда значимой. Коллективистская конфессиональная идентичность, характерная для традиционных обществ, оказалась сегодня востребованной в исламском мире. В эпоху Постмодерна религия оказывается едва ли не единственным целостным мировоззрением, открывающим перед человеком выход из идеологического тупика, надежду обрести прибежище от жизненных невзгод, найти духовную опору, моральное оправдание своей жизни. Глобализация стала мощной силой разрушения старого и конструирования нового мусульманского социума. К религии как последнему прибежищу обращается так же часть молодежи, не нашедшая своего места в жизни. Наднациональная идеология, такая как панисламизм, призвана служить противовесом глобализации и вестернизации, которые угрожают традиционной системе ценностей.

Однако глобализационные процессы имеют и обратный эффект. Глобализация, будучи объективным процессом, стимулирует и порождает в исламском мире самые разные тенденции, в том числе вполне конструктивные и перспективные. Под воздействием глобализационых процессов формируется новая транснациональная идентичность мусульман. Нынешняя противоречивая глобализация, наряду с проблемой поглощения и растворения исламского мира, имеет и обратный эффект. Она стимулирует пробуждение и модернизацию исламского мира на основе собственной идейно-теоретической базы, переосмысленной в контексте современности.

Мартынов Д. Е.
(Казань)

О существовании феномена утопии в традиционной общественной мысли Китая: к постановке проблемы

Проблема существования или несуществования автохтонной традиции утопии в Китае, при всей её очевидной важности для истории общественной мысли и для понимания ряда особенностей развития китайской цивилизации, не только далека от разрешения, но и в значительной степени не может считаться сформулированной. В синологической и философско-литературоведческой историографии существует несколько в разной степени обоснованных полярных мнений.

Отечественные работы на данную тематику исчисляются единицами. Если под «утопией» понимать картину идеального для её творца общественного устройства, в таком случае этот феномен оказывается универсальным для всех культур земного шара и будет свойственен и китайскому традиционному общественному сознанию. В данной парадигме утопия и утопизм (как тип сознания) предполагают духовное творчество, главной темой которого является «лучшая реальность» (А. С. Мартынов, 1987: 11), поэтому,

например, ярким примером утопии по своим фундаментальным предпосылкам является конфуцианство. Тем не менее, в рамках конфуцианства не было создано «полноценных» литературных утопических произведений, способных сравниваться с классическими текстами Т. Мора, Т. Кампанеллы и иных.

В западной историографии существует большой разброс мнений относительно генезиса и распространения утопии и утопизма вне Европы, не говоря о методологии их исследования. Крайнюю позицию здесь занял Р. Шер, категорически утверждавший, что в самом строгом смысле этого слова утопия возникла в Европе XVI в., и история утопии как феномена с необходимостью ведёт своё начало от творения Т. Мора (Schaer, 2000: 3). Прямо противоположных взглядов придерживается Л. Сарджент, писавший: «...не всякая культура порождает утопию как теоретический феномен, предшествующий человеческому действию, подобно «Утопии» Т. Мора, но утопии существуют повсюду: в Китае, Индии, разнообразных буддийских и исламских культурах» (Sargent, 2001: 8). Британский специалист по литературным утопиям К. Кумар занял позицию, напоминающую оценку Р. Шера: он также считал, что утопия возникла в ренессансной Европе, а разнообразные концепции общественного идеала, созданные ранее, не должны рассматриваться как утопические, ввиду того, что утопии *in puris naturalibus* обращены к проблемам этого мира (Kumar, 1987: 10). Равным образом, К. Кумар скептически относился к определению милленаристских движений как утопических: милленаристское движение не предполагает новой системы ценностей, тогда как утопия предлагает уникальную систему ценностей в конкретных исторических обстоятельствах (Там же: 17). Он решительно утверждает, что феномен утопии не является универсальным, поскольку утопия является следствием уникальности западного пути развития, и жёстко заканчивает: «...на Востоке могут только существовать мифы о Золотом Веке, фантазии, наподобие Кокани, и мессианские упования, но утопии у них нет» (Там же: 19).

Гонконгский специалист по общественной мысли Чжан Лунси (张隆溪) критикует подход Кумара, несколько снисходительно отмечая, что он не является синологом-профессионалом. Если для концепции К. Кумара характерен акцент на секуляризме, то Чжан Лунси свидетельствует, что китайская общественная структура вообще и конфуцианство в частности изначально основывались на

принципе секуляризма и в этом смысле чрезвычайно отличались от Европы (Zhang Longxi, 2005: 173). Конфуцианство (в версии самого Конфуция и в виде теории «гуманного правления» Мэн-цзы) рассматривается им как утопическая идеология, причём проводятся параллели с «Утопией» Мора (Там же: 177—178). В качестве других примеров конфуцианской утопии приводится «Персиковый источник» (*Тао хуа юань цзи* 桃花源記)[1] Тао Юаньмина (陶淵明, около 365—427), и описанное в поэме общество Чжан Лун-си также сравнивает с «Утопией» Мора (Там же: 182—183). Примечательно, что образы поэмы оцениваются как политические, тесно связанные с идеалом эгалитарного и справедливого общества, и должны рассматриваться как полноценная утопия (Там же 187).

Принципиально иную позицию занимает японский исследователь Хага Тору (芳賀徹), который категорически заявляет, что, сравнивая особенности топоса мира «Персикового источника» с западной утопической традицией, приходится сделать вывод об ошибочности отождествления этого текста с утопиями (Haga Toru, 1997: 3).

Таким образом, рассмотрев существующие в историографии тенденции, необходимо ставить вопрос о существовании утопии в Китае в зависимость от конкретных задач, которые решает исследователь, и, соответственно, его методологической базы и протяжённости временной шкалы. Отсутствие общепринятых представлений об универсальности феномена утопии также заставляет каждого исследователя, обращающегося к этой теме, начинать с самого начала.

Наша собственная позиция такова: если искать прямые аналогии, то картина утопической действительности, предполагающая радикальную перестройку природы человека и внешней среды его обитания, не могла появиться в китайской общественной мысли ранее усвоения концепции линейного исторического времени и восприятия мира не как Поднебесной, т. е. этот процесс в Китае начался не ранее последних десятилетий XIX в. В любом случае данная проблематика заслуживает отдельной разработки, включая вовлечение в оборот отечественной и западной синологии источников, созданных на рубеже XIX—XX вв.

---

[1] Своеобразие памятника заключается в том, что это не трактат, а поэтическое произведение, снабжённое обширным прозаическим предисловием, из-за чего оно часто квалифицируется как поэма.

Меликов Т. Д.

Первый тюркологический съезд и проблемы развития литературного турецкого языка

Одна из актуальных тем, рассмотренных на первом тюркологическом съезде, была связана с развитием литературного языка у тюркских народов. Эта проблема, в частности, была подробно рассмотрена в докладе известного тюрколога Фуада Кёпрюлю-заде.

Как известно, после Бакинского съезда тюркологов особенно усилился процесс обращения к национальному языку и создания нового литературного языка у тюрков. С этого периода, например, в Турции эта проблема становится доминирующей. Только что сформировавшаяся турецкая нация, создавшая на обломках Османской империи новую социально-политическую структуру, стала ориентироваться на новые идеологические и культурные ценности. Османский язык превратился в анахронизм, ни о каком дальнейшем культурном развитии турецкого общества на его базе не могло быть и речи. «Установление республики преследовало цель изменить политическую структуру турецкого общества, — писал крупнейший турецкий прозаик Азиз Несин. Для этого необходимо было создать новую надстройку. Социальные и политические реформы в стране указали путь, ведущий к освоению западной цивилизации. Тогда-то и возникла потребность преобразовать и язык. До тех пор, пока существовал такой искусственный язык, как османский, не могло быть и речи о культурном развитии турецкого общества».

По этой причине в реформах Мустафы Кемаля Ататюрка, лидера буржуазно-демократической революции и идеолога ататюркизма, важное место отводилось «лингвистической революции», в результате которой османский язык уступил свое место турецкому, письменность перевелась с арабского на латинский алфавит, было отменено преподавание в школах арабского и персидского языков.

По инициативе лидера турецкой революции в 1932 году было создано Турецкое лингвистическое общество (ТЛО), призванное осуществить реформы в области языка. Эти реформы имели цель очистить лексику турецкого языка от иноязычных заимствований, используя внутренние ресурсы турецкого и родственных тюркских

языков, создать новую лексику и терминологию. И с этого периода начинается становление и интенсивное развитие нового турецкого литературного языка.

Преобразование турецкой лексики и выработка норм общенационального литературного языка, известные под названием ***озлешме*** (**özleşme**), то есть очищение от чуждых элементов, осуществлялись путем отбора генетически тюркской лексики из письменных литературных памятников (***тарама***), отбора лексики из диалектов турецкого языка (***дерлеме***), путем создания новых слов ***(тюреме).*** Следует отметить, неологизмы, созданные посредством словообразовательных средств турецкого языка, со временем вытеснили иноязычные заимствования и значительно обновили современный турецкий язык.

Эти радикальные изменения, естественно, предполагали и обновление литературной языковой нормы: языком поэзии и прозы постепенно должен был становиться **ары тюркче («arı türkçe»)** — очищенный турецкий язык.

Пути становления и развития нового литературного языка, разумеется, не были гладкими. Тем более что проблемы языка часто переходили из чисто филологической в идеологическую и политическую сферы. Поэтому неудивительно, что время от времени в стране разгораются бурные дискуссии, в которых принимают участие непримиримые идейно-политические противники. Ученые, писатели, журналисты, общественные и политические деятели консервативного толка выступают против «лингвистической революции», против изменений в структуре и лексике турецкого языка, происшедших за последние десятилетия. Они настаивают на сохранении так называемого **«Yaşayan Türkçe»** — «живого турецкого языка», в словарном составе которого много арабо-персидской лексики. По их мнению, посредством такого языка осуществлялась бы преемственная связь с культурной традицией Османской империи. Отвергая эти и подобные обвинения, сторонники «лингвистической революции» — демократически настроенные литераторы и ученые, настаивают на необходимости освободить язык от многовековых иноязычных наслоений и обновить его за счет собственных внутренних ресурсов, считая, что турки должны обладать своим национальным языком.

В становлении нового литературного языка огромная роль принадлежит Турецкому лингвистическому обществу (ТЛО), которое

по сей день успешно функционирует. ТЛО готовит и выпускает различные словари, научные работы по тюркологии, лингвистике, литературоведении, выпускает журнал **«Türk Dili» — «Турецкий язык»**, где печатаются статьи по актуальным проблемам турецкого языка, новые слова, рекомендованные ученым советом ТЛО.

В обращении турецких поэтов и прозаиков к «ары тюркче» не было ничего неожиданного, оно подготавливалось всем ходом тридцатилетнего развития национального языка и в какой-то мере явилось логическим завершением процесса его обновления. В результате создания новых литературных норм в эпоху «лингвистической революции» был ликвидирован разрыв между письменным и устным формами турецкого языка. Благодаря усилиям ученых, журналистов, писателей, в произведениях которых турецкая лексика составляет 85—90 % их словаря, новый литературный язык выполняет соотносительный объем общественных функций в сферах образования, массовой информации, духовной культуры и науки.

❋

Минасян И. Д.
(Москва)

Армянская община Китая в первой половине XX века

История армянской общины Китая до настоящего времени не изучена и не обобщена должным образом. Как это ни удивительно, весьма мало исследована даже относительно недавняя история армянской диаспоры в Китае в первой половине XX в., когда наблюдалась ее максимальная численность и активность.

Армянская община Китая имела несколько центров локализации. Самая многочисленная колония сформировалась в Харбине и насчитывала не менее 560 человек [1]. История появления армян там связана со строительством и эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Остальная часть беженцев перебра-

лась на китайский Дальний Восток в годы Первой мировой войны и Гражданской войны в России.

Армянское население города состояло из самых разнообразных социальных слоев — инженеров, врачей, ремесленников и прочих специалистов. Большой процент составляли торгово-предпринимательские круги, — армянские коммерсанты составляли одну из наиболее деятельных групп в составе российской эмиграции. Община была весьма устойчива и играла весомую роль в экономической жизни города. Судя по рекламным объявлениям тех времен, бойко вели дела обувные фабрики «Арменія», «Адаянц», кондитерская Аспетян, торговая фирма братьев Атоян. Ценители кавказской кухни посещали рестораны «Самсон», «Татос» и др. Последний является самым старинным и «заслуженным» рестораном Харбина (существует и поныне). В 1901 году его открыл известный в кругу соотечественников армянин Татос Григорьевич Тер-Акопов, назвав заведение своим именем. Он же впоследствии основал первую в Харбине винодельню [2].

Солидный капитал, судя по всему, вложил Г.Мхитарянц в проект создания своей первоклассной гостиницы «Отель Палас», располагавшейся в центре города, вблизи всех банковских и крупных коммерческих предприятий [3].

В Харбине же к 1923 году была возведена церковь Св. Григора Лусаворича (позже разрушенная в годы «культурной революции») на средства, собранные членами общины, — бесспорное свидетельство зрелости и материального благополучия диаспоры. На открытии церкви присутствовала вся местная армянская община, а также множество представителей других народов. А через два года после открытия власти Китая официально признали ее в качестве Армяно-григорианской церкви Харбина [4].

Вторым по величине центром армянской эмиграции в Китае был Шанхай. Здесь многие представители общины также представляли влиятельную коммерческую силу. Пожалуй, одними из самых успешных были братья Чакальян — широкая сеть их кондитерских фабрик и магазинов годами процветала и ширилась по всему Шанхаю. Рекламу их производства можно было часто встретить на страницах эмигрантской прессы того времени [5].

Со временем центральная улица французского квартала Шанхая — авеню Жоффр, — где селилась основная часть российских

эмигрантов, превратилась в одну из самых оживленных улиц города. Трудно было сыскать в Шанхае магазина женского платья, открытого другими иностранцами. Все лучшие иностранные фотоателье, парикмахерские и кондитерские магазины были открыты российскими эмигрантами [6].

Армянам в Китае была предоставлена и широкая духовная свобода, возможность сохранять традиционный уклад жизни. Общественная жизнь армянской колонии протекала в различных организациях диаспоры, где регулярно устраивались лекции, собрания, концерты, вечера отдыха. Благотворительные пожертвования армянских коммерсантов во многом составляли финансовую основу деятельности общины.

Армяне обладали довольно сильными позициями и в южно-китайской торговле. Речь идет, прежде всего, о Гонконге и Макао.

Несомненно, самым известным армянином Гонконга был сэр Пол Чатер, или Погос Хачатурович Аствацатрян. Небезосновательно считается, что он внес неоценимый вклад в экономическое развитие колонии. В 1864 году он прибыл в Гонконг в качестве банковского клерка. Впоследствии стал членом английского колониального управления. С его именем связаны почти все важнейшие мероприятия, осуществлявшиеся в Гонконге. Благодаря ему, в частности, был осуществлен масштабный проект по расширению береговой полосы, на которой были созданы крупнейшие фактории и на которой за короткий период были выстроены здания, кардинально менявшие весь внешний вид города.

Заметными фигурами в среде этнических армянских групп Макао были братья Матеус, Лазаро, и др. Если эти семьи были важнейшими представителями торгово-предпринимательской прослойки южного Китая, то другой известный армянин, проживающий в Макао, — Ованес Казарян (Джон Лассар) вошел в историю как первый человек, переведший Библию на китайский язык.

Несмотря на то, что большая часть китайского армянства испытала на себе все тяжести борьбы за выживание на чужбине в условиях полуколониальной страны, в целом армяне проявили себя опытными и предприимчивыми деятелями, сумевшими за несколько лет создать свое благосостояние. Исторический опыт российской эмиграции в Китае также показывает, что при определенных условиях конкурировать с китайцами на китайской же

земле возможно, более того имеются шансы для успешного ведения там коммерции.

Источники и литература

1. Национальный архив Армении. Фонд Высшего духовного совета Св. Эчмиадзина. Дело № 4732.
2. Синь ваньбао. 2010. 23 марта.
3. Русский голос. 1920. 16 сент.
4. Историко-филологический журнал. Армянская церковная жизнь Харбина // 2009, 1. Ереван: Национальная Академия наук РА. С. 149.
5. Шанхайская заря. 1930. 24 сент.
6. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: «Весь путь». 2008. С. 509.

Мосяков Д. В.

(Москва)

Основные противоречия американских и китайских подходов к положению в АТР и ЮВА

Политическая ситуация в Восточной и Юго-Восточной Азии и шире в Азиатско-тихоокеанском регионе характеризуется сегодня все более явным и опасным противостоянием Соединенных Штатов с одной стороны и Китая с другой. Обе страны претендуют на доминирование в этом быстро развивающимся регионе мира, на преимущественное военное и политическое влияние и контроль за ключевыми мировыми торговыми путями здесь пролегающими.

При этом у каждой из сторон есть свои оправдания для осуществления экспансионистской политики. Китай рассматривает и регион ЮВА и некоторые острова в Восточно-Китайском море как потерянные в период «исторической слабости», и сегодня в эпоху роста своего могущества полагает, что просто возвращает себе, то что у него отняли, а американцы, которые в последнее время все более решительно разворачиваются в сторону АТР в свою очередь

полагают, что этот регион является одной из опор и их безопасности и экономического развития. За влияние и стабильность здесь они воевали и в годы Второй мировой войны и в период Второй индокитайской войны (1964—1973 гг.) и всегда самым активным образом присутствовали и в Северо-Восточной и в Юго-Восточной Азии и, в частности именно они способствовали формированию такого успешного ныне регионального блока как АСЕАН.

Противоречия, которые реально существуют, усугубляются тем, что в них все более активно втягиваются региональные страны, которые самой логикой конфликта превращаются в его активных участников. В этой связи особенно показательна ситуация в Южно-Китайском море, где экспансия Китая наталкивается на сопротивление прибрежных держав и прежде всего Филиппин и Вьетнама, которые наравне с Китаем претендуют на острова, прилегающие к их официально признанной территории.

В своей борьбе с Китаем эти страны стараются привлечь на свою сторону США, так как прямое противостояние с Пекином не дает им никаких шансов на успех. Тем самым, они актуализируют латентно существующий конфликт и создают условия при которых политическое маневрирование двух держав может смениться военным столкновением, способным изменить уже устоявший ход вещей. Последние события вокруг рифа Скарборо (в китайской версии остров Хуанъянь) служат лишним доказательством этого. Вокруг этого микроскопического клочка суши, расположенного в Южно-Китайском море, филиппинские и китайские корабли почти неделю стояли друг против друга, а филиппинские политики обращались к США за непосредственной военной поддержкой против КНР. Пекине крайне болезненно реагировали на обращение своих соседей за поддержкой к США и на ответные американские обещания о всесторонней поддержке. Отношения США и КНР вновь стали балансировать на грани серьезного конфликта, напоминавшего ситуацию весны 2011 года, когда заместитель министра иностранных дел КНР заявлял, например, что «некоторые соседи Китая “играют с огнем” и предостерегал США от того, чтобы «не обжечься». Взгляд www.vz.ru 23 июня 2011 газета. Армейская же газета «Цзефанцзюнь бао» явно обращаясь к США указывала, тогда что «Китай, проводящий независимую самостоятельную мирную внешнюю политику, не станет тиранить слабых, опираясь на соб-

ственную силу, но в то же время он сам не будет терпеливо сносить и без конца уступать в ответ на необоснованные придирки». (Цзефанцзюнь бао 10 мая 2011).

Американская контригра против Китая направленная на сдерживание его экспансионизма и укрепление собственных позиций в АТР, развивается сегодня на широком фронте и охватывает не только поддержку «обиженных» Китаем стран АСЕАН, но и поставки вооружений Тайваню и очень болезненную для китайского руководства «борьбу за права человека в КНР», когда Нобелевскую премию мира получает диссидент Лю Сяобо, находящейся в китайской тюрьме, при этом президент Обама призывает его немедленно освободить.

В стратегическом плане американцы давно перешли от стратегии вовлечения Китая в мировые дела, когда они рассчитывали , что Пекин согласится на американских условиях «владеть миром»к стратегии окружения Китая союзными США странами, для эффективного блокирования китайской экспансии. В ответ Китай стал активно наращивать морские вооружения, сформулировал стратегию «нитки жемчуга», в которой указывается на необходимость появления китайских военно-морских баз на огромном пространстве от Бирмы и до Пакистана для контроля над путями доставки в КНР ближневосточной нефти.

В то же время при всей очевидности существенных противоречий, взаимной борьбы и противостояния США и Китая нельзя сбрасывать со счетов и обратную сторону медали. Уже упоминавшиеся события вокруг рифа Скарборо в Южно-Китайском море показали, что обе державы не готовы к открытому противоборству и будут стараться его всячески избегать. И в Пекине и в Вашингтоне есть ясное понимание того, что в случае открытого конфликта под удар будет поставлена вся выстраивавшаяся годами система американо-китайских торгово-экономических отношений (товарооборот двух стран превышает $400 млрд. в год). И для Китая, и для США ущерб от возможного сворачивания деловых связей будет совершенно несопоставим ни с какими возможными имидживыми победами в Южно-Китайском или Восточно-Китайском море. Поэтому, несмотря на все старания Манилы втянуть США в свою рискованную игру с КНР, в Вашингтоне будут до последнего момента пытаться дистанцироваться от конфликта. В реальности так и происходит, когда американские представители уточняют, что они будут защищать только

официально признанные границы своего союзника Филиппин и их договор о совместной обороне не предусматривает прямого вмешательства США в борьбе за спорные острова. Американцы вмешаются только в том случае, если ситуация примет катастрофический для Манилы характер. Впрочем, это вполне реально, учитывая то, насколько несопоставимы потенциалы Китая и Филиппин.

Сложнее ситуация с КНР. С одной стороны Китай в последнее время явно стремится к компромиссу с США. Недавно главный партийный рупор газета «Жэньминь жибао» заявила даже, что «Если Китай и США поймут друг друга, хаоса в АТР не будет» — (Подробности см. http://www.regnum.ru/news/polit/1531262.html#ixzz1wMYKnYiu). С другой стороны в китайском руководстве полагают, что «в китайско-американских отношениях торгово-экономические связи становятся более тесными», но при этом «не укрепляется стратегическое доверие», стороны переживают «доверительный дефицит» (См. подробнее http://www.regnum.ru/news/polit/1531262.html#ixzz1wMZdip3O).

По версии китайских аналитиков именно дефицит доверия и создает напряженность в китайско-американских отношениях, когда не сотрудничество, а соперничество выходят на первый план. А такая ситуация ведет к тому, что серьезно ослабляются позиции тех в китайском руководстве, кто выступает за компромисс с США. В результате выигрывают более радикальные политические силы, которые в конфронтации с США готовы идти существенно дальше, чем нынешние лидеры. Для существующего в Китае режима, действительно многое поставлено сегодня на карту — не только экономически, но и политически. Своим упорным нежеланием достичь любых компромиссов в территориальном вопросе и постоянными указаниями на «незыблемость» произвольно обозначенных в 2009 году китайских рубежей в Южно-Китайском море, по китайской версии, охватывающих 80% его акватории, Китай сам загнал себя в тупик. В нынешний период напряженной внутренней борьбы, связанной с передачей власти новому поколению руководителей, Пекин и в войну вступить не может, но не может и просто взять и отступить, так как внутри страны радикалы и так давно обвиняют китайское руководство в мягкотелости.

Главная угроза существующему статус-кво может произойти только в том случае если в условиях острых разногласий и роста

китайского национализма и интегризма в верхах партии весь противоречивый комплекс отношений с США перейдет из сферы рациональной в сферу эмоциональную и станет ключевым лозунгом для стремящихся к власти политических сил. Вот тогда ситуация в АТР окажется под угрозой серьезного и очень опасного американо-китайского военного конфликта.

❁

Мухаметзянова-Дуггал Р. М.
(Уфа)

Государственная политика в сфере свободы совести в России и Индии: сравнительный анализ

В современном мире не прекращается поиск общих подходов к осмыслению оптимальной модели государственной политики в сфере свободы совести, обусловленный тем, что на рубеже XX—XXI вв. во многих светских поликонфессиональных странах проявился ряд противоречивых и неоднозначных тенденций: происходит отход от основных идей и положений концепции светского государства; религиозные объединения все более активно стремятся влиять на внешнеполитическую и внутригосударственную жизнь стран и народов, а государственные структуры, в свою очередь, все чаще обращаются к ним за поддержкой в решении задач, касающихся практически всех сфер общественной жизни. Поскольку в поликонфессиональных странах существует множество различных моделей политики в данной сфере, мы сочли научно обоснованным выбрать в качестве объектов бинарного компаративного анализа Россию и Индию.

Общим для поликонфессионального пространства России и Индии является наличие в религиозном составе населения численно доминирующего конфессионального ядра (православные — в России, индуисты — в Индии) и религиозных меньшинств, среди которых самыми многочисленными являются мусульмане. Специфика поликонфессионального пространства обеих стран заключается в

степени религиозности населения; роли религиозного фактора в общественно-политической жизни; в политическом и правовом статусе различных религиозных групп. При этом главной предпосылкой устойчивости политической системы поликонфессиональных и полиэтничных стран России и Индии является относительно высокая степень социокультурной гомогенности, в основе которой лежит цивилизационное единство.

Общим для государственной политики России и Индии сфере свободы являются: светский характер государства; кооперационная модель указанной политики; дифференциация общества по конфессиональному признаку; законодательно оформленная градация религиозных объединений и наличие разных уровней взаимодействия с ними государства; активное участие государства в религиозной жизни общества и попытки контролировать ее с помощью административного ресурса; косвенная и прямая материальная и финансовая поддержка основных конфессий.

Однако в каждой стране сложилась специфическая кооперационная модель. В России она имеет следующие особенности: 1) наличие рудиментов четырехуровневой градации вероисповеданий, существовавшей в Российской империи: с Русской православной церковью (Московский патриархат) на конфессиональной вершине и далее вниз по степени убывания «традиционности»; 2) элементов советской модели государственного регулирования духовной жизни населения страны: попыток контролировать духовную жизнь общества с помощью привлечения административного ресурса. В Индии особенность кооперационной модели заключается в наличии: 1) рудиментов колониальной политики противопоставления индусов как общины большинства и мусульман как общины меньшинства; 2) представлений в необходимости защиты прав меньшинств; 3) конституционном закреплении коллективных прав религиозных меньшинств и использование инструментов их защиты — позитивной дискриминации и других специальных мер.

И в России, и в Индии напряженность в межконфессиональные отношения вносят дифференциация государством общества по религиозному признаку и различная степень его сотрудничества с конфессиями. Межконфессиональные конфликты редко возникают на теологической основе — «в чистом виде». Как правило, религиозный фактор используется в конкретных целях различными по-

литическими акторами. Использование в политическом процессе подобного рычага, затрагивающего наиболее сильные и экзальтированные иррациональные струны общественной психологии, способно мобилизовать большие массы людей, как верующих, так и неверующих. Иногда это приводит к трагическим последствиям, ярким примером чему является негативный опыт раздела британской колонии на Индостане в 1947 г. по конфессиональному признаку. Неотъемлемой составляющей сосуществования различных конфессий и религий в конкретном государстве и, как следствие, гарантией внутренней политической и социальной стабильности является межрелигиозный диалог.

❁

Нефедова Д. Н.
(Самара)

Кинематограф как способ сохранения традиционных ценностей в современном индийском обществе

В европейском сознании уже давно сложился устойчивый стереотип, что индийское кино служит лишь для развлечения огромных масс достаточно небогатого индийского населения, а также показывает рядовым европейцам яркий, экзотичный мир. Согласно проведенному опросу пользователей сети Интернет, из 5200 человек 75,1% ни разу не смотрели индийское кино, либо воспринимают его крайне отрицательно, 15,9% признают в кинолентах только яркость и экзотичность, и лишь 9% опрошенных находят такие фильмы интересными.

Но индийский кинематограф — это одно из удивительных явлений современной индийской культуры, которое призвано не только отвлекать обывателей от повседневных проблем. Сейчас это наиболее популярный в Индии вид искусства. В стране действует огромное количество киностудий, создающих фильмы на всех основных языках Индии. При этом количество лент, выпу-

скаемых в год, превышает тысячу. Современный индийский кинематограф меняется и развивается, растут бюджеты фильмов, а технологичность и количество спецэффектов не уступает Голливуду. Но одна черта остается неизменной — индийское кино наполнено символикой и огромным количеством отсылок и иллюстраций традиционной культуры. Именно через эти вставки в сюжет индийцы стараются сохранить свою культуру и самосознание, а также привить молодежи уважительное отношение к традиционным ценностям, ведь 75% населения страны составляют люди в возрасте до 35 лет.

Одной из таких ценностей для индийцев всегда была семья. Причем не только семейно-брачные отношения как таковые, но и способы их поддержания, одним из которых является проведения определенных обрядов и ритуалов в важные моменты жизни. Конечно, основными из них и наиболее часто демонстрируемыми индийским кинематографом являются свадебный и похоронный обряд, знаменующие основные моменты жизненного пути, но некоторые другие ритуалы вызывают не меньший интерес, так как призваны сохранить родственные узы, а иногда и создать новые. Кинематограф активно пропагандирует необходимость проведения подобных обрядов, что ярко показано в некоторых фильмах.

Так, в фильмах «Влюбленный король» (King Uncle, 1993) , «Цена жизни» (Keemat, 1998) и других показан обряд, проводимый во время праздника Ракхи Бандхан (Ракша Бандхан). Этот праздник наступает в день полнолуния в месяце шраван (июль-август). В этот день сестры повязывают специальные украшенные нити ракхи тем, кого считают своими защитниками, т. е. братьям, а также и неродственным мужчинам, которые становятся таким образом их названными братьями. Братья же в ответ делают сестрам подарки. Причем следует отметить, что если посторонний мужчина получил ракхи, он больше не может испытывать к женщине, повязавшей нить, никаких иных чувств, кроме братских.

Другой не менее важный в жизни индийцев семейный обряд — Карва Чаутх (Карва Чотх). Обряд нашел отражение в фильмах «И в печали, и в радости» (Kabhi Khushi Kabhi Gham, 2001), «Непохищенная невеста» (Dilwale Dulhania Le Jayenge, 1995), «Загадка» (Paheli, 2005), «Я схожу с ума от любви» (Main Prem Ki Diwani Hoon, 2003) и т. д. Этот праздник отмечается каждый год в четвертый день

темной половины месяца картик (октябрь-ноябрь) и знаменуется для замужних женщин строгим постом. Они соблюдают его, проводя обряды, призванные обеспечить благополучие своих мужей. Обряд сам по себе очень символичен. Ведь если незамужняя девушка соблюдает пост ради мужчины, она дает понять ему и миру, что их судьбы уже соединены, и она считает себя его женой.

В фильме «Несколько слов о любви» (Dhai Akshar Prem Ke, 2000) показан обряд принятия в семью. В день ежегодного семейного праздника вся семья собирается у священного огня. Под чтение молитв брахманом старшие женщины повязывают тюрбан на голову принимаемого в семью мужчины (мужа дочери семейства, с которым был заключен брак не по традиционному обычаю). Брахман берет с нового члена семьи клятвы о почитании, защите и уважении своих новых родственников. Мужчина же становится полноправным членом семьи и получает все права, в том числе имущественные. Обычай явно семейный, закрытый для посторонних лиц, но, тем не менее, очень значимый.

Приведенные примеры подтверждают роль индийского кинематографа как средства сохранения традиционных ценностей, а также воспитания индийской молодежи в русле национальной культуры. В связи с активной европеизацией всех сторон жизни общества, передача традиционных ценностей может прерваться, чему во многом препятствует индийское кино. Ведь ежедневно в Индии кинотеатры посещают более 14 млн. человек, среди которых большой процент молодых людей, наиболее подверженных влиянию Запада. Именно передача традиционных ценностей, их активная пропаганда и стремление к сохранению отличают индийское кино от кинематографа любой другой страны мира. Как писал индийский режиссер Сатьяджит Рей: «Что же более всего требуется нашему кинематографу, так это стиль, собственная идиома, иконография кино, которые были бы уникальны и мгновенно узнаваемы как истинно индийские».

Орлова К. В.
(Москва)

Монгольские рукописные собрания в Улан-Баторе[1]

Среди многочисленных мировых собраний письменных источников крупнейшими и интересными коллекциями рукописей и ксилографов располагают хранилища г. Улан-Батора. В Улан-Баторе рукописи и ксилографы хранятся в Государственной публичной библиотеке (ГПБ), рукописном фонде Института языка и литературы АН Монголии. На сегодняшний день это самое уникальное и интересное собрание, в котором собрано несколько десятков тысяч письменных источников на старописьменном монгольском, ойратском, тибетском и других восточных языках. Со времени основания ГПБ в 1951 г. по проекту архитектора Н. М. Щепетильникова сюда поступали рукописи и ксилографы разными путями – частично из частных коллекций, в основном – из монастырских библиотек. Коллекция имеет пока алфавитный карточный каталог, часть монгольского фонда впервые была издана в 1937 г., в 1959 г. Жадамба опубликовал поступившие в ГПБ коллекции из библиотеки ургинского Джебзун-дамба-хутухты[2]. Эта ценная в научном отношении библиотека содержит немало раритетов, как например, рукописный Ганджур (108 томов) на тибетском языке (XV в.), написан на черной бумаге, его монгольский перевод, осуществленный в 1629 г., а также Данджур (226 томов) из серебряных пластин, а каждое первое и последнее слово вырезаны из золота. Единственный в мире экземпляр исторической хроники «Алтан товчи» также зафиксирован в коллекции ГПБ. Не менее ценным экземпляром считается самая миниатюрная в мире буддийская сутра «Повесть о Зеленой Таре», размер которой не превышает коробки спичек. Эта рукописная миниатюра изготовлена монгольским ученым Шагжи кисточкой в

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-2103003.

[2] Ulus-un nom-un sang-un aji-yin anggi-dur büküi Mongγol anggi-yin bicimel ba darumal nom bicig-du-un büridkel, Ulaγanbaγatur, 1937; Jadamba. Collection of Mongolian Manuscripts and xylographs of His Holiness Jebtsundamba khutuktu in the State Public Library // CSM. 1959. T. 1. Fasc. 6.

один конский волос красными и черными чернилами. Другое уникальное издание буддийской сутры - «Сундуй» (более 200 листов), каждый лист которой изготовлен из золота и серебра на серебряных пластинах, обложка украшена изображением Будды Шакьямуни с вкраплениями из полудрагоценных камней. Появление подобных дорогостоящих и вообще то малодоступных источников вполне объяснимо. Как считали авторы, (переписчики или редакторы) этих рукописей , они обладали «магической силой», во много крат увеличивая добродетель исполнителя.

Коллекция Института языка и литературы АН Монголии берет начало со времени его основания — 1921 г. Ойратское собрание института известно из описания Х. Лувсанбалдана[1]. В 2005 г. Г. Гэрэлмаа опубликовала «Краткий каталог ойратских рукописей, хранящихся в Институте»[2]. Каталог разбит на тематические разделы: религиозные сочинения, тарни и мантры, астрология, биографии, поучения, азбука, медицинские и фармакологические сочинения, религиозные предписания. В каталоге приводятся порядковый номер, шифр, количество и размеры листов, количество строк на странице, характеристика бумаги, полное название сочинения в латинской транслитерации и на современном монгольском языке, колофон, название сочинения, а также дата описания сочинения. Характерной особенностью собрания рукописей и ксилографов института является множество копий тех или иных рукописей. Так, в собрании Института языка и литературы АН Монголии хранится около 80 рукописей «Алмазной сутры» («Ваджраччхедика»), большая часть которых написана «золотыми», «серебряными» или чернилами из полудрагоценных камней.

Среди частных коллекций выделяется собрание письменных источников из дома-музея акад. Ц. Дамдинсурэна, которое складывалось постепенно: из каждой поездки привозились огромные кипы рукописей и ксилографов. Часть рукописей и ксилографов впоследствии была передана в ГПБ, оставшаяся часть (около 4000 экземпляров) и составила личную коллекцию академика. В 1998 г. Г. Билгуудэй издал каталог монгольских книг музея-квартиры

---

[1] *Лувсанбалдан Х.* Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1960.

[2] *Gerelmaa G.* Brief Catalogy of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature // CSM. Ulaanbaatar, 2005.

Ц. Дамдисурэна[3]. В каталог вошли 1263 наименований рукописей и ксилографов, систематизированные по различной тематике[4]. Среди собрания акад. Ц. Дамдинсурэна практически отсутствуют сочинения по буддизму, молитвенников. Связано это с научными интересами собирателя «живой старины», в круг которого входили «литературное творчество монголов, переводы с тибетского языка художественных произведений, эпические поэмы и литературные связи»[5]. Данная коллекция интересна тем, что «большинство книг снабжено пометами, описаниями, замечаниями» ученого, включенные в раздел «комментарии». В эти комментарии вошли археографические описания тех или иных рукописей и ксилографов , их происхождение и приобретение, качество источников, «соотношение с другими версиями, состав»[6].

Таким образом, представленные собрания г. Улан-Батор дают общие представления о собраниях рукописей и ксилографов в Монголии.

---

[3] *Билгуудэй Г.Ц.* Дамдинсурэнгийн гэр музейн монгол номын буртгэл. 1 боть. Улаанбаатар, 1998.

[4] *Цендина А.Д.* О коллекции монгольских рукописей и ксилографов акад. Ц. Дамдинсурэна и ее каталогизации // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 9. М., 2001. С. 87—92.

[5] Там же. С. 89.

[6] Там же. С. 91.

Панина Е. В.
(Москва)

Новые образовательные методики — шаг в будущее

(Activity Based Learning в школах Южной Индии)

Начавшийся в 2003 году в школах южноиндийского штата Тамилнаду педагогический эксперимент, который многим поначалу казался лишь «косметической» реформой, на самом деле оказался преобразованием глобальным. Полный раскол старой системы начального образования в школах, переход от привычной лекционной структуры уроков, в которой авторитетом всегда являлся и является учитель, к методу обучения, включающему одновременное присутствие в классной комнате нескольких групп детей различных возрастов, — такой шаг многими учителями на первых этапах воспринимался в штыки. Но результаты 8-летней работы показали, что теперь Тамилнаду, во всех школах которого перешли к новой образовательной методике, единственный штат в стране, демонстрирующий неуклонное улучшение результатов овладения детьми чтением, письмом и арифметикой. Помимо этого оказались решены и многие другие общеиндийские проблемы школьной образовательной системы: низкий уровень посещаемости занятий детьми из сельской местности, которые часто оказываются заняты различной работой для семьи; отсутствие у детей интереса к обучению, никак не связанному с их насущными потребностями и определением их будущего; полное отсутствие индивидуального подхода в обучении; недостаток учителей; большое количество учеников в одном классе.

Методика Activity Based Learning, совмещающая элементы педагогической программы М. Монтессори, идеи М. Ганди и достижения местной индийской традиции, перестроила «властную» иерархию в классе, изменила формат и содержание учебных пособий, активно вовлекла детей в учебный процесс и тем самым явилась не революцией, но заметным шагом в эволюции образовательной системы школ в Южной Индии.

Однако не всеми представителями педагогического сообщества реформа воспринимается однозначно. Споры, касающиеся целесоо-

бразности введения подобной системы обучения, не утихают. В докладе мы рассматриваем вопрос оправданности энергетических и материальных вложений в реализацию и внедрение реформы в жизнь, а также потенциальные пути развития ABL на территории Индии.

Пименова М. В.
(Кемерово)

Тюркоязычный мир: концептуальные системы и картины мира

Очень быстро, буквально за какие-то десять лет, отечественная лингвистика приняла в свой метаязык несколько терминов, которые активно используются и широко употребляются в различных исследованиях. Среди таких терминов языковая картина мира, концептуальная картина мира, концепт, концептуальная система и др. Два термина — концептуальная система и концептуальная картина мира — не являются синонимами.

Концептуальная картина мира представляет собой полную базу знаний о мире (донаучных и научных), накопленную за всю историю существования народа, говорящего на языке. Она реализуется в виде репрезентантов — языковых знаков. Концептуальная картина мира не совпадает с языковой. Она сложна по своему строению, отличительным ее качеством является многоуровневость. И если в языке существуют процессы архаизации и десемантизации, то в концептуальной картине мира аккумулируются всё, что когда-то было познано, названо и освоено. Первый уровень в ней образуют знания архаичные, реликтовые (донаучные), это знания дописьменного периода. Далее появляется уровень знаний, который частично фиксируется в разного рода текстах. Следующие уровни — это знания разных наук, как систематизированные, так и несистематизированные. Язык «запомнил» и сохранил эти знания в своих знаках и категориях (например, к категории живого в русской концептуальной картине мира относятся не только животные (живые!) и чело-

век, но и растения, которые живут и умирают; эта категория связана с категорией одушевленности — наделенности душой).

Концептуальная система — это совокупность всех концептов, входящих в ментальный фонд языка, находящихся в разных типах отношений между собой. Они реализуются в виде репрезентантов — языковых знаков. Концептуальную систему можно назвать ментальным каркасом языковой картины мира. Концептуальная система — сложное образование: ее формируют концептуальные подсистемы, такие, например, как концепты небесного мира (солнце, звезды, луна, комета, планета, небо и др.), ландшафтные концепты (земля, море, река, луг, лес, тайга, океан, озеро и др.), зооконцепты (птица, зверь, хищник, бабочка, божья коровка, стрекоза и др.), антропоконцепты (властитель, правитель, подданный, воин, путник, музыкант, учитель и др), социоконцепты (политические концепты, идеологические концепты, интерперсональные концепты, религиозные концепты, этические концепты) и т. д. У каждого народа своя мифология, свой путь в донаучном познании мира, т. е. своя культура. Эти знания тоже отображаются на концептуальной системе.

Концептуальная система — это весь объём моделей осмысления и описания мира и его фрагментов. Такую систему можно назвать традиционной, т. к. она функционирует в виде устойчивых форм языка. Концептуальная система консервативна. И в то же время эта концептуальная система кумулятивна; она развивается, дополняется новыми признаками, т. к. язык имеет свойство самообновления, обладает способностью к порождению новых языковых форм для выражения новых знаний.

Фольклорная картина мира — важная, основополагающая часть концептуальной картины этноса. Первый слой — базу картины мира — представляет именно фольклорная картина мира: ребенок еще не говорит и не ходит, а ему уже читают народные сказки, в которых встречаются народные пословицы и поговорки. Знания о древности, о мире, об этносе, об этике, быте закладываются у ребёнка посредством этой картины мира. У билингвов есть преимущество — они знакомятся сразу с двумя картинами мира.

Фольклор опирается на народные стереотипы сознания, выработанные традиционной народной культурой. В фольклоре эти представления реализуются своеобразно, преломляясь через призму мифологического, наивного, а затем и религиозного мышле-

ния. Наряду с отражением в фольклорной картине мира народного опыта в ней заключается достаточно древний взгляд на мир, воплотившийся в многочисленных условностях, которыми изобилуют пословицы и поговорки. Фольклор представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившей значение в наше время. Особенно актуальным представляется в настоящее время изучение устного народного творчества, когда растет интерес к историческому прошлому, идет поиск утраченных мифов и символов родных культур.

Фольклорная картина мира отличается от языковой картины мира, как по составу компонентов, так и по строению. Поскольку в фольклорной картине мира фиксируются донаучные, наивные, мифологические представления, набор наиболее существенных из них, подвергшихся концептуализации, не совпадает с представленным в современной языковой картине мира в целом. Те из фольклорных концептов, которые на понятийном уровне совпадают с общекультурными, отличаются от них на уровнях аксиологическом и образном.

Пословицы и поговорки также относятся к жанрам фольклора, возникшем в глубокой древности. Собирать татарские пословицы и поговорки, систематизировать и изучать их впервые начал профессор Казанского университета И. Ф. Эрдман в XIX веке. Первая публикация татарских пословиц принадлежит И. Снегиреву. Он впервые опубликовал их на татарском языке в книге «Русские в своих пословицах». Помимо этого пословицы опубликовали М. Иванов и И. Березина. Также было выпущено несколько специальных сборников пословиц XIX века, которые собирали С. Кукляшев, К. Насыров, Т. Яхин и др.

Пословицы и поговорки турецкого и татарского народов с позиций сопоставительного анализа показывают этноспецифику в разных сферах их жизни. К таким особенностям относятся:

- отношение к судьбе (Если не согнулся, когда был прутиком, — не согнется, когда станет палкой. Татарская пословица. Alın yazısı değişmez «Судьбу не изменить.~Чему быть, того не миновать» Турецкая пословица; Один бывает счастлив в молодости, другой — в старости. Татарская пословица; Ağaç yaş iken eğilir «Дерево гнется пока молодо». Турецкая пословица), в том числе к богатству и бедности (Без недостатка свадьбы не бывает. Татарская

поговорка; Что вошло в желудок, то есть прибыль. Татарская пословица; Ağlamak akçe etmez «Плачь денег не принесет.~Слезами горю не поможешь». Турецкая пословица), в отношении к земле и Родине (Если земля без владельца, то свинья заберется на холм. Татарская пословица; İnsanın vatani doğduğu yer değil, doyduğu yerdir «Родина не там где родился, а там где насытился». Турецкая поговорка), в том числе внутри семьи (Дом с двумя хозяйками грязен. Татарская пословица; Kuzguna yavrusu şahin görünür «Свой птенец и ворону кажется соколом». Турецкая поговорка),

- социальные взаимоотношения (Добром за добро платит каждый, добром за зло — настоящий человек. Татарская пословица; Gölgesinde oturulacak ağaçın dalı kesilmez «Не руби сук, в тени которого сидишь». Турецкая пословица; Affet, ama unutma «Прости, но не забывай». Турецкая пословица), в том числе в гендерных отношениях (Женщина без мужа — конь без узды. Татарская пословица. Kadınsız ev olmaz «Дома без женщины не бывает». Турецкая пословица) и родственных отношениях (Сердце матери стремится к сыну, сердце сына — в степь. Татарская поговорка. Atasına düşman olan, evladına dost olmaz «Тот, кто враг своему отцу, не будет другом своему ребенку». Турецкая поговорка),
- отношение к жизни и смерти (Смерть не приходит дважды. Татарская пословица; Nasıl yaşarsan öyle ölürsün «Как живешь, так и помрешь». Турецкая пословица),
- отношение к поведению (Ружья, жены и собак на подержание не дают. Татарская поговорка; Не пей из рук невежды, даже если это живая вода. Татарская пословица; Sütten ağzı yanan yoğurdu üfleyerek yer «Кто на молоке обжегся, тот и на йогурт дует. Турецкая пословица; Öfke ile kalkan zararla oturur «Встающий с гневом садится с убытком». Турецкая пословица),

и даже в таких частностях, как отношение:

- к поступкам (Что в лесу крикнешь, то и в ответ услышишь. Татарская пословица; Yüz dinle, bin düşun, bir konuş «Слушай 100 раз, думай 1000 раз, говори 1 раз». Турецская пословица),
- еде и бесплатному угощению (Своя болтушка лучше чужой каши. Татарская пословица; Свой черный хлеб лучше чужих пирогов! Татарская пословица; Acıkmış kudurmuştan beterdir «Голодный человек хуже сумасшедшего». Турецкая пословица; Aç

kalmak borçlu olmaktan iyidir «Лучше остаться голодным, чем быть должником.~Лучше без ужина ложиться, чем с долгами вставать». Турецкая пословица),

- уму (Не пой песни других. Татарская поговорка; Bilmemek ayıp değil, sormamak (öğrenmemek) ayıp «Нестыдно не знать — стыдно не учиться». Турецкая пословица; Akil parayla satılmaz «Ум за деньги не продается». Турецкая пословица),
- знаниям (Старик, сидевший все дома, ничего не знает, а юноша, путешествовавший повсюду, все знает. Татарская пословица; Çok yaşayan bilmez çok gezen bilir «Не тот умен, кто долго жил, а тот, кто много видел». Турецкая поговорка),
- пониманию (Дочка, говорю тебе, а ты, невестка, слушай! Татарская поговорка; Eşek hoşaftan ne anlar (anlamaz) «Что осел понимает в компоте = как свинья в апельсине». Турецкая пословица).

Фольклорная картина мира создавалась в результате семантической перекодировки мифологического и этнографического нефольклорного материала через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики.

❋

Раванди-Фадаи Л. М.
(Москва)

Национальная политика ИРИ[1]

Одна из наиболее важных задач правительства ИРИ — это сохранение целостности государства, являющимся многонациональным. Народы Ирана имеют общую историю, географию, традиции, культуру и религию.

Исходя из конституции ИРИ, иранцы, относящиеся к любому этносу или племени, обладают равными правами; цвет кожи, раса,

[1] Основными этническими меньшинствами в Иране являются азербайджанцы 24%, гилаки и мазандаранцы 8%, курды 7%, арабы 3%, белуджи 2%, туркмены 2%, луры 2%, армяне, ассирийцы, евреи, и грузины. Племенные группы: бахтияры, луры , кашкайцы , а также другие.

язык и т. п. не ставит никого в привилегированное положение[1]. Местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах[2].

Но на практике не всегда удается этим конституционным принципам воплотиться в жизнь. Запад очень часто обвиняет национальную политику ИРИ в дискриминации этнических меньшинств со стороны иранских властей (обвиняя в запрете на отстаивание социальных и культурных прав, включая право на образование на родном языке[3]).

Этнический национализм является важным элементом в жизни любой страны, который следует учитывать для внутренней безопасности, особенно в Иране, находящимся на перекрестке цивилизаций и этносов. Так, деятельность этнических националистов в западном и юго-восточном районах Ирана (в которых экономическая и религиозная ситуация заметно отличается от центральных останов Ирана) и возможность иностранных провокаций в этих районах могут быть крайне опасны.

Этнические проблемы представляются крайне важными для современного Ирана. Ситуация осложняется наличием «разделенных народов» («ирредентизм»), и естественным желанием этносов соседних стран объединиться в единое целое. С одной стороны Иран получает возможность влиять на своих соседей, но, с другой стороны, и соседи могут подстрекать «свой» этнос к межэтническим конфликтам в Иране.

Проблема, которая больше всего вызывает недовольство среди национальных меньшинств, это отсутствие школ на родном языке. В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о том в какой степени государство должно разрешить этносам внутри страны проявлять и развивать свою особую этническую и национальную идентичность, является крайне непростым для любого государства. Например, США часто и громко критикуют национальную

---

[1] Конституция Исламской Республики Иран // Весна свободы. М.: Пресс-отдел посольства ИРИ, 1994 С. 74.

[2] Там же. С. 73—74.

[3] Amnesty International report (AIR). Iran, 2009. http://thereport.amnesty.org/sites/default/ files/AIR2010_AZ_RU.pdf#page=117

политику других стран, в том числе и Ирана, обвиняя их, что они ущемляют права своих национальных меньшинств. Но в американских государственных учебных заведениях учёба ведётся только на английском языке. Хотя по данным официальной переписи 2010г., 16.3% населения США — латиноамериканцы. А их доля в юго-западных штатах намного больше (например, в штате Калифорнии — 37.6% населения — латиноамериканцы)[4]. Но и в Калифорнии учёба в государственных высших учебных заведениях ведётся только на английском языке.

Для американских политиков представляется бесспорной важность государственного единства. Еще в 1907г. президент Рузвельт сказал: «В нашей стране хватает места только для одного языка — это английский язык. Потому, что мы намерены создавать наших граждан американцами, людьми американской национальности, а не обитателями какого-то проходного дома многих языков»[5].

Существуют различные взгляды на проблему этнического национализма. Одни считают, что этносы — уже дело прошлого. Этносы существовали веками, как и семейные, общественные и т. п. связи, которыми любой человек окружен с детства. В настоящее время, когда идет «построение наций», неизбежно происходит «разрушение этносов». Зачастую людям приходится отказываться от этнической самоидентификации, чтобы стать частью чего-то большего — нации, страны. Это естественный процесс, и конфликты, связанные с ним, также естественны, и социальные перемены ничего не изменят, и решения проблемы данный подход не предлагает. Согласно другой точке зрения этнические конфликты, как мы их знаем сегодня, — это результат политических, социальных, культурных и т. п. изменений в обществе. Таким образом, зная причины и последствия таких перестановок, можно найти оптимальное решение. Чтобы понять современную ситуацию в Иране, необходимо сочетать оба эти подхода.

---

[4] http://quickfacts.census.gov/qfd/states/06000.html

[5] In 1907, US President Theodore Roosevelt wrote, «We have room for but one language in this country, and that is the English language, for we intend to see that the crucible turns our people out as Americans, of American nationality, and not as dwellers in a polyglot boarding house». Roosevelt, Theodore, Works (Memorial ed., 1926). Vol. XXIV. P. 554 (New York: Charles Scribner's 11 Sons).

До определенного момента первый подход позволял объяснить причину политизации национального сепаратизма. Но в настоящее время ситуацию в иранских национальных районах первый подход мало объясняет, зато может помочь объяснить второй.

Чрезвычайную важность имеет вопрос национального представительства во властных структурах. Так, число правительственных постов ограничено. Если их получат представители одного этноса, то не получат представители другого. Все это приводит к соревнованию, и политизации противоречий. Это же можно сказать про экономику, культуру и т. п. Внутри же этнической группы подобные противоречия приводят к «мобилизации этноса», его сплочению.

Сами по себе межэтнические проблемы на религиозном, культурном, и т. п. уровнем не являлись бы настолько серьезными, если бы не становились политизированными. Объединение людей на этнической почве нередко происходит по расчету. Если они видят, что объединение в группу по этническому признаку принесет им больше выгод, чем неприятностей — они объединяются. Такое же сплочение в ущерб целостности страны может вызывать серьезные проблемы.

В разжигании межэтнических конфликтов нередко виноваты руководящие элиты, лидеры этносов. Они играют на различиях между этносами и центральной властью («Да, мы сунниты! Да, мы курды! И т. п.), тем самым специально приводя к разделению. Сами элиты таким способом «шантажируют» центральное правительство, стремясь получить больше полномочий и привилегий, демонстрируя свою власть над этносом. Ведь пропасть между центральной властью и этнической группой грозит взрывом. И наоборот: в стране с сильной центральной властью сепаратистские тенденции не могут получить развития.

Существуют разные определения этносов, но наиболее удачным представляется определение Энтони Смита этническая группа это «единица общества с определённым названием, с общим мифом о происхождении, общей исторической памятью, общими культурными элементами, связанное с определенной землей исторически, и с определенным чувством солидарности»[1]. («named units of popu-

[1] *Smith A.* Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge, UK: Polity. 1995. P. 57.

lation with common ancestry myths and historical memories, elements of shared culture, some link with a historic territory and some measure of solidarity, at least among their elites».) Таким образом, элементы идентичности, религии и общей культуры являются ключевыми элементами в решении этнических вопросов.

Этнические группы требуют определенных прав: справедливого доступа к политической и социальной власти, справедливого доступа к решению юридических вопросов, справедливого участия в политической жизни.

Некоторые считают, что если этносы внутри государства будут чувствовать, что имеют все необходимые и равные права (право на родной язык и преподавание на нем, равный доступ к политической жизни и т. п.), то они будут чувствовать себя частью единого государственного организма («Мы — иранцы», а не «мы — белуджи»). Однако если подобные проблемы не будут решаться, достаточно малейшей проблемы для того, чтобы вызвать мобилизацию этноса и его конфликт с центральной властью.

Что вызывает этнический национализм? Структура распределения власти (включая экономику, политику и культуру), исторический опыт различных этносов (сами они правили в прошлом или кто-то правил ими), реакция других соседних с этносом стран или международных сил на определенные этносы внутри страны, геополитические условия жизни общества, «соседи» (курды в Турции могут вызвать и проблему с курдами в Иране), а также то имеют ли этносы национальное сознание или считают себя чем-то отдельным от государства.

Формирование и проведение национальной политики в Иране осложнено наличием большого количества этносов. Иран является 16-ой страной в мире по разнообразию языков и этносов. На фарси говорит только 60% населения страны. Имеются также 6 крупных этнических групп, которые в течение истории сильно повлияли на формирование современного иранского государства.

— Крупнейшим этническим меньшинством Ирана являются азербайджанские турки[8] (около 13 млн.). Они живут в 4 провинциях, но также разбросаны и по другим крупным городам Ирана. Эта этническая группа занимает достаточно сильные позиции в экономике, и потому экономические проблемы не могут стать причиной межэтнического конфликта. Но при этом данная группа отличается

сильным чувством национальной идентичности — именно они боролись против центральной власти при Каджарах, в период Конституции. Выпускается масса журналов на азербайджанском, и на нем напечатано более 11 000 книг.

— Другая многочисленная этническая группа — это курды (около 7 млн) на западе Ирана. Они более подвержены межэтническим конфликтам по следующим причинам: они живут на очень небольшой территории, у них плохо развита экономика, мало образовательных и медицинских учреждений. Добавляется и географическая ситуация — «соседи», где курдские националисты могут легко найти убежище в горных районах Курдистана на турецкой и иракской территориях. Курды, в отличие от азербайджанцев Ирана, испытывают политическую изоляцию, их присутствие в политической элите Ирана очень невелико. На них большое влияние оказывает ситуация с курдами в северном Ираке и южной Сирии. Публикуются некоторые издания на курдском языке.

— Луры (около 5 млн.) представляют собой достаточно сплоченную этническую группу, с сильно выраженной племенной властью. В свое время они выступали против центральной власти при Каджарах, Насреддин-шахе, в конституционный период, период Реза-шаха.

— Белуджи (около 4 млн.), в основном, сконцентрированы в Систане и Белуджистане. Они, в отличие от вышеперечисленных этносов, в основном исповедующих шиизм, являются суннитами, поэтому вовлечены в конфликт с центральным иранским правительством на религиозной почве, также имеются проблемы в экономическом отношении. Они «соседи» белуджей в Пакистане и Афганистане, и это оказывает на них большое влияние, побуждая выступать против центрального правительства.

— Арабы (арабы Хузистана — 1.5 млн, арабы Хорасана — 50000 чел.), проживающие в провинции Хузистан (на юго-западе Ирана). Если после исламской революции 1978—1979 гг. произошел всплеск националистических взглядов, то после начала войны с Ираком они «забыли» о национализме, но этот этнический фактор все-таки остается из-за соседства с арабскими странами. После войны большая часть богатых арабов покинула Хузестан. Несмотря на то, что Хузистан — один из центров добычи нефти в Иране, в этом остане высок уровень безработицы, и велик контраст между

уровнем жизни арабов в Иране и арабских стран, что становится причиной возникновения националистических движений.

— Туркмены (около 1,5 млн.) на северо-востоке Ирана, не идентифицируют себя как часть туркменского этноса, и большая их часть называет себя иранцами. Но они все равно подвержены влиянию Туркменистана.

Проблема этнического сепаратизма достаточно резко стояла перед Ираном в течение всего XX столетия. Особенно острой она стала после Исламской революции 1978—1979 гг. Наиболее напряженной ситуация была в Иранском Курдистане, когда в течение нескольких лет там велись настоящие боевые действия Демократической партии иранского Курдистана с вооруженным силами ИРИ. Сейчас ситуация менее напряженная, но еще далека от идеальной.

В период президентства Ахмадинежада курдское движение как политическое и как сепаратистское себя фактически не проявляет. Можно говорить о развитии национальных оппозиционных движений, которые базируются за рубежом. Придавая большое значение снижению уровня оппозиционных настроений в национальных останах, Махмуд Ахмадинежад сразу же после своего избрания начинает периодически посещать эти регионы, особенно наиболее отсталые в экономическом отношении. Там же неоднократно проводились выездные правительственные сессии. Именно Ахмадинежад, был первым президентом которому удалось привлечь внимание разных государственных органов к этим столь отдаленным и малоразвитым районам страны. По решению правительства часть средств от продажи нефти была выделена на развитие этих депрессивных районов, и меджлис согласился с тем, что на нужды этих регионов была израсходована часть средств Стабилизационного Фонда.

На этническую ситуацию в последние годы стал влиять внешний фактор, в этнических регионах страны, особенно в Систане и Белуджистане, а также в Курдистане, появилось значительное количество новых националистки настроенных организаций, которые осуществляют террористические акты. Этнический терроризм, несмотря на то, что его основой являются экономические, политические и культурные притеснения национальных меньшинств со стороны официального Тегерана, также воплощает в себе фактор иностранного вмешательства. Это является одной из форм давле-

ния США и их союзников на официальные иранские власти. Можно предполагать, что этнический фактор будет и в дальнейшем влиять на стабильность социально-политической жизни ИРИ.

❁

Рахимова А. Р.
(Казань)

Основные направления изменений в турецком языке XX века

Языковую ситуацию в современной Турции можно охарактеризовать как функционирование всех существующих форм турецкого языка (литературный язык, диалекты и говоры, койне) в определенных социальных условиях жизни. Согласно статистическим данным, 88% населения современной Турции составляют турки, т. е. лица, признавшие своим родным языком турецкий язык. Национальные меньшинства — курды, греки, армяне, арабы, черкесы, грузины, лазы — составляют около 12% населения. Во всех сферах коммуникации используется единственный государственный язык — турецкий. В зависимости от сферы общения говорящие переключаются с одних средств языка на другие. Это могут быть как языковые стили (научный, религиозно-проповеднический, разговорный и т. п.), так и разные языки (государственный язык, местный язык). Представители местных (региональных) языков, обслуживающих обиходную речь, как это описывается, например, в романе «Пинхан» Элиф Шафак, показано в художественных фильмах «Белый ангел», «Счастье» и др., в официальной обстановке используют преимущественно государственный турецкий язык.

Турецкий язык, на протяжении долгой истории становления испытывал на себе сильное воздействие разносистемных (арабского, персидского, греческого, западнославянских) языков. В результате этого он подвергся существенным лексическим, фонетическим, морфологическим и даже синтаксическим изменениям. В XIX веке литературный османо-турецкий представлял собой язык на 90% состоящий из арабо-персидской лексики.

Известно, что общество и происходящие в нем социальные, экономические и культурные изменения оказывают значительное влияние на национальный язык. Исторические события, общественно-политические изменения в республиканской Турции не могли не оказать влияния на историю турецкого языка. Начиная с 30-х годов XX века, в определенной степени изменилась сама система турецкого литературного языка. В этот период деятельность Турецкого лингвистического общества (TDK) была направлена к очищению турецкого языка от арабских, персидских и иных заимствований. Заимствования были заменены турецкой, в большей части искусственно изобретенной лексикой, среди которых были как удачные новообразования, впоследствии прочно вошедшие в язык, так и неудачные слова, оставшиеся лишь в словарях того периода.

Что касается турецкого языка конца XX века и его современного состояния, то следует указать на продолжение активного языкового строительства. Как известно, изменения в языке проявляются в его эволюции и развитии. Эволюция отражает изменения, происходящие внутри языковой системы по ее собственным законам и правилам. Этот аспект языковых изменений выражается в появлении новых единиц, однако они отражают не внешние, а внутренние явления, служащие обогащению выразительных средств языка. Развитие же отражает отзывчивость языка к веяниям времени, приспособление его к изменяющимся условиям функционирования. Проявляется оно в основном в освоении новых единиц, отражающих изменения во внешнем мире. Турецкий язык развивается вместе с экономикой, культурой, государственной структурой, совершенствованием науки и техники.

Основные изменения, происходящие в современном турецком языке, могут быть классифицированы как развитие, и они явно преобладают над эволюционными изменениями. Так как реформирование языка в большинстве случаев не соответствует естественным изменениям языка. Наиболее заметные и интенсивные изменения наблюдаются в области лексики и фразеологии. Основные изменения происходят в таких тематических группах как рыночная экономика, бытовая техника, политика, туризм, спорт.

Еще одно направление изменений в языке связано с влиянием английского языка на турецкий язык. Особенно четко оно проявляется в молодежном сленге и публицистическом стиле турецкого

языка. Данное явление вызывает необходимость принятия мер по поддержке языковых норм и норм культуры речи.

Кроме всего вышеизложенного, следует отметить интенсивное развитие стиля турецкой художественной литературы, который часто выходит за пределы общелитературного языка, используя диалектную и просторечную лексику. Диалектизмы могут быть выразительным средством языка. Часть диалектной лексики, становясь общеупотребительной, постепенно входит в литературный язык и обогащает его.

❁

Романова Е. Н.
(Якутск)

Северные тюрки-саха в контексте историко-культурного наследия евразийской цивилизации

Настоящий проект является широкомасштабной, интеграционной научной программой, открывающий новый этап в изучении теоретических проблем, связанных в первую очередь с общими закономерностями сложения и развития ранних этнических комплексов, а позднее цивилизаций. Как известно территория Евразийских степей являлась исторической зоной, где на протяжении многих тысячелетий происходило оживленное движение разных этносов и культурных потоков. Большая часть этой территории в X—XVII в. была известна как «Татарская степь», страна Татар и обозначалась в европейских картах как Татарика. Устная история сохранила воспоминания о племенах татар как у монголов, так и у тюрков. Существует научная точка зрения, что в становлении и развитии кочевой культуры до прихода монголов на территорию Монголии, здесь уже присутствовал определенный татарский субстрат. Если обратиться к культуре воспоминаний у народа саха, то нельзя обойти вниманием сохранившееся в основных вариантах мифа о первопредке и культурном демиурге народа саха Эллэе исторического имени Татар Тайма — отца легендарного Эллэя, происхождение

которого якуты связывают с царским татарским родом. Ученый-сибиревед Г. В. Ксенофонтов, анализируя богатый фольклорный материал по ранней истории якутского этноса, указал на распространение подобных сюжетов о Татар Тайме у вилюйских якутов (мархинская группа). В этой связи приходится признать, что период тюрко-татарской истории в якутской этнографии не нашел пока должного отражения.

Научные труды А. И. Гоголева доказали, что истоки якутской этнокультуры уходят своими корнями в общую региональную культуру ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Эта культура сыграла большую роль в становлении современных тюркоязычных народов Сибири, киргизов и казахов, т. е. «этногенетического пучка», под которым в отечественной этнологии понимается группа народов, связанных между собой общим генезисом. Для указанного круга народов стартовой точкой отсчета этногенеза стала эпоха скифо-сибирского культурного единства, фактически продолжавшаяся и в последующее гунно-сарматское время. Условно этот компонент можно назвать «скифо-хуннским».

Народ саха — «люди солнечных лучей, с поводьями за спиной», это метафорическое название якутов как нельзя лучше отражает степную культуру и сопряженный с ней богатый духовный мир. Оказавшись изолированными от центра бурных политических событий (образование раннесредневековых кочевых империй), самые северные скотоводы сумели сохранить элементы, относящиеся к раннему этапу формирования их культуры (постройки, украшения, культ Неба, сезонные кумысные празднества, орнаментальное искусство и др.). В этой связи весьма справедливым является высказывание известного специалиста сибиреведа Д. Г. Савинова: «...если мы хотим представить себе хотя бы приблизительно этнографический облик культуры населения северных районов Центральной Азии и Южной Сибири до образования Древнетюрких каганатов, очевидно, следует обратиться к якутской палеоэтнографии» (*Савинов Д. Г.* Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник-2 к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко.СПб., 2010. С. 79).

Якуты являются самым северным скотоводческим тюркоязычным народом Сибири, рано оторвавшимся от основного ядра тюрков и в силу сложных миграционных процессов, оказавшихся на Северо-Востоке Азии.

Исследования кросскультурного характера по религиозным верованиям народов Сибири в полном объеме были осуществлены Н. А. Алексеевым. Основополагающей концепцией его исследований стал тезис о важности реконструкции религиозной системы саха в контексте общесибирского тюркского наследия. Это был первый опыт изучения религиозных верований саха на уровне этногенетических построений и сравнительных характеристик.

Настоящий проект ставит задачу комплексного изучения процессов этногенеза и ранней этнической истории северных тюрков — саха в контексте взаимодействия тюрко-монгольского мира евразийских степей.

Якуты-северные тюрки, этно и культурогенез которых охватывает несколько исторических ареалов: Алтай, Сибирь, Байкальский регион и Северную Азию являются ярким примером адаптивного (креативного) механизма культуры и в этом плане представляют исключительный интерес для разработки фундаментальных исследований по формированию и развитию самостоятельной кочевой цивилизации в условиях арктического пояса. Актуальность исследования предполагает широкое участие в нем специалистов различного профиля, работающих как в научных центрах Якутии, так и в научных организациях других городов России.

Основной целью проекта станет изучение этно и культурогенеза народа саха в контексте междисциплинарного дискурса, который позволит воссоздать общую панораму взаимодействия и развития кочевых культур.

❁

Рукодельникова М. Б.
(Москва)

К 20-летию востоковедения в РГГУ. Итоги и перспективы

2012 год для востоковедения в РГГУ имеет символическое значение: ровно 20 лет назад в нашем молодом тогда университете появилась кафедра восточных языков. Это было время становления

Российского государственного гуманитарного университета, время создания новых кафедр, центров и факультетов. Факультетом теоретической и прикладной лингвистики в то время руководил А. Н. Барулин, личность незаурядная, человек с большой харизмой, сумевший создать на факультете атмосферу коллективной вовлеченности в науку, атмосферу удивительного единения студентов и преподавателей. А. Н. Барулин пришел в Историко-архивный институт (на базе которого впоследствии был открыт РГГУ) в 1988 году из Института востоковедения Академии наук, создаваемый им коллектив складывался из хорошо известных и перспективных молодых ученых, составляющих сегодня цвет отечественной науки. Были среди них и востоковеды из Академии Наук: С. А. Старостин, А. В. Дыбо, В. И. Подлесская. В 1992 году в университет пришел известный синолог Г. А. Ткаченко, он и возглавил новую кафедру восточных языков.

Г. А. Ткаченко, филолог по образованию и философ и культуролог по научным интересам, разрабатывая концепцию кафедры восточных языков факультета теоретической и прикладной лингвистики, видел слабые стороны преподавания иностранных языков (особенно восточных!) в отрыве от изучения истории и, главное, культуры народов, говорящих и мыслящих на этих языках. Такое преподавание сложилось вследствие раздельного обучения с 1960-х гг. лингвистов и филологов в МГУ, такой же подход был характерен и для молодого тогда факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ. Для исправления сложившейся ситуации кафедрой восточных языков были организованы обязательные курсы по истории, культуре страны изучаемого восточного языка, студентам стал читаться годичный курс так называемого «языка традиции», т. е. древнего, классического варианта современного восточного языка. Кроме того, старшекурсники слушали лекции по теоретической и исторической грамматике изучаемого восточного языка. Все это дало уникальную возможность соединить в одном месте фундаментальную лингвистику и востоковедение.

На кафедру восточных языков пришли известные востоковеды из Академии наук и лучших московских вузов, среди них были филологи, литературоведы, религиоведы, искусствоведы, историки философии и философы культуры. В те же годы Г. А. Ткаченко организовал междисциплинарный научный семинар, посвященный сравнительному изучению культур разных народов, на много лет

объединивший ученых не только РГГУ, но и других научных и образовательных центров Москвы. Уникальность семинара состояла в профессиональной разнородности его членов, как отмечают многие, работа именно этого семинара во многом способствовала впоследствии появлению в РГГУ востоковедческих направлений на других факультетах и открытию научного, а впоследствии и учебного подразделения — Института восточных культур.

В 90-е годы преподавание восточных языков и сопутствующих дисциплин в РГГУ постепенно расширялось: факультет теоретической и прикладной лингвистики, философский факультет, факультет истории искусств, Центр социальной антропологии, историко-филологический факультет, факультет управления — интерес к изучению Востока в разные годы с различной долей успеха приводил к появлению востоковедной специализации во многих структурах университета. Создание в 1996 году Института восточных культур дало мощный стимул к развитию научной составляющей в этом движении.

После 2000 года востоковедение в РГГУ становится одним из приоритетных направлений развития. Была лицензирована специальность «Востоковедение и африканистика», появились студенты-восточники в Институте восточных культур и античности, на факультете истории, политологии и права, Институте управления и права, Историко-архивном институте. В последние годы развиваются исследования стран СНГ, создана специальная кафедра.

Отличительной чертой РГГУ стало открытие 16 международных центров, часть из них связана с Востоком (Кабинет иранской культуры, Турецкий УНЦ, Институт Конфуция, Центр египтологии им. Голенищева, Центр изучения Южной Азии). Тем не менее, международных востоковедных Учебно-научных центров пока недостаточно, и степень их интеграции в университетскую жизнь различна.

О предварительных итогах 20-летнего преподавания востоковедных дисциплин в РГГУ говорит большая востребованность наших выпускников-восточников. Например, бывшие выпускники Института лингвистики полностью обеспечивают преподавание китайского языка в Институте восточных культур и античности, многие преподают восточный язык в Высшей школе экономики, РУДН. Знание восточных языков помогает найти работу в коммерческих компаниях, связанных с Востоком. Наши выпускники заканчивают

магистратуры и аспирантуры не только в ведущих институтах РАН и университетах внутри страны, они — желанные гости в университетах Индии, Китая, Японии, Тайваня, в крупнейших востоковедных центрах Европы и США.

Переход на двухуровневую систему обучения поставил перед нами задачу сохранения достижений и дальнейшего развития в преподавании востоковедения в РГГУ.

Сачко Г. В.

(Челябинск)

«Евразийский союз» В. В. Путина как научная проблема «внутреннего Востока»

1. В классическом евразийстве (эмигрантском российском идейно-политическом течении 20—30-х гг. XX в.) находим две основные темы, связанные с Востоком. Во-первых, это взаимодействие России и Востока (Азии) как геополитических партнёров евроазиатского пространства. Во-вторых, это роль Востока (начиная с древних времён) в становлении самобытной цивилизации России-Евразии, являющейся наследницей скифской, гуннской и, особенно, монгольской держав. Русская культура, согласно евразийству, это славяно-туранская культура. В силу этого евразийцы-эмигранты (сами пострадавшие от советской власти) высоко ценили создание Советского Союза, воссоединившего Евразию в её естественных границах и объединившего многочисленные этносы этого пространства в наиболее адекватной государственной форме — федеративном союзе. Именно эта форма позволяла при обеспечении государственного и цивилизационного единства сохранять культурную самобытность «внутреннего Востока».

2. Современное евразийство (с 90-х гг. XX в.) после развала СССР вновь поднимает проблему интеграции постсоветского пространства как в теоретическом аспекте (А. Г. Дугин, С. В. Кулагин, В. О. Захаров и др.), так и в практико-политическом. Последнее было представлено с 1994 г. президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым как проект Евразийского союза государств (ЕАС). В настоящее время проблема интеграции актуализирована президентом России В. В. Путиным.

3. На наш взгляд, одной из решающих причин, не позволивших реализоваться Евразийскому союзу государств по проекту Назарбаева Н. А., было игнорирование становления новой самоидентификации стран СНГ именно как «суверенных» и «независимых» государств. А потому предложенные в Договоре о ЕАС наднациональные институты и органы власти не могли не вызвать если и не полное отторжение, то хотя бы нежелание их создавать и ими «управляться» со стороны этих молодых, только что «вкусивших» полную самостоятельность государств.

В силу этого для нынешнего востоковедения встаёт проблема осмысления новой самоидентификации тюркских и мусульманских народов евразийского пространства, в недавнем прошлом бывших «внутренним Востоком» советского государства, в настоящее время являющихся «внешним Востоком» по отношению к Российской Федерации.

4. От степени научной адекватности решения указанной выше проблемы изучения «внутреннего»-«внешнего» Востока Евразии зависит и уровень эффективности практических рекомендаций востоковедческих исследований для успешной реализации евразийской интеграции. Другой основополагающей проблемой этой интеграции является вопрос о том, должна ли интеграционная модель евразийского пространства быть инвариантом модели ЕС или Восточной Азии (однородных в своей основе как считают специалисты)? Или она будет носить принципиально отличный характер от известных на сегодняшний день моделей интеграции в силу специфики экономического, политического (в т. ч. внутригосударственного), культурного взаимодействия народов Евразии, имеющего совместную тысячелетнюю историю?

5. Европейский Союз, считавшийся до недавнего времени эталонным, с появлением интеграции в Восточной Азии, превратился не более чем в «частный случай регионализма», причём прошлого века.

Отсюда — теоретическое осмысление интеграции евразийского пространства требует от российской ориенталистики не только пристального внимания к особенностям интеграционных процессов в Восточно-Азиатском регионе (который, на наш взгляд, также является не более чем «частным случаем регионализма»), но и нового обращения к евразийской цивилизационной специфике, что не может не влиять и на отличия интеграции на пространстве Евразии.

Сергеева Т. С.
(Казань)

Музыкальное востоковедение как одно из новых направлений отечественной науки

Изучение восточных (шире — неевропейских) музыкальных культур стало одним из магистральных направлений мирового музыкознания XX века. Оно охватило такие научные направления, как сравнительное музыкознание, этномузыкознание, история музыки, музыкальная культурология, музыкальное востоковедение и др. Для них характерен *комплексный междисциплинарный* характер исследований, что определяется сложностью самого объекта изучения. Подобный подход, как отмечает С. И. Лунёв, всегда был характерен для «классического востоковедения», которое как научная дисциплина изначально отличалось от других общественных наук большей комплексностью.

Музыкальное востоковедение, изучающее музыкальное наследие и творчество современных композиторов стран Востока, продолжает эту традицию. Исследования на стыке различных дисциплин, будучи завоеванием последних лет, приводят к плодотворному взаимодействию учёных, изучающих музыкальную культуру стран зарубежного Востока, и филологов — специалистов в области языка и литературы этих стран. Развивается тесное сотрудничество музыковедов с философами-востоковедами, искусствоведами, изучающими зрелищные и визуальные виды искусства стран Востока, а также учёными в области религиоведения, культурологии, истории и др.

Хотя в отечественной практике сотрудничество музыковеда и филолога в исследовании одной традиции встречается редко в отличие от других стран, что обусловлено изолированностью консерваторского и университетского образования в России. Однако история показывает, что часто именно филологи становятся «первооткрывателями» многих интересных явлений в области музыки и создателями новых научных концепций.

Эволюция научной мысли в области изучения музыкальных культур стран Востока прошла несколько этапов. В. Н. Юнусова вы-

деляет 3 этапа: *становления*, *эмансипации* и *поиска универсалий*, как в региональном, так и в мировом масштабе.

Что касается процесса исторического осмысления музыкальных культур стран зарубежного Востока, он включает в себя два параллельных направления. С одной стороны, это собственные традиции научного исследования в странах Востока, с другой, — это историческое изучение неевропейских музыкальных культур на Западе, учитывающее первое направление, но предлагающее свой «взгляд со стороны». Западная наука находится в стадии постоянного обновления. На сегодняшний день в ней преобладает ретроспективный взгляд на историю музыки стран Востока, концепция которой пока сформирована лишь на региональных уровнях. И только в последние десятилетия серьезное внимание стало уделяться проблемам современной культуры, в частности вопросам функционирования *традиции* в искусстве XX—XXI столетий.

Что касается отечественного музыкального востоковедения, то оно исторически (в советский период) смыкалось с направлением фольклористики, изучающей устно-профессиональное творчество азиатских республик СССР, и исследованиями средневековых трактатов (собственно востоковедческий профиль). Элитарное классическое музыкальное наследие, тесно связанное с Исламом, исследователи обходили стороной, а если и изучали, то во многом искажали суть традиции.

90-е годы отмечены в России «всплеском» интереса к музыкальным традициям т. н. «зарубежного» мусульманского Востока, что напрямую связано с идеологическими изменениями в стране. Появляются культурологические исследования, посвящённые диалогу ислама и христианства, эстетике суфизма, религиозному мусульманскому ритуалу. В конце 90-х — начале 2000-х появляются диссертации российских учёных о музыке высокой традиции (классике) Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, развиваются исследования музыки регионов ДВ и ЮВА.

В настоящее время в России можно говорить о двух центрах развития музыкального востоковедения: Москва (МГК им. Чайковского и ГИИ) и Новосибирск (Новосибирская гос. консерватория). В Казани есть все предпосылки для развития этого направления.

Остро стоит на повестке дня проблема методологии в изучении неевропейских музыкальных культур, что связано с её обновлением

за счёт подходов, выработанных в смежных гуманитарных науках. Наряду с этим происходит процесс углубления понимания многих давно известных явлений музыкальной культуры стран Востока.

В ситуации мировой глобализации изменилось и наполнилось другим содержанием само понятие Восток. Противопоставление Восток — Запад нецелесообразно по причине своей неисторичности, поскольку в контексте такой оппозиции «европейское» применительно к музыкальной культуре видится лишь как композиторское творчество Западной Европы на протяжении трёх-четырёх последних столетий, при этом из поля зрения выпадают предшествующие типы европейской музыкальной культуры, которые во многих глубинных характеристиках аналогичны восточной канонической музыке.

Показательно то, что Запад и Россия к концу XX века отказались от взгляда на музыку стран Азии, как на первоначальный этап истории музыки. Приходит осознание того, что в разных регионах мира существует собственный музыкально-исторический процесс и необходим поиск их общих закономерностей. Хотя, несмотря на произошедшие кардинальные изменения в историческом музыкознании, европоцентристская установка в отношении и оценке достижений в области музыки стран зарубежного Востока продолжает ещё занимать сильные позиции. Сказывается она и в системе российского музыкального образования (на всех уровнях).

❁

Серен П. С.
(Кызыл)

Эвфемизмы со значением «mori» в языке сенгельских тувинцев монголии

В данной работе рассматриваются эвфемизмы «mori» в языке сенгельских тувинцев в Монголии в сравнении литературным тувинским языком на основе полевых материалов, собранных автором в составе комплексной экспедиции «Алтай-Орхон» в Северо-Западной Монголии в 2001 г.

Смерть человека, по воззрениям сойотов (тувинцев П.С.) происходит от того, что какая-то невидимая сила проникает в него и исторгает из него *тын* «дыхание», которое, однако, не исчезает бесследно, а переходит в то, что дает жизнь другому существу – человеку или животному [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 130[1]]. О наступлении смерти говорят *тыныш оожургаар* «дыхание утихает», *тыныш хураар, тыны үстүр* «умереть» букв. душа прервалась. Ср. т. лит. *тыны үстүр* «умереть».

Физическая смерть воспринималась в тувинской среде естественным закономерным этапом перехода из одного состояния в другое, из реальности в иной мир. Он зафиксирован лексическим материалом. Например, *бурган оранында барды* букв. уехал в страну бога, ср.т. лит. *бурган оранынче чоруур, бурган оранынче чоруй баар* «умирать, отдавать богу душу» букв. отправиться в страну бога, кобдо. *бурган ораны чоруур* букв. уезжать в страну богов, бур. бурханы *орондо явьх ошох* «в страну богов идти», калм. *бурхны оронд явах* (*очих*) «отправляться на тот свет, пойти (уйти) в рай; умереть, представиться» букв. пойти в божественную страну, монг. *бурхны оронд явах* (*очих*) «отправляться на тот свет, пойти (уйти) в рай; умереть, представиться» букв. пойти в божественную страну; *бурган-дываажаң оранынче чоруур* букв. уезжать в рай, ср. т. лит. *дываажан ораны баар* букв. отправиться в страну рая, *дываажаңнаар* (ТРС 1968, с. 191)[2] умереть, попадать в рай (о душе умершего), *дываажаңче аъттанып*, *дываажаң баар*, *дываажаң кирер* (ТСТЯ 2003, с. 545[3]) букв. отправиться в рай, к. тув. *бурган-дываажаң оранынче чорупкан* букв. уехал в божественную страну; *дээ оранга баар* букв. уезжать вон ту страну ср. алт. *ол йерге баар* «уезжать туда».

Таким образом, часть эвфемизмов совпадает со словами и выражениями, имеющимися в говорах и диалектах Республики Тыва, а некоторые из них характерны для языка сенгельских тувинцев Монголии.

---

[1] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. III. 415с.

[2] Тувинско-русский словарь. М., 1968. 646 с.

[3] Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск, 2003. 596 с.

Список сокращений

алт. — алтайский язык
бур. — бурятский язык
калм. — калмыкский язык
кобдо. — язык тувинцев Кобдоского аймакаМонголии
к. тув. — язык китайских тувинцев
монг. — монгольский язык
ср. — сравнение
т. лит. — тувинский литературный язык.

Сибагатов Ф. Ш.
(Уфа)

Жанр *сира* в творчестве Р. Фахретдинова

Как известно, традиционным религиозным жанрам в арабо-мусульманской культуре относятся *сира*, *хадж-намэ*, *мунаджат*, *насихат*, *миградж-намэ*, *маулюд*, *фадааил*. К сожалению, в башкирском литературоведении проблема изучения названных выше жанров все еще продолжает оставаться вне поля зрения исследователей.

Наши наблюдения позволяют утверждать, что функционирование жанра *сира* имело место и в истории башкирской литературы.

Еще в доисламскую эпоху арабы уделяли большое внимание своей генеалогии [1, 93]. На наш взгляд, именно эти два фактора сыграли определенную роль в формировании нового особого жанра — *сиры*, посвященной жизнеописанию основателя ислама Мухаммеда [2, 209].

Впервые данный литературный термин был введен в оборот Ибн Хашимом (?–834) в редакции фундаментального сочинения Ибн Исхака (704—767) «Хаза китаб сират расул Аллах» («Это книга жизнеописания посланника Аллаха»), посвященного пророку Мухаммеду.

Со временем этот жанр получил широкое распространение. Например, в начале XX в. в Урало-Поволжском регионе стали по-

являться произведения, по форме и содержанию соответствующие жанру сира — «Мухаммад» С.Бикбулата [3], «Жизнь Мухаммада» З.Кадыри [4], «Мухаммад (с. г. с.)» Р.Фахретдинова [5], «Его сиятельство расуль (да благославит его Аллах) и четыре халифа» М.Гафури [6].

В действительности, перечисленные произведения полностью не соответствуют схеме, заложенной Ибн Исхаком. Свой труд он разделил на три части: 1) ал-Мубтада' — история древних пророков от сотворения мира, 2) ал-Муб'ас — собственно жизнеописание пророка Мухаммеда до первого года хиджры, 3) ал-Магази — завоевательные походы Мухаммеда, где само повествование о нем ведется до его смерти. В некоторой степени этим содержательно-структурным особенностям следовал только Р.Фахретдинова (1859—1936).

1909 г. в г. Оренбург вышла его книга «Мухаммед салуллах аляйхи вэ салям». Она была посвящена жизнеописанию основателя ислама. В композиционном плане книга состоит из 14 глав, 8 из которых посвящены только Мухаммеду. Этот труд имел большой успех в исламском мире и в 1911 г. был переиздан.

В отличие от произведения М. Гафури (1880—1934) «Его сиятельство расуль (да благословит его Аллах) и четыре халифа», где автор, с одной стороны, старался придерживаться канонов жанра, с другой — использовать ее еще и в качестве учебника для медресе, Р.Фахретдинов выступил здесь именно как ученый-исламовед.

Как известно, наука не располагает достоверными научными данными о молодых годах пророка, из-за чего многие исследователи только упоминают место его рождения, происхождение, родителей и ближайших родственников. В отличии от них, М.Гафури заполняет этот пробел данными из различных легенд религиозного характера. Другими словами, в произведении преобладает художественность и авторская фантазия. Например, «В начале эта женщина не хотела взять к себе почтеннейшего расуля, но увидев его, очень полюбила и забрала. Когда почтеннейший расуль начал жить у них, в их дом пришло благополучие. У дойных коров увеличилось молоко. ... Почтеннейший расуль рос быстро, в шесть месяцев начал ходить, а в девять месяцев стал внятно разговаривать» [6, 7].

В своем исследовании Р.Фахретдинов подкрепляет свои мысли выдержками из трудов таких средневековых мусульманских

ученых, как Ибн Хашим «Сират ан-наби», Нагим ал-Асбахани «Далаьил ан-Набуа», Хади Байдауи «Уакад ифтираса ал-асад фи таррики-ш Шам». Кроме этого, следуя традициям, он в качестве первоисточника использует Коран и хадисы.

Новаторский подходавтора к жанру особенно заметен в конце его произведения. Кроме вышеназванных ссылок, в конце книги приводится и указатель имен, упомянутых в произведении. Она разделена на 24 группы и включает в себя 195 имен.

Таким образом, книгу Р. Фахретдинова «Мухаммед (салуллаху аляйхи вэ салям)» можно считать образцом жанра сира. В нем гармонично нашли отражение и традиции жанра, и новаторский подход самого ученого-исламоведа.

Литература

1. *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
2. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
3. *Бикбулат С.* Мухаммад. Казань, 1910 (на тюрки).
4. *Кадыри З.* Хайәте Мухаммад. Казань, 1911 (на тюрки).
5. Фахретдинов Р. Мухаммад (салуллаһу ғәләйһи вә сәләм). Оренбург, 1909, 1911 (на тюрки).
6. *Гафури М.* Хәзрәт рәсүл (салуллаһу ғәләйһи үә сәләм) үә дүрт хәлифә. Уфа, 1912 (на тюрки).

❋

Синецкая Э. А.

(Москва)

Коммуникативная функция китайской художественной прозы

Искусство — форма общественного сознания. Общественное сознание — это совокупность существующих в обществе идей, теорий, взглядов, воззрений, чувств, настроений, привычек, традиций, отражающих общественное бытие людей, условия их жизни. Формами существования и развития общественного сознания являются и правосознание, и идеология, и мораль, и религия, и философия,

и наука вообще. И, разумеется, искусство, особенно, его самая распространённая форма — художественная проза.

Духовная жизнь общества изменяется в пространстве и времени. На определённых этапах самоорганизации духовной жизни наиболее социально значимым становится то обстоятельство, что романы, рассказы в большинстве своём, что называется, несут в читательские массы новые идеи, новые взгляды, настроения и тому подобное, выполняя тем самым коммуникативную роль. Можно сказать, что книги прокладывают между людьми особого рода канал потенциальной коммуникации.

Возьмём, к примеру, романы Вэй Хуй «Шанхайская драгоценность» (*Шанхай баобэй*) и «Замужем за Буддой» (после цензуры получивший название «Мой дзэн» — «*Водэ чань*»). Конечно, подобные произведения можно отнести к так называемой женской прозе (хотя некоторые предпочитают называть их эротическими). Но… Эпиграф (а иногда их и по три кряду) к каждой из коротеньких главок — это цитаты из множества произведений западной и восточной классики или, во всяком случае, знаковых произведений, а также из текстов популярнейших западных рок– и прочее групп, содержание которых вовсе не пустые слова про «юбочку из плюша». Не будем оценивать глубину и философичность этих цитат (преимущественно касающихся взаимоотношений мужчины и женщины), главное, представляется, — произведение, автор упомянуты, и читатель, если хочет/может, имеет возможность обратиться к первоисточнику. Кстати, упоминание в романах термина «феминизм» — *нюйцюаньчжуи*, значимо само по себе — это введение в сознание читателей данной идеологемы. Но не менее значимо, что термин употребляется, как представляется, более правильный, в отличие от используемого многими специалистами в области этой идеологии в КНР — *нюйсинчжуи* (в коем пропадает акцент на правовом аспекте).

Или рассмотрим другой роман, также по выходе получивший большую популярность, — «Тотем волка» (*Лан тутэн*), произведение совершенно другого стиля и содержания, «отягощенное мудреными историческими теориями, отчасти напоминающее мемуары, но чем-то похожее и на социально-исторический трактат». В нём тоже есть нечто, что захватывает и привлекает внимание: отчаянная борьба людей с волчьими стаями и страшные нападения

волков на скот, диких копытных, лошадей. В романе говорится о взаимоотношении кочевников и оседлых китайцев, в определённой степени прослеживаются отголоски теория этногенеза Льва Гумилева, так называемой пассионарности (которая многими считается одной из наиболее убедительных концепций исторического процесса), о сути национального характера, скрытого под маской тотемного культа, с одной стороны, и крестьянского сознания как характеристики ментальности основной части китайского населения, с другой. Не менее ярко и убедительно показана непродуманная политика реформирования «первобытного и отсталого кочевого скотоводческого метода производства» аратов, практически приведшая к угрозе превращения степи в пустыню и потребовавшая больших усилий и материальных затрат для рекультивации земель, а главное — выявившая требование от властных структур определённой смены политико-экономических парадигм и определённой ментальной (если можно так сказать) реформы. Данное произведение в значительной мере является историей становления экологического сознания одного эрудированного, вдумчивого, внимательного и доброжелательного наблюдателя. Считается, что для многих миллионов китайских читателей не пройдёт без внимания это «экологическое предупреждение» о последствиях «десятилетий пренебрежительного отношения к окружающей среде», что называют некоторые «центральной темой» романа «Тотем волка». А поскольку нынче в Китае экологические проблемы становятся, в том числе, всё более важной частью школьной программы, есть растущая потребность в книгах по экологии, но книгах, подающих материал не только в убедительной, но и привлекательной для тинэйджеров и молодёжи форме. Чему полностью отвечает данное произведение.

Смирнова Г. И.
(Москва)

Проблемы социально-экономического развития Республики Судан и Республики Южный Судан

Современный этап развития характеризуется не только глобальным финансово-экономическим, но и социально-политическим кризисом. Наблюдается усиление политической нестабильности и социальной напряжённости, в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Меняется геополитическая обстановка в регионе. На политической карте мира появляются новые государства.

После многолетнего вооружённого конфликта между мусульманским Севером Судана и населённым христианскими и придерживающимися традиционных африканских верований племенами Юга в мае 2005 г. в Найроби (Кения) было подписано Всеобъемлющее мирное соглашение. После шестилетнего переходного периода 9июля 2011 г. был проведен референдум, на котором население Южного Судана проголосовало за предоставление независимости. В результате крупнейшее по территории африканское государство перестало существовать, и вместо него на карте мира появились два новых государства: Республика Судан (РС) и Республика Южный Судан (РЮС).

Перед обоими государствами стоят задачи выбора моделей общественно-политического устройства, экономического развития, решения экономических и социальных вопросов, в частности о разделе доходов от экспорта нефти, о распределении вод р. Нил, урегулирования межэтнических конфликтов и т. д. Финансово-экономическое положение Республики Судан накануне раздела на два государства было довольно сложным. До мирового кризиса 2008 г. экономика единого Судана развивалась довольно динамично, темпы роста ВВП в отдельные годы достигали 10%. Такой рост был достигнут в основном за счёт увеличения поступлений от экспорта нефти в период высоких цен на углеводороды на мировом рынке. К концу первого десятилетия XXI в. темпы роста начали снижаться, составив 6% в 2010 г. Увеличилось отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, сократились золотовалютные резервы, уровень

инфляции вырос в 2012 г. до 15% .На ухудшение финансово-экономического положения, помимо мирового кризиса, в значительной степени повлияли введённые в 2007 г. американские экономические санкции, нестабильность внутриполитической обстановки (обострившийся с 2003 г. конфликт в Дарфуре, возобновление военных столкновений в чрезвычайно богатой нефтью провинции Абьей, а также Голубой Нил, Южный Кордофан) после заключения мирного договора 2005 г.

Провозглашение независимости Юга не толь не помогло решить неурегулированные старые проблемы, но и добавило новые. Главной из них, несомненно, является распределение доходов от добычи и экспорта нефти. Хартум выставил требование о распределении этих доходов в равных долях с постепенным уменьшением его доли в течение последующих пяти лет. Однако основная часть нефтяных месторождений осталась в Южном Судане, и он стал претендовать на большую долю от её продажи — от 70 до 80%. Северный Судан в одночасье лишился основной части своих валютных доходов. (В 2009 г. эти доходы составили 13,4 млрд. долл. и обеспечили до 98% валютных поступлений). В результате дефицит государственного бюджета РС увеличивался на 350 млн. долл. в месяц. Проблема распределения доходов от нефти усугубляется в связи с тем, что основной нефтепровод до экспортного терминала в Порт-Судане проходит по территории северной части в прошлом единой страны. Вновь образованные государтва не смогли договориться об условиях и цене транспортировки нефти, портовых услуг, и в январе 2012 г. правительство РЮС объявило о прекращении добычи нефти. В Республике Судан остались и нефтеперерабатывающие заводы, поэтому Южный Судан вынужден будет импортировать нефтепродукты.

Республика Судан, лишившись основной части своих месторождений углеводородов, будет вынуждена активизировать поиски новых месторождений на своей территории. Правительство РС объявило, что выставит на торги шесть блоков в районах к югу от Хартума, на границе с Египтом, в провинции Дарфур и на шельфе Красного моря. Другим важным направлением экономической политики, согласно заявлению президента О. аль-Башира, станет развитие сельского хозяйства, в частности хлопководства, которое до начала добычи нефти приносило основную часть валютных дохо-

дов. Для этого необходимо увеличить площадь орошаемых земель и модернизировать инфраструктуру, обслуживающую основные районы хлопководства. Всё это потребует огромных средств. Для проведения геологоразведочных работ правительству РС придётся привлекать иностранные компании, которые неохотно идут в страну из-за нестабильной политической обстановки (остаётся неурегулированной положение в провинции Дарфур).

Руководство РЮС связывает свои надежды на преодоление экономической отсталости, прежде всего, с нефтяным фактором. Однако задача эта чрезвычайно сложная. Правительство единого в прошлом Судана уделяло мало внимания развитию южных районов. Здесь почти полностью отсутствует производственная и социальная инфраструктура. После многолетней войны разрушены немногие промышленные предприятия, пришло в упадок сельское хозяйство, и страна не может обеспечивать население собственным продовольствием. Более 90% населения живёт за чертой бедности. Правительство РЮС срочно пытается найти иностранных инвесторов для реализации сельскохозяйственных проектов. Это потребует крупных инвестиций, как и проект строительства нефтепровода до кенийского порта Ламу. На его сооружение, по оценкам экспертов, уйдёт не менее трёх лет. Существует и другой альтернативный проект — строительство железной дороги для вывоза южно-суданской нефти до кенийского порта Момбаса длиной 4 тыс. км и ориентировочной стоимостью 3 млрд. евро. Республике Южный Судан потребуется фактически заново создавать инфраструктуру, основные отрасли экономики, электроэнергетику, системы здравоохранения и образования.

Из всего вышесказанного следует, что перед правительствами обоих вновь образованных государств стоят сложные задачи по развитию экономики, решению социальных вопросов. Необходимо выплачивать заработную плату государственным служащим, работникам спецслужб, военнослужащим. В едином Судане на финансирование текущих расходов направлялось до 80% доходов госбюджета. Учитывая масштабность стоящих перед вновь образованными государствами задач, решение которых потребует крупных инвестиций, правительствам этих государств необходимо договориться о возобновлении добычи нефти, условиях её транспортировки и распределении доходов от её экспорта. Пока в ближайшее

время альтернативы этим доходам от нефти нет. Руководство обоих государств отдаёт себе отчёт о необходимости ведения дальнейших переговоров. Для финансирования жизненно важных для страны экономических проектов и наращивания социальных расходов руководству обеих стран необходимо привлекать иностранные инвестиции, но для этого требуется, прежде всего, стабилизировать внутриполитичесую обстановку и решить многие спорные вопросы.

❋

Старцев А. В.
(Барнаул)

Подготовка востоковедов в Алтайском государственном университете

Актуальность подготовки высококвалифицированных специалистов-востоковедов в г. Барнауле была обусловлена рядом факторов. Барнаул, как центр Алтайского края, занимает важное геополитическое положение, поскольку располагается в приграничной зоне и активно развивает торгово-экономические и социально-культурные связи с Республикой Казахстан, Монголией и Китайской Народной Республикой. Постоянно расширяющиеся контакты Алтайского края с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, способствуют повышению интереса жителей региона к истории, культуре, религии Китая и стимулируют развитие деловых, культурных, образовательных связей с одной из самых динамично развивающихся стран Восточной Азии. В 1999 г между администрацией Алтайского края Российской Федерации и Народным Правительством СУАР КНР было подписано соглашение «О торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве». Таким образом, общие тенденции межрегионального развития России и КНР в последние 10—15 лет определили необходимость подготовки для Алтайского края специалистов-китаеведов.

Первым алтайским вузом, который начал подготовку специалистов-международников со знанием китайского языка стал Алтайский

государственный университет. С 1996 г. студенты дневного отделения исторического факультета, обучавшиеся на специальности «Международные отношения», стали изучать китайский язык как второй иностранный. Большая роль в продвижении «китайской тематики» в университете принадлежала доктору исторических наук, профессору В. А. Моисееву (1948—2007). По его инициативе в конце 1999 г. на историческом факультете была открыта кафедра востоковедения, а в 2001 г. — научно исследовательское подразделение — «Алтайский центр востоковедных исследований» (АЦВИ). За период существования АЦВИ) с 2001 по 2011 гг. его сотрудниками было подготовлено 11 кандидатских и 1 докторская диссертация, опубликовано свыше 20 монографий, 16 сборников статей и 4 сборника документов, организовано и проведено 10 научных конференций.

С 2007 г. заведущим кафедрой постоковедения и руководителем АЦВИ стал д.и.н., профессор А. В. Старцев, продолживший развитие востоковедной тематики в АлтГУ. В конце 2011 г. АЦВИ был преобразован в Алтайский международный центр азиатских исследований» (АМЦАИ), который вошел в состав научно образовательного комплекса «Институт взаимодействия со странами Азии».

Важнейшими задачами АМЦАИ является проведение исследований в области истории, экономики, политики, языка и культуры стран Азии — Китая, Монголии, Казахстана и др.; анализ и экспертиза современных экономических, политических, социальных и культурных процессов в сопредельных странах Азии; организация обмена информацией научного и организационного характера между специалистами в области азиатских исследований на региональном, межрегиональном и международном уровне и т. д.

Одновременно с организацией научно-исследовательской работы кафедра востоковедения совершенствовала систему подготовки специалистов-китаеведов. В 2004 г. был проведен набор на специальность 032301.65 — «Регионоведение (регион Китай)», с 2011 г. в рамках ФГОС третьего поколения осуществляется подготовка по направлению 032000 — «Зарубежное регионоведение» квалификация «бакалавр» и «магистр».

В рамках образовательного стандарта студенты-регионоведы изучают китайский и английский языки, а также дисциплины специализации, посвященные истории, политической системе, социально-экономическим отношениям, этнологии, религии и куль-

туре КНР. Кроме этого, преподаватели кафедры читают специальные курсы, призванные расширить знания студентов по отдельным аспектам будущей профессиональной деятельности специалистов-китаеведов. Наиболее интересными являются спецкурсы, посвященные истории и современному состоянию российско-китайских отношений, история отдельных регионов Китая (Синьцзян, Тибет), коммерческой работе в Китае. Помимо собственно Китая, студенты изучают историию и современное состояние ближайших соседей Китая — Монголии и Казахстана, историческую и экономическую географию Центральной Азии, знакомятся с историографией и источниковедением Китая.

Помимо получения теоретических знаний студенты в течение всего периода обучения проходят несколько практик, важнейшей из которых является полугодовая или годовая стажировка в высших учебных заведения Китайской Народной Республики. Здесь будущие специалисты не только совершенствуют знания и навыки китайского языка, но и знакомятся со страной, людьми, обычаями, что позволяет выработать собственное понимание и получить реальные навыки работы за границей. Обучаясь в Китае, студенты знакомятся не только с местным населением, но и имеют возможность контактировать со студентами и специалистами, приезжающими в Китай из стран Западной Европы и Америки. Это позволяет расширять свой кругозор, и совершенствовать навыки не только в китайском, но и в английском языке. В результате, после прохождения практики, студенты вполне свободно владеют китайским и английским языками, а также обладают информацией необходимой им для написания дипломной работы. Тематика дипломных сочинений, сбор материала для них осуществляется, как правило, с первого курса, когда студенты начинают работу в специальных семинарах. Здесь, под руководством преподавателей, определяется круг интересов будущих специалистов, прививаются навыки научной работы. Как правило, доклады, подготовленные студентами на спецсеминарах, впоследствии апробируются на студенческих научных конференциях, которые проводятся как в Алтайском государственном университете, так и в других вузах сибирского региона. Студенты, проявившие себя в научно-исследовательской работе, после окончания обучения имеют возможность поступить в аспирантуру по специальностям 07.00.02 — Отечественная история и 07.00.03 — Всеобщая история.

Таким образом, система подготовки востоковедов на историческом факультете АлтГУ отвечает требованиям, предъявляемым государственным стандартом к подготовке специалистов высшей квалификации и позволяет готовить высококвалифицированные кадры востоковедов для органов государственной власти, бизнес-структур и иных учреждений и организаций Алтайского края и Сибирского региона в целом.

❁

Стрельцов Д. В.
(Москва)

О деятельности Ассоциации японоведов

За более чем полтора десятка лет своей деятельности Ассоциация японоведов, объединяющая в своих рядах более 100 японоведов Российской Федерации, завоевала заслуженный авторитет в качестве одной из ведущих организаций, занимающейся изучением насущных проблем политики, экономики, истории и культуры Японии, подготовкой в России японоведческих кадров.

Целью деятельности Ассоциации является: содействие изучению Японии, помощь в подготовке кадров японоведов, осуществление научно-культурной и просветительской деятельности по изучению и распространению знаний о японской истории, культуре, экономике. В деятельности Ассоциации сочетаются два направления — научное (исследовательское и познавательное) и общественное — участие в обсуждении общих проблем российско-японских отношений.

Ассоциация японоведов основное внимание уделяет следующим направлениям. Во-первых, это издательская деятельность. Большую известность в нашей стране и за ее пределами получили многие издания Ассоциации, в числе которых журнал «Знакомьтесь — Япония», ежегодник «Япония», интернет-издания «Российский японоведческий журнал» и Japan Studies in Russia.

Под эгидой ассоциации с момента ее основания в 1994 г. издано более 30 проектных сборников и коллективных монографий по ак-

туальным проблемам современной Японии. Ассоциация занимается изданием учебно-методических пособий: ей изданы учебники по истории, экономике, культуре и литературе Японии, а также и языковедению японского языка. Например, в текущем году готовится к изданию учебное пособие по политической системе Японии — подобного среди вузовских учебников пока не существует.

Особое место в издательской деятельности занимает работа с интернет-сайтом. Ассоциация японоведов старается идти в ногу со временем, одним из императивов которого является особая роль электронных средств массовой коммуникации. Новый сайт japanstudies.ru, запущенный Ассоциацией в 2009 году, стал трибуной всего японоведческого сообщества, мощным средством профессиональной коммуникации специалистов по Японии, работающих в различных регионах Российской Федерации и за ее пределами. Благодаря ему удалось установить сетевые формы взаимодействия, в которые были вовлечены как отечественные японоведы, так и наши зарубежные коллеги. На сайте публикуются материалы конференций и иных научных форумов. Сайт дает возможность «пробы пера» и для молодых японоведов, делающих первые шаги в своей профессиональной карьере.

Ежегодно Ассоциацией проводятся конференции, играющие роль форумов российских японоведов и иных экспертов, интересующихся политическими, социально-экономическими и культурными проблемами Японии. Тема конференций затрагивает широкий спектр актуальных проблем в политической, социально-экономической, культурно-образовательной и гуманитарной сферах современной Японии. За последние 4 года Ассоциацией на базе различных академических и образовательных учреждений Ассоциацией было проведено четыре конференции: «Российско-японские отношения на современном этапе: будет ли качественный сдвиг?», «Япония в АТР: политические, экономические и социально-культурные аспекты», «Япония после смены власти» и «Россия и Япония: экономика и общество в океане проблем». Две из них проводились в международном формате.

Ассоциация большое значение придает работе с молодыми японоведческими кадрами. Ежегодно она проводит конкурс на лучшую научную японоведческую публикацию молодых японоведов России по пяти номинациям: внутренняя и внешняя политика, эко-

номика и общество, история, культура и литература и лингвистика. Сотрудничая с Японским фондом и иными спонсорскими организациями, Ассоциация организует в Японии стажировки для молодых японоведов.

Японоведение сегодня переживает бурный рост. Япония по-прежнему привлекает к

себе огромный интерес среди широких слоев российского общества. В Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Казани, Красноярске, Томске и многих других городах нашей страны продолжается процесс организации и бурного развития японоведческих центров. Исследования, посвященные Японии, стали не просто данью моде, они отражают то непреходящее значение, которое имеет для России наш дальневосточный сосед, страна древней истории, богатейшей культуры, высокой динамики развития и отличной адаптивности к меняющейся парадигме современного мира.

В то же время стоит сказать и несколько пессимистических слов о ситуации в российском академическом сообществе. Японоведение еще, конечно, не умерло окончательно, но уже давно находится в предсмертном состоянии. Люди, занимающиеся современной Японией, — это по большей части энтузиасты, не получающие почти никакой заботы и, что самое главное, не ощущающие востребованности своих усилий. Значительная часть публикаций о современной Японии осуществляется на деньги Японского фонда. Исключением является, пожалуй, лишь Институт Дальнего Востока РАН, директор которого проявляет большие усилия к тому, чтобы японоведы имели свою печатную трибуну без необходимости ходить к японским спонсорам с протянутой рукой. В этой связи хотелось бы поставить вопрос о возможности целевого финансирования государством конкретных исследовательских проектов в сфере японоведения.

Суворов М. Н.
(Санкт-Петербург)

Проблемы и перспективы изучения в России современной арабской литературы

Изучение современной арабской литературы, то есть арабской литературы европейского типа, пришедшей на смену жанрам классического арабо-мусульманского средневековья, имеет в России давнюю традицию. Именно российский ученый, академик И. Ю. Крачковский, в 20-х годах прошлого века стал зачинателем этого направления исследований во всем европейском востоковедении. Ученики и последователи Крачковского продолжили его дело, и к концу XX века в отечественном арабистическом литературоведении был создан солидный научный задел, позволивший появиться трудам фактически энциклопедического характера по истории современных литератур Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Иордании, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко.

С начала 1990-х годов, однако, заметный спад в сфере культурно-научного обмена между Россией и арабским миром, а также снижение престижа академической науки в самой России привели к тому, что изучение современной арабской литературы стало уделом лишь горстки энтузиастов, в основном принадлежащих к старшему поколению исследователей. Именно им принадлежит заслуга в издании вышеупомянутых трудов энциклопедического характера; среди нового же поколения арабистов людей, занимающихся современной арабской литературой, можно сосчитать на пальцах одной руки.

Такое положение представляется особенно удручающим в свете того факта, что с начала 1990-х годов под влиянием глобализационных процессов арабская литература приобретает совершенно новые для нее идейно-художественные черты, привлекающие внимание все большего числа западных ученых. Прошедший в мае этого года конгресс Ассоциации европейских исследователей современной арабской литературы показал, что это направление в европейской арабистике приобретает все большую популярность (11 докладов одних лишь итальянских исследователей!). Все доклады на конгрессе были посвящены значительным произведениям араб-

ской литературы, вышедшим в последние годы, которые в России не только никем не исследовались, но даже практически никому не известны. Таким образом, можно говорить о значительном отставании российской арабистики в той области, в которой она была когда-то лидером.

Исправление сложившегося положения представляется делом неотложным и не столь уж трудным. Неотложность его обусловлена необходимостью передачи нынешнему поколению арабистов теоретических знаний (в виде лекций, научного руководства и научного консультирования) от старшего поколения арабистов-литературоведов, число которых неуклонно сокращается. Относительная же легкость этого дела обусловлена двумя факторами. Во-первых, в настоящее время ощутимо возросло государственное финансирование научных исследований — по крайней мере, в таких традиционных центрах арабистики как МГУ и СПбГУ. Для знакомства с литературной жизнью арабской страны и сбора необходимой литературы (в большинстве случаев ее можно получить бесплатно из рук авторов) достаточно раз в два года отправлять в эту страну специалиста сроком на месяц-два, что не требует чрезмерных финансовых затрат. Еще одна возможность в этом направлении, также не слишком затратная, — регулярно выписывать свежую литературу непосредственно из ведущих арабских издательств, как это делает парижский Институт арабского мира. Второй фактор, способствующий успешному изучению арабской литературы, заключается в использовании Интернет-ресурсов. Информация о новых изданиях, рецензии, обзоры, критические статьи, размещаемые в Интернет на арабских и европейских сайтах, — все это помогает арабисту-литературоведу даже если и не знакомиться с самой литературой, то хотя бы ориентироваться в ней и, следовательно, проводить сбор необходимого материала более осознанно и целенаправленно.

Вышеозначенные меры, конечно, могут быть предприняты только по инициативе и при энергичных действиях руководителей соответствующих научных коллективов, осознающих личную ответственность за сохранение славных традиций отечественной арабистики. При этом российская арабистика способна даже занять лидирующие позиции, если, например, внимание будет направлено на исследование малоизученных арабских литератур, таких как

литературы стран Аравийского полуострова, которые в последние годы приобретают все больший удельный вес в общеарабской литературе, о чем свидетельствуют недавние победы аравийских авторов в конкурсе на лучший арабский роман.

❁

Телебаев Г. Т.
(Казахстан, Алматы)

Ислам в современном Казахстане

1. Ислам — самая распространенная религия в Казахстане. Сегодня около 98% опрошенных казахов, узбеков и уйгур, 80% татар относят себя к исламу. Экстраполяция социологических данных (полученных в 2010 году) позволяет говорить о наличии в стране не менее 10 млн. тех, кто относит себя к исламу. А это составляет не менее 62% всего населения страны. О распространенности ислама свидетельствует и количество мечетей, которых в стране около 2 700.

2. Ислам самая позитивно воспринимаемая религия в Казахстане. По данным опросов 82% населения позитивно относятся к приверженцам ислама, в том числе более половины опрошенных русских, украинцев, немцев и корейцев. Среди этнических групп, традиционно придерживающихся этой религии, позитивное отношение составляет 80—98%.

3. Имидж ислама в глазах большей части населения остается позитивным, о чем свидетельствуют данные социологических исследований по межрелигиозным дистанциям. По отношению к приверженцам ислама межрелигиозные дистанции самые небольшие. Среди этносов, исторически близких к исламу, готовы иметь приверженцев ислама родственниками посредством брака: 93,8% узбеков, 86,7% казахов, 84,6% уйгур и 71,9% татар. Такой позитивный настрой характерен и для других этнических групп: среди русских 49,3% готовы принять мусульман друзьями, а 21,9% — родственниками, среди украинцев — 48% и 20%, среди немцев — 38,8% и 18,4%, среди корейцев 35,6% и 35,6% соответственно.

4. Религиозность приверженцев ислама обладает рядом особенностей. Прежде всего, по общей религиозности (доля в этнической группе, указавшая, что они являются верующими) этнические группы, предпочитающие ислам делятся на две группы. В первую вошли: уйгуры (78,8% опрошенных из их числа указали, что являются верующими), казахи (70,7%) и узбеки (67,2%). С их религиозной идентификацией сходна идентификация русских (64,4% — верующие). Во вторую группу мы отнесли татар (56,2%), которые также как немцы (51%) и корейцы (40%) менее религиозны.

5. Во-вторых, среди приверженцев ислама также больше «пассивно религиозных», чем «активно религиозных». Можно утверждать, что религиозность мусульман также имеет больше культурно-исторический смысл. Так, 67,3% уйгур, 56,3% казахов и 47,4% татар отметили, что они считают себя верующими, однако в религиозной жизни не участвуют.

Вместе с тем, есть исключение: это узбеки. Среди них активно верующих, т.е. тех, кто «состоит в общине и следует религиозным нормам», — 40,6%. В то время как среди казахов таких 14,4%, уйгур — 11,5%, татар — 8,8%, а у русских — 7,4%, корейцев — 4,4%, украинцев — 4% и немцев — 2%.

Это подтверждается также соблюдением узбеками религиозных обрядов: 51,1% опрошенных совершают их ежедневно (среди казахов таких, к примеру, 14,9%, а русских — 4,1%).

6. Следующая особенность характеризует, видимо, в целом постсоветскую религиозность. Это превалирование культурно-исторической составляющей религиозной веры. Так, среди приверженцев ислама в Казахстане религия воспринимается, прежде всего, как национальная традиция, вера предков. Этой точки зрения придерживаются 43,7% казахов, 42,9% татар и 36,2% узбеков. Этническая и родственная сплоченность наиболее характерны для уйгур Казахстана: 61,4% их подчеркивают, что ислам для них — вера предков. К тому же, 63,6% опрошенных уйгур отметили, что их религиозные убеждения сложились под влиянием семьи.

7. Характерная особенность присуща приверженцам ислама также в оценке отношений государства и религии: эти оценки более патерналистски ориентированы. Так, выбрали опцию «государство обязано поддерживать религию, которой придерживается большинство населения» 34,4% узбеков, 27,2% казахов и 11,5% уйгур.

Тикаев Г. Г.
(Махачкала)

К вопросу об истории преподавания арабского языка и перспективах арабистики в Дагестанском государственном университете

Обучение студентов арабскому языку в Дагестанском государственном университете началось на отделении востоковедения исторического факультета в 1991 г. В 1996 году для студентов изучающих арабский язык как «основной восточный» впервые началось преподавание «вторых восточных языков» — персидского и турецкого, а со следующего года началось преподавание последних двух языков — как «основных восточных».

С 2000 года на протяжении 4-х лет, в рамках большого гранта (под рук. доц. Тикаева Г. Г.), предоставленного тогда кафедре востоковедения Правительством Российской Федерации и фондом Сороса по «Программе поддержки кафедр» Мегапроекта «Развитие высшего образования в России», усилиями ее сотрудников совместно с Институтом стран Азии и Африки при МГУ (рук. проф. Рейснер М. Л.), проводилось множество различных мероприятий учебно-образовательного характера. Эти мероприятия в тот период улучшили качество подготовки выпускников, а также послужили дальнейшему развитию востоковедения в регионе. В рамках этого проекта были подготовлены и изданы — ряд учебно-методических разработок, учебных пособий, а также монография и хрестоматия. Кроме этого преподавателями кафедры была проведена большая научно-исследовательская работа по описанию рукописей, хранящихся в Отделе редкой книги Научной библиотеки ДГУ и составлению на ее основе Каталога. «Каталог арабских рукописей Научной библиотеки ДГУ», изданный в 2-х томах в Махачкале в 2004 г. кафедрой на средства гранта, дает описание более 750 наименованиям старинных рукописей на арабском языке. Все издания получили высокую оценку у ведущих востоковедов России (в частности ИСАА при МГУ) и были рекомендованы к использованию в учебном процессе. Для чтения лекций студентам и проведения мастер-классов с преподавателями, кафедрой на протяжении ряда лет, приглашались

ведущие специалисты-востоковеды МГУ. В Институте стран Азии и Африки при МГУ, в свою очередь, прошли повышение квалификации и стажировку 4 сотрудника кафедры.

Вместе с Дагестанским научным центром РАН кафедра работала также над реализацией разного рода совместных проектов. Среди мероприятий этого проекта — организация археографических экспедиций, имеющих целью учет и описание многочисленных коллекций арабских рукописей, широко распространённых на территории Дагестана, а также издание исследований по рукописным памятникам.

В 2001 году кафедра востоковедения как одна из базовых структур влилась во впервые открытый факультет востоковедения и далее с 2004 года стала функционировать самостоятельно как кафедра арабской филологии (зав. кафедрой — доц. Тикаев Г. Г.).

В настоящее время кафедра арабской филологии факультета востоковедения ДГУ готовит востоковедов — арабистов широкого профиля, референтов и переводчиков арабского языка, поэтому помимо арабского языка студенты глубоко изучают историю и культуру арабских стран.

В соответствии с современными требованиями образования, помимо основного учебного материала, сотрудниками кафедры в учебный процесс вводятся различные компьютерные мультимедийные обучающие курсы арабского языка, где изучаемый материал преподносится в очень легкой, доступной форме. Кроме этого силами сотрудников кафедры подготовлено к изданию пособие, в котором традиционные учебные материалы будут совмещаться со сложными заданиями, например, по заполнению пропусков в текстах, самостоятельному составлению плана пересказа текста, а также пересказа или резюмированного изложения его темы на арабском языке. Наряду с этим, студенты по ссылкам URL, что будут даны в списке литературы пособия, смогут через глобальную сеть Интернет обратиться к текстовым и видео материалам, размещенным на сайтах. Возможность просмотра видеоматериала на арабском языке на сайтах спутникового канала, при наличии Интернета, значительно упростит задачу привития студентам навыков аудирования и правильного арабского произношения.

Приоритетными направлениями научно-исследовательской деятельности кафедры арабской филологии являются:

- «Литературные памятники на арабском языке по истории и культуре Дагестана»,
- «Изучение грамматики арабского языка и истории арабской литературы в контексте восточной филологии»

На кафедре арабской филологии проводится определенная работа со студентами. В 2001 г. студентами 1-го курса был образован кружок «Молодой востоковед», ставящий своей целью ознакомление с навыками научно-исследовательской работы.

При факультете востоковедения с 2011 г. начал действовать Центр арабистики (рук. доц. Тикаев Г.Г.), который предполагает развитие и координацию научных исследований по арабскому языку, литературе, культурному наследию Дагестана, а также по проблемам исламской культуры. В целях интеграции науки и образования Центр Арабистики намерен организовать и выполнять совместные с академическими учреждениями научные проекты, проводить научные конференции, семинары по актуальным вопросам арабской филологии и культуры. В научной области перед Центром стоят следующие задачи:

— сформировать группу специалистов в области изучения арабского языка, литературы и культуры. В настоящее кризисное время, когда происходит столкновение цивилизаций, изучение опыта восточных культур и цивилизаций (в том числе и исламской цивилизации) становится актуальным как никогда. Возрастает потребность в современном культурологическом научном знании, способном обеспечивать адекватную оценку и инновационные подходы к решению сложных проблем современности.

Задачами центра являются также:

— участие в разработке программ стажировок и командировок преподавателей, докторантов, молодых ученых и аспирантов в ведущих научных центрах, как в России, так и зарубежья;

— разработка новых эффективных методов для изучения фонетики, лексики, грамматического строя арабского языка, их сравнительно-историческое исследование, изучение литературных процессов с использованием новых компьютерных технологий и программ;

В образовательной области задачами Центра являются:

— внедрение в учебный процесс результатов научных исследований и разработок по лингвистике и литературоведению по-

следних десятилетий; внедрение также компьютерных обучающих мультимедиа программ на арабском языке;

— помощь в подготовке и участие в разработке учебников, учебно-методических пособий и УМК по арабскому языку, литературе и культуре. Организация их издания;

— оказание содействия в обеспечении преподавателей и студентов новой научной и периодической литературой, методической литературой по арабской филологии и культуре, издаваемых в российских центрах и за рубежом;

— привлечение студентов к участию в финансируемых научно-исследовательских проектах;

Кроме этого Центр арабистики будет выполнять следующие виды профессиональной инновационной деятельности:

- Письменный перевод на русский язык материалов на арабском языке любого объема и сложности.
- Письменный (нотариально заверенный) перевод на русский язык документов с арабского.
- Описание частных библиотек и коллекций, состоящих из старинных рукописей на арабском языке.

❁

Тихонов Ю. Н.
(Липецк)

Советско-афганские переговоры по пограничным вопросам в 1940 г.

Вторая мировая война сразу же вовлекла Афганистан в интриги воюющих держав, среди которых наибольшую активность в отношении этой страны и Индии проявляла фашистская Германия. Афганское правительство 6 сентября 1939 г. заявило о своем нейтралитете в начавшейся войне, что давало Кабулу возможность в 1939 — 1943 гг. периодически идти на сближение то со странами «оси», то с государствами антигитлеровской коалиции.

В условиях усилившего германского влияния в Кабуле обострился вопрос подписания соглашения о будущей советско-афган-

ской границе. Еще 4 января 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло окончательное решение по этому вопросу:

1. СССР соглашался на замену (или полную отмену) советско-афганского договора 1921 г.

2. Советское правительство принимало предложение афганской стороны о редемаркации сухопутных участков советско-афганской границы от Зюлфагара до Хамиаба, а также на Памирах и было согласно заключить особое соглашение по этому вопросу, положив в его основу протокол и карты англо-русского разграничения 1885—1888 гг. Редемаркация сухопутного участка от о. Зор-Куль (Виктория) «до пункта соединения границы СССР, Афганистана и Китая» предлагалось осуществить по документам и картам англо-русского разграничения 1895 г.

3. Вопрос о водной советско-афганской границе на реках Аму-Дарья и Пяндж советское правительство было готово обсудить «после окончательного решения вопроса о сухопутной границе».

При этом Афганистан не смог добиться от СССР односторонних уступок в вопросе использования вод р. Кушки севернее Чхильдухтера, так как этим мог быть «нанесен весьма существенный ущерб» Туркменской ССР. Фактически СССР отклонил все афганские предложения о сооружении плотины на р. Мургаб.

Вскоре в виде меморандума ответ советского правительства на афганские предложения, сделанные в 1939 г., был передан в Кабул.

Афганский премьер-министр Хашим-хана продолжал затягивать переговоры, надеясь выторговать односторонние уступки от СССР, прежде всего, в распределении вод рек Кушка и Маргаб. Для советского правительства было очевидно: в Кабуле надеялись при урегулировании пограничных проблем с СССР получить поддержку третьей державы (или держав).

Возможно, что в мирное время такая тактика ведения переговоров не вызвала бы столь резкой реакции в Кремле. Советское правительство четко указало Кабулу на неприемлемость ситуации, когда переговоры о границе превратились по вине Кабула в бесконечный торг по самым различным вопросам. После этого афганская сторона взяла паузу в переговорах.

Лишь 11 июня 1940 г. министр экономики Абдул Меджид вновь попытался в своей беседе с советским послом в Кабуле К. Михайловым поднять вопрос о «стабилизации афганских границ», но опять

выдвинул новое условие: увязать заключение соглашения о границе с предоставлением Кабулу советских гарантий безопасности северных рубежей Афганистана. От обсуждения этих вопросов советский дипломат отказался, так как не имел директив из Москвы.

Фактически речь шла уже не столько о границе, сколько о выработке системы безопасности в отношениях между Афганистаном и СССР, чего пыталась добиться советская дипломатия еще в 1938 г. Однако Хашим-хан, будучи сторонником «политики маятника», уклонился от возможного сближения с СССР. Видимо, с афганской стороны заявления Абдул Меджида являлись попыткой получить информацию о ближайших планах СССР в Центральной Азии, а также подтолкнуть Москву к новым уступкам в переговорах о границе ради достижения союза с Кабулом.

В условиях «кризиса доверия 1940—1941 гг.», когда в Кремле не исключали возможности англо-французской акции против Баку и ввода британских войск в Афганистан, а афганское правительство было запугано «советской угрозой», ожидать сближения между Афганистаном и СССР было нельзя. Попытки Хашим-хана получить односторонние уступки от Советского Союза были серьезным дипломатическим просчетом.

❃

Усманова Л. Р.

Россиянки в российско-японских межкультурных браках: проблемы адаптации (по материалам социологического исследования)

Доклад представляет результаты социологического исследования, проведенного методами интервью и анкетирования летом 2012 года в Киото в рамках гранта научного центра регионоведения Киотоского университета. Согласно статистике, в 2012 году в Японии проживает 7 тысяч 566 граждан России, половина из которых женщины, вступившие в брак с японцем. Это в основном представительницы регионов Дальнего Востока и Сибири. В современной социологии международные браки напрямую связывают с процес-

сами трудовой миграции, ускорившимися в период после распада СССР. В случае с российскими женщинами необходимо отметить еще две причины, способствующие заключению российско-японских браков: 1) превалирование женского населения над мужским в России, и 2) проблема «нехватки невест» в современной Японии, особенно в сельской местности. Необходимо констатировать, что пик подобных браков пришелся на период конца 1990-х-начала 2000-х годов, что можно объяснить общей неудовлетворенностью российскими социально-экономическими условиями.

Результаты исследования процесса адаптации представительниц России с их ориентацией на европейские ценности, воспитанных российской культурой и системой образования, показали, что они сталкиваются на первом этапе с проблемами коммуникации (незнание языка) и культурными проблемами. Вследствие сложных отношений между Россией и Японией, сложилась ситуация малой информированности о культуре друг друга, что сразу отражается на отношениях внутри семьи. Россиянки чувствуют себя изолированными и стремятся реконструировать новую идентичность в качестве эксклюзивного статуса «иностранки». Отсутствие знания английского языка не позволяет им чувствовать себя и представителем благополучного Запада и пользоваться этими культурными преимуществами в полной мере. Женщины, прожившие в межкультурном российско-японском браке более 5 лет, начинают осознавать необходимость интеграции в японское общество без акцента на собственную эксклюзивность. Этому способствует и принесенная из российских родительских семей модель «работающей матери». Практически все россиянки ищут возможности реализовать себя в работе, в общественной жизни или в хобби помимо семьи. Представляется, что лишь второе и третье поколение россиян сможет реально интегрироваться в японское общество.

Усманова Д. М.
(Казань)

Мусульманское «сектантство» в Российской империи: реальные угрозы или мнимые фобии? «Ваисовский Божий полк староверов мусульман» в позднеимперской России

Доклад посвящен феномену т. н. «мусульманского сектантства» в Российской империи на примере изучения истории возникновения и эволюции ваисовского движения. «Ваисовски Божий полк староверов-мусульман» — сложное культурно-религиозное и социально-политическое движение, получившего распространение среди мусульманского населения Поволжья во второй половине XIX — первой трети XX столетия. Появление его стало своеобразной реакцией традиционалистски-ориентированной части российских (поволжских) мусульман на вызовы модернизирующегося общества. Ваисовская община родилась из сложного комплекса различных настроений и идей, бытовавших в мусульманской среде Волго-Уральского региона в позднеимперский период. Среди них важное место занимали протестные настроения, вызванные дальнейшим усилением социальной напряженности, сопровождавшей процесс экономической модернизации в пореформенный период. Чрезвычайно острой была реакция на религиозную политику христианского государства в отношении иноверцев-мусульман, углубляющийся процесс бюрократизации официальных исламских структур и их все большее отчуждение от рядовых верующих. Свою роль сыграли традиционные для религиозного сознания страхи и фобии, обусловившие боязнь реалий современной жизни и отказ от достижений и пороков современной цивилизации. Ряд идей уходят своими корнями в причудливую историческую память народа.

Конфликты, порождаемые как неуживчивым характером основателя и первого лидера общины Багаутдина Ваисова, так и провоцируемые властями, вероятно, остались бы личным делом одного из многих ушедших в небытие исторических персонажей, если бы его проповеди и идеи не попадали на благоприятную почву социальной, национальной, религиозной напряженности и недоволь-

ства, столь очевидной в Российской империи накануне ее падения. История ваисовской общины («секты») отражает сложные процессы социальной и политической трансформации российского общества, в том числе и тюрко-татарской мусульманской общины, порождавшей конфликты и перманентную напряженность, страхи и фобии, сложности в их преодолении.

В конечном счете, ваисовское движение приняло такие формы, что можно говорить о своеобразном культурно-религиозном и политическом феномене в татарской истории, нуждающемся в тщательном изучении и осмыслении. Одна из ключевых проблем в изучении данного движения — возможности использования традиционного научного инструментария и понятийного аппарата, а также ограниченный потенциал источникового комплекса, привлекаемый в изучении неформальных явлений.

❃

Хаджиева Г. У.
(Казахстан)

Цивилизационный подход к исследованию моделей развития стран Востока

Появление за последние десятилетия принципиально новых факторов развития положило начало трансформации мира. Человечество вступило в качественно новую полосу развития, характер и основные тенденции которой можно понять только путем широких компаративистских исследований, в первую очередь наиболее сильно пульсирующих точек, где изменения происходят особенно бурно.

Интернационализация экономики, энергично проводившаяся западными державами в начале XX-го столетия, создала мощные предпосылки для появления нового ее качества — глобализации. Однако усиливающиеся экономические связи не смогли свести человечество воедино, они лишь привели к взаимодействию изолированные ранее друг от друга цивилизации. Мир стал более

взаимосвязанным и взаимозависимым, но далеко не однородным, распавшись на два лагеря: немногочисленные развитые страны, определяющие мировые тенденции, и страны, развивающиеся в направлении первых. При этом формационные различия уступили цивилизационным особенностям, но уже в модернизированном виде.

Цивилизации, являясь высшей мерой идентичности в масштабах человечества, приобретают особую роль в периоды больших исторических переходов, к которым относится и современная эпоха. Обострение кризисных явлений практически во всех важнейших сферах общественной жизни требует обращения к фундаментальным характеристикам и механизмам развития, анализ которых поможет найти причины и способы преодоления возникших проблем. Функциональное значение универсальных, подчиняющихся общим законам социальных структур состоит в обеспечении более высокой степени стабильности, чем у разнородных. Однако оборотной стороной универсализации является разрушение национальной культурной самобытности, затрудняющее поиск ответов на новые, нетрадиционные вызовы. Эволюция как человеческой цивилизации, так и природы свидетельствует о том, что именно многообразие являлось магистральным направлением и гарантией поступательного движения.

Опыт, накопленный крупнейшими восточными странами, Индией и Китаем, за годы реформ и модернизации, представляет значительный интерес. Две крупнейшие развивающиеся страны выбрали разные пути к экономическому процветанию. Китай растет гораздо быстрее Индии, но из этого вовсе не следует, что китайская модель однозначно лучше индийской. У каждой модели свои преимущества. И пока еще не ясно, какая из них может обеспечить более стабильный рост.

Экономическое развитие Китая и Индии основывается на принципиально разных подходах. Во-первых, китайский — строился путем осознанного решения, индийский — сформировался более или менее естественным путем. Во-вторых, правительство Китая более активно управляет экономикой, чем правительство Индии. Оно делает большие инвестиции в производственную инфраструктуру (дороги, порты, энергетика), и от его решения часто зависит, какие компании (не обязательно лучшие) получат государственные ресурсы и право котироваться на местных фондовых биржах. Ин-

дийское же правительство с середины 1980-х гг. все меньше и меньше вмешивается в экономику. В-третьих, Китай охотно принимает прямые иностранные инвестиции, Индия относится к ним с осторожностью. По объему прямых иностранных инвестиций Индия существенно уступает Китаю. Этими различиями объясняется, почему в Китае и Индии успеха добиваются компании разных типов, эти же различия определяют особую роль предпринимательства в развитии обеих стран.

Индия начала экономические преобразования почти на десять лет позже Китая, но привлекает к себе не меньше внимания, прежде всего потому, что туда переместилось значительное количество рабочих мест из западных стран. Кроме того, Индия быстро создает компании мирового уровня в технологичных отраслях, таких как программное обеспечение, ИТ-услуги и фармацевтика. Появившиеся на свет при символической поддержке государства, эти компании дали толчок развитию национальной экономики. То есть в Индии не пошли по пути тотальной индустриализации, а решили развивать некоторые конкретные отрасли, связанные в основном с нематериальными активами. Своим главным капиталом на пути рыночно ориентированного экономического роста и на пути в глобальное информационное общество Индия считает свои человеческие ресурсы. Она имеет третий по величине (после США и России) научно-технический потенциал в мире и хорошую законодательную систему.

Однако, несмотря на разные подходы к экономической модернизации, Индия и Китай имеют общие особенности — осторожность и постепенность преобразований, сохранение макрорегулирующей роли государства, опора на национальные культурные корни. Нет никаких сомнений, что у китайского и индийского политического руководства, успешно ведущих свои общества через ускоренную модернизацию найдутся весомые аргументы для защиты «азиатской» модели устройства постиндустриального общества. В конце XX в. создана новая ситуация, доказывающая способность духовной культуры Востока использовать и развивать достижения западного мира в производстве, торговле и рыночных отношениях, не жертвуя при этом своими традициями.

Хайрутдинов Д. Р.
(Казань)

Научная фантастика в современной арабской литературе

В 2009 году в британской газете 'The Guardian' появилась широко обсуждаемая и цитируемая статья суданки по происхождению, журналистки Несрин Малик «What Happened to Arab Science Fiction?"»(«Что случилось с арабской научной фантастикой?»), в которой она утверждает, что арабо-мусульманская культура в настоящее время испытывает недостаток произведений в этом жанре, несмотря на богатое средневековое наследие с такими интересными образцами прото-фантастических сюжетов, как сказки «Тысячи и одной ночи». В качестве предполагаемых причин упадка научно-фантастического жанра Малик называет отставание в развитии науки и техники в арабском мире вообще, доминирование в обществе популярности религиозного знания по сравнению с научным, присущий культуре некоторых арабских стран догматизм и в целом ориентированность арабской цивилизации на прошлое.

Действительно, нельзя не заметить гораздо меньшую популярность научной фантастики в арабо-мусульманском мире, нежели, к примеру, в странах Дальнего Востока.

Можно считать, что история научно-фантастического направления в арабской литературе начинается с нескольких крупных прото-фантастических сочинений средневековья — главным образом это «الرسالة الكاملة في السيرة النبوية» Ибн ан-Нафиса (XIII в., в европейском мире известное как 'Theologus Autodidactus'), которое нередко называют вообще самым ранним научно-фантастическим произведением, когда-либо написанным. Роман содержит многие тематические элементы, которые будут присущи научно-фантастической литературе XIX, XX и даже XXI вв. — мотивы спонтанной генерации живых существ, научного прогресса, апокалиптические и футурологические темы, мотивы воскрешения и регенерации. Определенное количество фантастических элементов обнаруживается и в сказках «Тысячи и одной ночи», и в ряде произведений аль-Фараби и аль-Казвини.

К сожалению, эти сочинения, которые могли бы лечь в основу целой литературной традиции, снискали больше признания на Западе, нежели на Востоке. Первые скромные попытки арабских авторов обратиться к этому жанру после средневековья начались лишь около 50 лет назад, когда такие египетские авторы, как Йусуф Исса и Мустафа Махмуд опубликовали свои первые работы. Безусловно, Египет и в наши дни продолжает сохранять за собой лидерство по количеству публикуемой научной фантастики. Нихад Шариф, дебютировавший романом «نهزلا رهاف», который получил ряд литературных премий и был впоследствии экранизирован, всегда был одним из наиболее уважаемых в академической среде фантастов благодаря нежеланию резко выходить за традиционно принятые литературные рамки. Гуманист Мухаммад аль-Ашри, запечатлевает в своих романах достаточно романтические образы — так, ему принадлежит идея «негативной бомбы», уничтожающей радиацию и другие смертоносные последствия атомного взрыва. Другого автора, Набиля Фарука, долгое время игнорировало академическое литературоведение, списывая его произведения как подростковую беллетристику. Однако в 1979 г. он завоевал престижную литературную награду за короткий рассказ «Пророчество», после чего по-настоящему попал в поле зрения исследователей. Ныне Фарук — едва ли не самый известный писатель-фантаст арабского мира, в творчестве которого многие находят необычные философские и социальные идеи. Наибольшую популярность из произведений Н. Фарука приобрел цикл «ملف البستقبل» («Материалы будущего»).

В других арабских странах научная фантастика развивалась не столь активно, однако к началу 1990-х годов здесь также появился ряд заметных авторов: Мухаммед Азиз аль-Хаббаби (Марокко), Касим аль-Хаттат (Ирак), Тайба аль-Ибрахим (Кувейт), Кассим Кассим (Ливан), Мустафа аль-Кайлани (Тунис), Абдалла Халифа (Бахрейн), Мусса Оад Ибно (Мавритания), Сулейман Мухаммед аль-Халиль (Иордания).

Однако все это не отменяет определенных проблем арабской научной фантастики. В своей статье «Почти полное отсутствие футуристического элемента» исследователь Ахмед Хаммас назвал арабское общество «предпочитающим вместо будущего обращаться к славному прошлому, которое в условиях авторитарных режимов,

экономических проблем и под нарастающим давлением глобализации выглядит более привлекательным, чем всякое возможное будущее арабского мира». Подобного же рода вопросы поднимались на 1ом научном симпозиуме, посвященном проблемам арабской научно-фантастической литературы, состоявшемся в 2006 году в Университете Касабланки, Марокко. Было отмечено, что объективный анализ таковых произведений затруднен, так как в арабском литературоведении еще не разработана методология изучения научной фантастики, и приходится прибегать к западным теориям. Ряд ученых также отметили трудности, заключенные в самом языке, который, и по сей день сохраняя в своем литературном варианте во многом классическую форму, не реагирует достаточно быстро на достижения науки и техники. По причине доминирующего традиционализма в арабском языковедении новые слова и понятия, сопряженные с развитием технологий, далеко не всегда легко проникают в арабский язык.

Год спустя при поддержке Министерства культуры САР в Дамаске состоялась первая неофициальная конференция арабских писателей-фантастов. Организатор съезда, писатель Талеб Омран отметил, что признание крупных арабоязычных работ в области научной фантастики и популяризация жанра среди арабских читателей жизненно необходимы для дальнейшего развития арабской культуры. На конференции выступили многие известные фантасты — Нихад Шариф, Тайба аль-Ибрахим, Лина Кайлани и др. Все они делились собственным опытом создания научно-фантастических произведений, отмечали потенциал этого направления в плане интерпретации не только будущего, но и настоящего.

Наконец, в 2009 году на эти проблемы обратила внимание и Арабская организация по образованию, науке и культуре (АЛЕКСО), которая в 2009 году в Тунисе провела конгресс специалистов по научной фантастике арабского мира. По итогам работы конгресса был опубликован план мероприятий, которые АЛЕКСО собирается осуществить для развития арабской научной фантастики, который включает в себя создание Арабской ассоциации писателей-фантастов.

Серьезное влияние на развитие научной фантастики в арабском мире оказывает и Интернет, где существуют блоги, посвященные арабской научной фантастике, интересный веб-портал http://islamscifi.com/. Постепенно арабскую научную фантастику начина-

ют изучать в рамках академического литературоведения. Так, профессор Джорджтаунского университета Гэри Баутц исследует как языковые, так и структурно-тематические особенности научной фантастики на арабском языке.

Многие исследования рассматривают связь научной фантастики с исламом — среди них можно выделить канадского писателя, исследователь и публицист арабского происхождения Ахмед Хана.

В арабской научной фантастике появляются и бестселлеры. В 2008 году египетский писатель Ахмад Халед Тауфик опубликовал роман «ايبوتوي» — аллегорическое повествование, напоминающее одновременно романы Оруэлла и Уэллса, современные постмодернистские постапокалиптические произведения с замысловатой структурой и более привычную для арабской литературы социальную сатиру.

❋

Хаматова А. А.
(Владивосток)

О подготовке востоковедов в ДВФУ в новых условиях

Дальневосточный федеральный университет старается сохранять и развивать традиции в подготовке востоковедов, заложенные в конце XIX — начале XX века выпускниками и преподавателями факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета в созданном в 1899 году во Владивостоке первом высшем учебном заведении на Дальнем Востоке — Восточном институте. С 1920 г. по 1939 г. востоковедение во Владивостоке развивалось в ДВГУ, созданном на базе Восточного института. В 60—70-х годах прошлого столетия восстановление востоковедения на Дальнем Востоке стало возможным благодаря поддержке ведущих образовательных и научных центров Москвы и Ленинграда (ИСАА при МГУ, ЛГУ, институтов востоковедения и Дальнего Востока АН СССР).

В этом году исполняется 50 лет непрерывного востоковедного образования в нашем университете (с 1962 г. — отделение востоковедения на филологическом факультете ДВГУ, с 1970 г. — вос-

точный факультет ДВГУ, с 1994 г. — Восточный институт ДВГУ, с 2011 г. — основная образовательная программа «Востоковедение и африканистика» в Школе региональных и международных исследований ДВФУ).

За 50 лет в университете сложились свои направления и особенности подготовки востоковедов. Во-первых, ограничено число стран изучения, по сравнению с востоковедными центрами Москвы и Санкт-Петербурга. Это — Китай, Япония, Корея, Вьетнам, Индия, Таиланд, Индонезия. Число студентов, изучающих эти страны, очень различно: от 600 студентов, изучающих китайский язык, до 3 человек, изучающих тайский язык. Общее число студентов, изучающих восточные языки как специальность составляет 814 человек. Не намного меньше количество студентов ДВФУ (786 человек) изучают восточные языки как второй иностранный язык. Это значит, что подготовка востоковедов за 50 лет из индивидуальной превратилась в массовую, что не может не отразиться на качестве подготовки специалистов. Во-вторых, в течение 50 лет в университете создавались, формировались кафедры, научные школы, что позволило в настоящее время готовить востоковедов разного уровня: бакалавров, специалистов, магистрантов, аспирантов по востоковедческим специализациям; пока это — филология, история, экономика. При этом, учебные планы подготовки востоковедов составлялись согласно государственным, а теперь федеральным государственным стандартам (ФГОС), которые разрабатывались при участии УМО по «Востоковедению и африканистике».

С созданием в 2010 году ДВФУ востоковедный центр получил право разрабатывать свои образовательные стандарты, но мы не спешим с этим, так как ФГОС-3 по «Востоковедению и африканистике» максимально учитывает специфику подготовки востоковедов в настоящих условиях, а предлагаемые руководством университета макеты создания собственных образовательных стандартов ориентированы на международные стандарты и мало учитывают опыт подготовки востоковедов, накопленный в нашей стране.

Одной из многих проблем, связанных с подготовкой востоковедов в новых условиях, является проблема качества подготовки выпускников средней школы, которая актуальна не только для образовательных центров востоковедения, но и для всех вузов стра-

ны. Введение ЕГЭ, на наш взгляд, привело к тому, что школьное образование, особенно в старших классах, переориентировано на «натаскивание» учеников на успешную сдачу тестов, а не на приобретение знаний в той или иной сфере. Если учесть и тот факт, что век компьютеризации отучил не только школьников, но и студентов, а также многих взрослых от регулярного чтения художественной литературы, прессы, публицистики, то за четыре года обучения бакалавра очень трудно подготовить его к выполнению такой профессиональной задачи, как переводческая деятельность в различных сферах, связанных с восточными языками. Согласно новым ФГОС, востоковед должен обладать общекультурной компетенцией — способностью и готовностью к письменной и устной коммуникации на родном и иностранных (западных и восточных) языках и профессиональной компетенцией — способностью понимать, излагать и критически анализировать информацию о Востоке, свободно общаться на основном восточном языке, устно и письменно переводить с восточного языка и на восточный язык тексты культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера.

С одной стороны, в новых условиях глобализации и интернационализации образования, а также нового информационного поля студенты в настоящее время обладают возможностями краткосрочных и долгосрочных стажировок в стране изучения языка. Практически в каждом вузе есть преподаватели-носители восточных языков. Всё это способствует овладению студентами навыками устной межкультурной коммуникации. С другой стороны, падение общекультурного уровня и уровня владения родным литературным языком выпускников школ затрудняет овладение студентами навыками письменного и устного перевода как с иностранного, так и с родного языка. Доклад предлагает ряд способов решения этой проблемы, а также ещё раз поднимает вопрос о необходимости обновления и омоложения востоковедных преподавательских кадров, что непосредственно связано с необходимостью законодательного повышения статуса преподавателей востоковедов и сокращения их учебной нагрузки по сравнению с другими преподавателями.

Хасавнех А. А.
(Казань)

Мухаммад Мурад Рамзи и некоторые его сочинения, написанные в жанре «табакат»

Личность татарского ученого и суфийского шейха Мухаммада Мурада Рамзи (1855—1934) за последнее десятилетие привлекает все большее внимание со стороны отечественных и зарубежных уче-ных. До сих пор его богатое духовное наследие, оставленное им в основном в виде арабоязычных книг, остается не до конца изученным. Одним из таких малоизвестных сочинений является его труд «Нафаис ас-салихат фи тазйил ал-бакийат ас-салихат» (Драгоценности благих деяний в добавлении к другим благим деяниям). Это сочинение было включено в состав общей работы шейха Шуайба б. Идриса ал-Багини (1853—1912) «Табакат ал-Хваджакан ан-Накшбан-дийя ва-с-адат ал-машаих ал-Халидийа ал-Махмудийа», недавно введенное в научный оборот дагестанскими исследователями. В сочинении рассматриваются биографии накшбандийских шейхов начиная с Мухаммад Захида и завершая Халидом ал-Багдади. Оно написано в широко распространен-ном жанре XIX века — агиографии (табакат); оно включает в себя ценные сведения о житиях крупных суфийских наставников-муршидов накшбандийского тариката, таких как: Худжа ʻУбайдулла Ахрар, Ахмад ал-Фаруки (Имам Раббани), Абдулмаджид б. Мухаммад ал-Халиди, Саʻдуддин ал-Кашгар, Мухаммад ас-Самарканди ал-Имканки, Худжа Мухаммад ал-Баки, Мухаммад Хашим ал-Бадхаши, ас-Сайид Мухаммад Нуʻман и др. Для наших исследователей наиболее ценным является то, что М. Мурад Рамзи включил в это сочинения и сведения о своем соотечественнике, татарском шейхе М.-З. ал-Чистави (Камалове). Вот что, в частности он пишет: «Мавляна шейх Мухаммад Закир афанди ал-Казани ал-Чистави, да продлит Всевышний Аллах его дни, да проявит к нему и нам Свою милость. Он является прославленным преемником (*халифа*) халидийской ветви [Накшбандийского тариката] в наших землях, служит образцом для нас всех. Не осталось ни одного уголка в Каза-

ни, где за ним не последовали бы великие ученые этого города и благороднейшие его представители. Он также являлся ученым во всех науках: рационалистических и традиционных. Он изучал фикх у единственного в своем роде, крупного ученого, покойного шейха Абдуллаха ал-Мучаскарави, да проявит к нему и нам Аллах Свою милость. Затем Мухаммад Закир-афанди занимался преподаванием, извлекая пользу из наук в своей стране в течение долгих лет, полученные знания применял в интересах многих своих современников. Затем он встал на путь халидийской [ветви Накшбандийского] тариката и научился зикру у шейха Махмуда-афанди ад-Дагистани ал-Алмали...». В сочинение включены главы: «Необходимость избегания суфиев, [практикующих ритуальные] танцы», «Пути выхода из разногласий», «Разрешение на переход от одного шейха к другому», Важное для праведного салика — сохранение уважения к шейху, [который является для него] примером во всем», «Наиважнейший раздел о школах нашего времени» и т. д. Кроме этого, сочинение содержит письма-наставления (мактубат) шейхов к своим муридам.

❁

Хохлов А. Н.
(Москва)

Тюрколог Н. Ф. Катанов как исследователь ислама в цинском Китае

Николай Федорович Катанов (1862—1922) известен в истории отечественного востоковедения как замечательный путешественник и авторитетный ученый-лингвист, наиболее успешно работавший в области тюркологии. Его фундаментальный труд «Опыт исследований урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня», изданный в 1903 г. в типо-литографии имп. Казанского университета, был весьма популярен в Западной Европе. Как питомец факультета восточных языков С.-Петербургского университета Н. Ф. Катанов серьезно интересовался историей и культурой тюркоязычных на-

родов, проживавших на смежных территориях России и Китая. Об этом свидетельствуют его многочисленные работы, в том числе по этнографии и нумизматике.

Огромную роль в формировании научных интересов Н. Ф. Катанова сыграла его поездка в северо-западную часть цинского Китая в 1890—1892 гг., куда он отправился по заданию Русского географического общества и российской Академии наук для этнографических и лингвистических исследований некитайских народов тюркского происхождения. О результатах своих исследований он детально рассказал на общем собрании РГО, состоявшемся в С.-Петербурге 19 мая 1892 г.

После посещения верховьев Енисея с декабря 1888 г. по апрель 1890 г., где ему довелось основательно познакомиться с бытом и языком урянхайцев и родственных им карагасов, молодой ученый, следуя трактом из Иркутской губернии в Семиреченскую область, прибыл в г. Чугучак (Тарбагатай). Оттуда летом 1890 г. он отправился в г. Урумчи, резиденцию губернатора провинции Синьцзян, где зиму и весну 1891 г. провел в Тарбагатайском округе. С получением охранного свидетельства от Цзунлиямэня из Пекина молодой исследователь посетил селение Мяоэргоу, находящееся восточнее г. Хами, а затем в марте 1892 г. направился через Турфан в Урумчи и Кульджу. Из пределов Западного Китая Н. Ф. Катанов отправился русским трактом на родину в Минусинский округ Енисейской губернии и только в декабре 1892 г. вернулся в Петербург.

Подразумевая под китайскими татарами все тюркские племена, жившие в прошлом и в настоящее время на территории Западного Китая, Н. Ф. Катанов в своем выступлении перед руководством РГО подробно сообщил о своих впечатлениях, касающихся быта и фольклора горожан Аксу, Логучэна, Турфана и Хами. Он особо подчеркнул: «Все Ганьсу-Синьцзянские татары ревностно придерживаются ислама суннитского исповедания и ханефитского учения, хотя жизнь Хамийского оазиса не обошлась без влияния Китая, сказавшегося между прочим на объяснениях явлений природы и обыденной жизни.

На наречии татар г. Аксу я записал много стихов об Якуб-беке, Мамут-хане, Исхак-ходже, известных в истории [Восточного] Туркестана. Записал также туземный перевод китайского закона, писанный для инородцев, и несколько сказок».

Для исследований Н. Ф. Катанова в период поездок по Западному Китаю весьма характерен его интерес к жизни, истории и особенно к быту некитайских народов данного региона. На это указывает, например, опубликованная в 1893 г. в С.-Петербурге его работа о гаданиях жителей Восточного Туркестана, где сказано: «В китайском Туркестане наиболее верным считается гадание по Корану… Излагаемые здесь гадания по Корану описаны мне 6 апреля 1892 г. в г. Турфане логученским муллою Ходжа-Найханом, сыном бека Мемет-Максуда, родившегося в год свиньи (в 1827 г.)»[1].

Собранный в путешествии по северо-западному Китаю разнообразный материал по истории и культуре народов тюркского происхождения, Н. Ф. Катанов широко использовал в своей последующей педагогической и научно-исследовательской деятельности в Казани. Характерным примером может служить его статья «Правила мусульманского хорошего тона». Она опубликована в первых двух номерах журнала «Кавказский вестник» (Тифлис), (№ 1, с. 91—94, §§ I—IX; № 2, с. 29—38, §§ X—XXXVI). В предисловии к этой публикации автором указано на важное значение первоисточников, послуживших ему основой при подготовке в русском переводе свода упомянутых правил в виде 36 параграфов-наставлений. Это видно из цитируемого ниже текста, значительно нами сокращенного:

«Как в Персии и Турции, так и в Туркестанском крае и Европейской России у мусульман обращаются книги, в которых преподаются правила о том, как нужно вести себя, чтобы быть хорошим мусульманином и порядочным человеком. В одних книгах эти правила излагаются стихами, а в других прозою. Мусульмане говорят, что одни правила исходят от самого Мухаммеда (жившего в 571—632 гг.), другие от великих мусульманских ученых, например Абу-Гурейры (в 677 г.), Суюти (умершего в 1505 г.), Газзали (жившего в 1058—1111 гг.).Иные правила приписывают разным царям, отличавшимся мудростью, например, еврейскому царю Кай-Каусу, сыну Искандара (жившему в XI в.). Многие правила принадлежат, по словам мусульман, мудрецу Локману и разным индийским мудрецам, неизвестно когда жившим. Многие правила сочинены, очевидно в новейшее время. Правила эти для большей убедительности,

[1] *Катанов Н.* Гадания у жителей Восточного Туркестана, говорящих на татарском языке. СПб., Тип. имп. Академии Наук. С. 105—106.

подкрепляются обыкновенно ссылками на Коран и разные священные предания».

Чтобы познакомить читателей со взглядами мусульман на жизнь, автор приводит в двух первых номерах «Кавказского вестника» тексты наставлений в близком к оригиналам (турецкому, татарскому и сартскому) русском переводе, в котором даны общепринятые у татар-мусульман правила о порядочности человека во всех сферах его деятельности.

Отсылая читателей ко всему опубликованному тексту статьи Н. Ф. Катанова, заметим, что при сравнении текста, помещенного во втором номере журнала, с первоначальным машинописным вариантом, сохранившимся в Отделе рукописей РГБ[1], выясняется не только их идентичность, но и наличие изъятых при издании некоторых мест, касающихся сексуального характера взаимоотношений полов.

Чтобы не обременять изложение избранного сюжета специальным разбором «сомнительных» мест, который может оказаться необходимым при научном переиздании упомянутой статьи, обратимся к проблеме контактов мусульманского населения с учеными людьми, занимающимися наукой, обозначенной в параграфе XIX опубликованного варианта, где сказано: «Встречая ученого, здоровайся с ним … сиди перед ним на коленях и старайся спрашивать у него о том, что может принести тебе практическую пользу. В присутствии ученого молчи и своим знанием не хвастайся, чтобы не рыть колодца со стоячей водой на берегу реки с проточной водой. Старайся чаще бывать в ученом собрании, ибо час нахождения в нем — иной раз лучше 40 лет занятий молитвою… Ученого, идущего по улице, никогда не опережай»[2].

Разумеется, в наставлениях, в том числе основанных на Коране, можно найти немало полезных житейских советов не только для молодых людей, вступающих на стезю самостоятельной жизни, но и для лиц старшего возраста, специально посвятивших себя служению науке.

❁

---

[1] Российская государственная библиотека (Москва), НИОР, ф. М., картон 10864, ед. хр. 9, л. 1—14.

[2] «Кавказский вестник». 1900. № 2 (февраль). С. 33.

Худяков Ю. С.
(Новосибирск)

Опыт и перспективы подготовки специалистов по археологии для стран центральной азии в новосибирском государственном университете

В предшествующие десятилетия в Новосибирском научном центре на базе Института археологии и этнографии СО РАН, в рамках международного научного сотрудничества успешно велась подготовка квалифицированных специалистов по археологии для академических научных учреждений и высших учебных заведений стран Центральной и Восточной Азии: Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Монголии и Корейской республики. В аспирантуре этого института обучались молодые перспективные ученые из этих стран, успешно защитившие кандидатские диссертации. Определенным опытом в деле подготовки таких специалистов обладает и Новосибирский государственный университет. В течение последних двадцати лет преподаватели кафедры археологии и этнографии гуманитарного факультета НГУ осуществляли научное руководство подготовкой монгольских археологов в рамках международных образовательных программ и межправительственных соглашений между Россией и Монголией. В настоящее время заключен договор о подготовке специалистов высшей квалификации по археологии и этнографии через магистратуру и аспирантуру между Новосибирским государственным университетом и Евразийским университетом им. Л. Н. Гумилева Казахстана. Молодые специалисты из стран Центральной Азии, входящих в состав СНГ, имеют возможность принимать участие в работе секции археологии Международной научной студенческой конференции, которую ежегодно проводит Новосибирский государственный университет. В 2012 г. эта конференция была проведена в 50-й раз. В работе этой конференции регулярно принимают участие не только студенты, но аспиранты и молодые ученые. Приезжают на эту конференцию молодые исследователи из Казахстана и Узбекистана. В 2012 г. на базе НГУ была проведена LII Региональная археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых «Археология,

этнология и антропология Евразии. исследования и гипотезы», в работе которой приняли участие студенты, магистранты и молодые научные сотрудники из Казахстана и аспирант из Республики Корея, обучающийся в НГУ. Аспиранты и молодые ученые из стран Центральной Азии имеют возможность публиковать результаты своих исследований в изданиях Новосибирского государственного университета, в том числе в журнале «Вестник НГУ», включенном в список ВАК. Археологи из стран Центральной Азии, прошедшие обучение в аспирантуре НГУ, успешно защитившие диссертации и продолжающие работать в сфере образования и науки в своих странах, стремятся поддерживать научные контакты и сотрудничество с учеными Новосибирского научного центра.

Благодаря таким контактам сохраняется научное сотрудничество и обмен информацией о научных исследованиях в этих странах.

❃

Цветкова Н. Н.
(Москва)

Страны Востока и глобализация: многофакторный анализ

Развитие стран Востока в конце XX — начале XXI вв. происходит в силовом поле глобализации. Глобализация как объективный процесс усиления взаимозависимости национальных экономик охватывает не только экономические, но и политические, социальные процессы, затрагивает культуру принимающих обществ, причем культуру, понимаемую как сущностное начало цивилизации.

Связанная с глобализацией западная система ценностей входит в противоречие с системой ценностей восточных цивилизаций. Восприятие или отторжение чуждых ценностей, в частности ценностей общества потребления, зависит и от того, насколько устойчиво сохранились сущностные, коренные элементы культуры как основы цивилизации.

Отторжение чуждых ценностей, кризис и поиски идентичности тем сильнее, чем меньше экономических выгод те или иные группы, общности, социальные (в том числе и сгруппированные по

таким признакам, как гендер, возраст), этнические, этноконфессиональные получают от интеграции в глобальную экономическую систему, хотя прямо пропорциональной зависимости здесь не существует. Глобализация в силу самой логики своего развития, если она протекает как чисто рыночный процесс без ограничения ее негативных последствий на государственном и межгосударственном уровне приводит к усилению неравномерности экономического развития, между странами, внутри стран, к усилению неравномерности в распределении доходов. Глобализация — как посещение супермаркета с грошами в кармане — усиливает демонстрационный эффект, вызывает чувства фрустрации, отчужденности.

Глобализация предстает, прежде всего как процесс экономический, но процесс этот касается различных сторон жизни общества, и поэтому нуждается в многофакторном анализе, в междисциплинарных исследованиях. При анализе экономических процессов в странах Востока в условиях глобализации важно учитывать социокультурный, этноконфессиональный, и, в конечном счете, исторический контекст (специфику истории развития страны), в котором они происходят. И, наоборот, при анализе социокультурных, этноконфессиональных, политических процессов нельзя не принимать во внимание экономические факторы, в том числе реальную вовлеченность страны в глобализационные процессы. Как потребители практически все страны включаются в мировое общество массового потребления. Но нельзя поддерживать высокий уровень потребления, если тебе нечего продать. Реальная включенность страны в глобализацию может быть оценена на основе ряда параметров (балансовая стоимость ПИИ, в том числе на душу населения, по отношению к ВВП; объем экспорта, доля в мировом экспорте; показатели миграционных потоков).

Отнюдь не все страны Азии и совсем небольшое число стран Африки встроились в глобализацию в качестве производителей, экспортеров, площадок для размещения международного производства ТНК (90% всей балансовой стоимости зарубежных прямых иностранных инвестиций приходится на четыре десятка стран, в их числе 10 стран Востока).

Многофакторный анализ необходим и для такой проблемы как международная трудовая миграция из стран Востока. Для принимающих стран следует учитывать экономические параметры — такие,

как доля иммигрантов в создании добавленной стоимости в ряде отраслей, доля оттока переводов иммигрантов в ВНП, и, напротив, для стран-экспортеров рабочей силы — долю поступлений от иммигрантов в ВНП, последствия утечки умов в виде нехватки кадров высокой квалификации.

❋

Черешнева Л. А.
(Липецк)

К 70-летию «августовской революции» 1942 г. в Индии: новые документы и дисскуссионные проблемы

В августе 2012 г. исполняется 70 лет «Августовской революции» 1942 г., произошедшей в Британской Индии в разгар Второй мировой войны и подавленной колониальными властями. Длительное время в отечественной исторической науке не было системных исследований этого подъема освободительного движения ввиду противоречивого и многосложного его характера, равно как и отсутствия необходимого корпуса документов, до поры хранивших гриф секретности. В конце XX — начале XXI веков открылась достаточно широкая документальная база, позволяющая реконструировать историю этой «революции». Во многом тому способствовал выход в свет 12-томного собрания архивных документов и материалов «Конституционные отношения между Британией и Индией, 1942—1947. Передача власти» под редакцией профессора Н. Мэнсерга (Лондон, 1979 — 1983). Официальная и частная переписка премьер-министра У. Черчилля, министра по делам Индии и Бирмы Л. С. Эмери с вице-королем лордом Линлитгоу, доклады губернаторов провинций, письма политических лидеров индийских партий о подготовке и ходе «Августовской революции» содержатся в 1—3 томах издания. Многочисленные публикации документов в Индии и Пакистане, протоколы заседаний парламента, мемуары национальных лидеров, секретные донесения спецслужб и поли-

ции позволяют осуществить дополнительную верификацию первоисточников. Дополнительные возможности открывают новейшие фундаментальные издания документов по региональной и микроистории Индии, в том числе и «Августовской революции», под редакцией Бхаттачарии, Сумита Саркара, Муширула Хасана, Бимала Прасада (Нью-Дели, 2008), биографические своды под редакцией Б. Р. Верма и К. Унникришнана (Нью-Дели, 2004).

Применяя компаративный анализ английских и индийских документов, представляется возможным плодотворно разрешить малоизученные и дискуссионные проблемы «Августовской революции» 1942 г., к числу которых относятся, например, такие, как характер движения, степень его организованности, последствия этой «революции» для Новейшей истории Индии и англо-индийских отношений.

Большинство исследователей считают движение 1942 г. стихийным, неорганизованным, не имевшим единого руководящего центра. Источники свидетельствуют, что это движение готовилось ИНК как общеиндийская сатьяграха Ганди, направленная на бескровное прекращение британского владычества. Однако после упреждающего удара властей по Конгрессу 8—9 августа 1942 г. началось самопроизвольно, осталось без руководства. Секретные донесения полиции указывают на возникновение впоследствии подпольного руководящего «Всеиндийского комитета Конгресса», который не мог заменить репрессированный настоящий ВВК.

Оценки характера движения 1942 г. в зарубежной и отечественной историографии представляют собой широкую шкалу определений — от «бунта» до «Августовской революции». Движение не было «революцией» в классическом понимании термина. Мы заимствуем индийскую дефиницию, но намеренно берем ее в кавычки. Документы позволяют квалифицировать его как массовое антибританское движение под лозунгом «Оставьте Индию!», сочетавшее ненасильственные и вооруженные методы борьбы против колониального режима. Вопреки расчетам его инициатора, Махатмы Ганди, оно не стало чистой сатьяграхой. Развернувшееся в момент реальной угрозы японского вторжения в Индию, оно несло на себе известный прояпонский оттенок, при том, что ни Ганди, ни ИНК, ни участники движения не были связаны с японским военным ко-

мандованием и полностью разделяли антифашистские цели Антигитлеровской коалиции.

Проблема последствий «Августовской революции» также не имеет однозначного решения. Она стала вехой в освободительном движении, утвердила британцев в намерении передать власть индийцам по окончании войны. Однако она способствовала росту мусульманского сепаратизма, приблизила раздел Индии, поставила задачу соотнесения национальных и общечеловеческих приоритетов.

❋

Черникова Л. П.
(Уфа)

Современные российские соотечественники о Китае и китайцах

(страна глазами россиян на рубеже XX—XXI вв.)

В ходе научных контактов и исследований по дальневосточной эмигрантике выяснилось, что российские соотечественники за рубежом оставили значительный след в изучении народов и культур стран пребывания. Этот путь протяжен по времени: с 80-х гг. XIX в. заканчивая первым десятилетием XXI в. и составляет большой массив впечатлений и реакций русского и русскоязычного населения (граждан бывшей российской империи, советских граждан, постсоветского пространства) на особенности традиций и культур стран Востока. Этот материал частично уже введен, а в значительной мере может и должен быть введен в научный оборот отечественного востоковедения. Исследуя эти пласты отражения взаимодействия стран и народов, нетрудно заметить смену исторических и ментальных парадигм развития соседних стран. В данной заметке хотелось бы обратиться к происходящему в области изучения Китая, китайцев, взаимных результатов сближения культур в свете глобализации и современных событий.

В современной России наблюдается все бóльший интерес к КНР и изучению китайского языка, культуры и традиций китайцев.

Все больше и больше российских студентов отправляется в Китай осваивать китайский язык и пытаются его совершенствовать в стране изучения. Вообще, для любого человека, приезжающего в Китай, первые дни и месяцы наиболее насыщенны различными впечатлениями и открытиями. Потом приходит понимание, что, кроме экзотики, есть еще повседневная рутинная работа по освоению и зубрежке китайского языка и его трудностей. После первоначальной эйфории впечатлений, начинаются будни «великих строек»: с погружением в китайские реалии и с необходимостью «впустить в себя» огромное количество любопытствующих [учителей, чиновников из канцелярии иностранных студентов («банконши»), соседей, прохожих на улицах, совершенно незнакомых людей]. И снова приходит понимание, что полученные повседневные знания — это всего лишь поверхностное восприятие окружающей действительности, а настоящий Китай вы пока еще не знаете. Так иностранца-лаовая[1] в Китае постоянно преследует ощущение ежедневно меняющихся реалий (радостных и не очень), которые каждый переживает и анализирует по-своему. Можно согласиться с утверждением, что у каждого иностранца (и россиянина) — свой собственный Китай.

Когда-то, в ходе гражданской войны в Советской России, лавина российских беженцев пересекла границу Китая и влилась в человеческое «китайское море», оказавшись практически совсем не готовой к восприятию языка и культуры восточного соседа. Тогда наиболее образованные представители интеллигенции, дипломатические сотрудники посольств и консульств Российской империи, энтузиасты изучения китайской культуры в созданных СМИ и на уровне школ и институтов, различных публичных собраний и общественных организаций провели поистине титаническую работу по сбору, обработке и популяризации знаний о стране пребывания и особенностях ее народа. Прошло более ста лет, и ситуация почти повторилась (в новой исторической оболочке)! Сегодня огромное число россиян и иностранцев пытаются понять и объяснить себе и другим реалии меняющегося Китая и ее разнохарактерного населения.

Как и везде, иностранцы в КНР четко делятся на две категории — знающих китайский язык и не знающих его. Оставим тех,

---

[1] Лаовай — (кит.) иностранец, иностранщина, не совсем полноценный человек в восприятии китайцев.

кто не знает язык и для кого Китай на всю жизнь останется «незнакомым прохожим» с удивительной историей и традициями.

Знатоки же, в свою очередь, делятся еще на целый ряд подкатегорий, самые заметные из которых — 1. долго живущие в Китае и хорошо знающие китайский язык (продвинутый уровень); 2. знающие китайский язык на среднем уровне и живущие здесь недавно; 3. начинающие китаисты.

Более комфортно себя чувствует те, кто имеет примерно одинаковый уровень языка и схожий опыт проживания в Китае. Трудно общаться с теми, кто только-только приехал в страну (и всё воспринимает в восторженно-благостном ключе); не менее трудно с теми, кто давно живет в КНР и стал уже «почти китайцем». Первым постоянно необходимо что-то объяснять, причем за первыми твоими ответами следует лавина новых вопросов, на которые не всегда есть время и желание отвечать. Вторые — ведут себя так же, но уже в зеркальном отражении по отношению к тебе: на твои вопросы часто нет ответа. Вернее, он у них один: живи, наблюдай, впитывай, и сам все поймёшь!

Поэтому так нелегко тем, кто прибыл в Китай без базы знаний о стране и традициях, кто всё проживает на собственном эмпирическом уровне. Здесь не исключены ошибки восприятия, кроме того, важно не забывать, что любой опыт — дело сугубо субъективное. Ведь многое зависит от обстоятельств и ситуации — от встреч с людьми, которых встретил в Китае, от цепи различных событий, ну и от собственного круга интересов, разумеется! Так, есть категория людей, кто в КНР попадает во всякого рода неприятные истории, — вплоть до тюремного заключения (хотя это и крайний пример)! Другие (чаще всего увлеченные китаисты) — сначала на дилетантском уровне, затем все более профессионально, затем просто на хорошем научном уровне — «вгрызаются» в пласты китайского языка и культуры, делятся своими открытиями с современниками, заводят сайты и форумы профессионалов. О таких информационных форумах хотелось бы говорить почаще (известен форум Восточное полушарие, сайт Это Китай, сайт Русский клуб в Шанхае и множество других). Хотелось бы обратить внимание на один информационный ресурс, открытый студентом 22 лет Александром Мальцевым.

Сайт его называется просто: **Магазета** (т.е. газета Мальцева Александра, http://magazeta.com/china). Здесь есть множество заме-

чательных тем, которые дали бы форы любому профессиональному сайту. Это говорит о том, как изменился современный мир, как важен информационный ресурс Интернета, который дает возможность восполнить пробелы необходимых знаний, причем сделать это мгновенно! На сайте есть разделы для увлеченных китайским языком на любом уровне — продвинутом, среднем, начинающем; есть рубрики «Иероглиф дня», «Иероглиф года», «Лаовайкаст» — радиорубрика для всех, кто интересуется новостями КНР и событиями в повседневной жизни россиян, проживающих в Китае. Имеется обсуждение китайских обычаев и традиций, темы, открывающие наиболее острые проблемы китайского общества сегодня. Авторы здесь задаются вопросом: «Почему в Китае так? Традиции? Консерватизм? А как же это излюбленное китайское «缘分» yuánfèn — [доля, судьба, предопределение]?». Мне особенно импонирует тема «Россияне в Китае», и здесь есть нужные ссылки на статьи российских СМИ, в частности, мне особенно нравится статья Александра Тарасова в «Эксперте» «Трудный русский, лёгкий китайский», вкратце сводящаяся к фразе: «Пока мы с вами пытаемся учить китайский язык, китайцы быстрее выучат русский».

В чем отличие от прежнего подхода в изучении Китая? Если раньше информация записывалась в дневник и записные книжки (мини-архив, который длительное время, до нескольких лет, ожидал своего исследования и опубликования), то теперь впечатления туристов и студентов выкладываются в Интернете практически сразу. Информационное пространство Сети заполняется ежедневно и ежечасно заметками, статьями и авторскими блогами, принося иногда скороспелые «плоды», а иногда — весьма ценную информацию. Это помогает освоению и пониманию особенностей изучаемого народа и страны пребывания, дает возможность с документальной точностью фиксировать происходящие в чужой культуре явления.

Здесь, конечно, становится важным процесс отбора информации и манеры авторской речи. Чаще всего, к сожалению, молодежи не хватает взвешенного подхода, поэтому нередко страницы блогов и сайтов выплескивают сугубо негативные эмоции и демонстрируют непонимание чужой (чуждой) культуры. Пока этот процесс не приобрел всемирного масштаба, так как молодежный сектор Интернета достаточно размыт, да и настрой молодежи обычно иронически-снисходительный. Вместе с тем, в целом, можно утверждать,

что современные технологии и связь «ускоряют» процессы взаимопонимания и взаимовлияния народов и культур, являются своего рода инструментом процесса глобализации. Главное: в редеющие ряды востоковедов вливается когорта талантливой и увлеченной молодежи, значит, научному поиску — быть и развиваться!

❋

Чуфрин Г. И.
(Москва)

Евразийская экономическая интеграция: этапы трудного пути

1. В январе 2012 г. с началом функционирования Единого экономического пространства (ЕЭП) реализация масштабного проекта экономической интеграции между пост-советскими государствами, инициаторами и первыми участниками которого стали Россия, Казахстан и Белоруссия, вступила в свой второй этап.

На первом этапе этого проекта, пришедшегося на 2010—2011 гг. был, как известно, создан Таможенный союз (ТС). В ходе его формирования была намечена и осуществлена унификация основных положений регулирования взаимной торговли между участниками ТС, сформирован единый таможенный тариф (ЕТТ) по всей номенклатуре товаров, ввозимых на территорию членов ТС, создана единая таможенная территория и образована комиссия Таможенного союза в качестве специального наднационального органа управления этим объединением. Важным событием стала отмена в июле 2011 г. таможенного контроля на внутренних границах ТС.

Следствием снижения, а затем и полной отмены таможенных барьеров во взаимной торговле России, Казахстана и Белоруссии стало существенное увеличение их взаимного товарооборота, темпы роста которого 2011 году превысили темпы роста их внешнеторговых операций с другими зарубежными странами.

2. Вместе с тем уже на начальной стадии функционирования Таможенного союза выявилось немало нестыковок и противоречий

между его участниками, продиктованных различиями в деловых интересах и способах их обеспечения и отстаивания.

Тем не менее, страны-члены Таможенного союза в целом положительно оценили итоги первых двух лет деятельности этого объединения и одобрили переход к формированию в рамках ЕЭП более высокого уровня экономической интеграции со свободным передвижением между участниками ЕЭП не только товаров, но и услуг, трудовых ресурсов и капитала. В целях наиболее эффективного осуществления этих задач страны-учредители ЕЭП заявили о намерении формировать согласованную промышленную, транспортную, энергетическую и аграрную политику, а также углублять производственную кооперацию, включая возможное создание совместных транснациональных корпораций. Они обязались также осуществлять дальнейшее сближе-ние и гармонизацию национальных законодательств, а также их унификацию в сферах, определенных 17 соглашениями, составившими основу договорно-правовой базы Единого экономического пространства.

Эти решения были зафиксированы в Декларации о евразийской экономической интеграции, принятой Президентами России, Казахстана и Белоруссии 18 ноября 2011 г.

3. В упомянутой Декларации были сформулированы не только задачи по обеспечению наиболее эффективного функционирования ТС и ЕЭП, но также содержалось заявление о намерении сторон «завершить к 1 января 2015 года кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, и на этой основе создать Евразийский экономический союз».

Как известно, проект создания Евразийского экономического союза стран СНГ был предложен еще в марте 1994 г. Однако в практическом плане ни тогда, ни в последующие годы это предложение не рассматривалось ввиду очевидных расхождений в векторах проводимой странами СНГ экономической политики, носившей по существу центробежный характер в начальный период их самостоятельного развития. И лишь в начале первого десятилетия нового столетия под воздействием целого ряда причин внутреннего и внешнего характера, оказавших негативное воздействие на характер и темпы социально-экономического развития большинства

стран СНГ, центробежные тенденции на постсоветском пространстве стали сменяться центростремительными. Стали восстанавливаться и укрепляться двусторонние, а также создаваться многосторонние связи между постсоветскими государствами не только в экономике, но и в политике, вопросах международной и региональной безопасности.

4. Разумеется, отмечаемое усиление центростремительных тенденций в экономических связях постсоветских стран в последние годы отнюдь не означает беспроблемного формирования ими интеграционных структур, будь то Таможенный союз, Единое экономическое пространство или Евразийский экономический союз.

В частности, новые вызовы перед членами ТС и ЕЭП возникают в связи с присоединением России к Всемирной торговой организации (ВТО). Следствием этого стало, в частности, то, что партнеры России по ТС и ЕЭП, хотя сами еще и не являющиеся членами ВТО, поставлены перед необходимостью принятия вслед за Россией аналогичных взятым ею обязательств перед ВТО. Также перед членами Таможенного союза встает задача адаптировать в той или иной степени уже действующие либо ранее согласованные ими ставки ЕТТ и импортзамещающие программы к новым условиям.

По всей видимости, вызовы не меньшей степени сложности возникнут перед участниками интеграционных процессов на постсоветском пространстве на этапе создания Евразийского экономического союза, в частности, при решении вопросов, связанных с проведением согласованной (не говоря уже о единой) бюджетной политики, созданием общей валюты и единого эмиссионного центра.

5. Несмотря на имеющиеся и ожидаемые трудности и проблемы, эксперты из стран-членов ТС и ЕЭП достаточно позитивно оценивают макроэкономический эффект как уже проводимых, так и намечаемых интеграционных мероприятий.

В опубликованном в начале 2012 г. докладе Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, прогнозируется, что создание Единого экономического пространства Россией, Казахстаном и Белоруссией окажет заметное положительное воздействие на их развитие, способствуя глубоким структурным сдви-

гам в их экономике, росту взаимного товарооборота и ускорению темпов роста ВВП.

Разумеется, по ходу формирования ЕЭП в сделанные оценки и прогнозы будут неизбежно вноситься уточнения и коррективы. Важно вместе с тем подчеркнуть, что в странах-участниках этих процессов на постсоветском пространстве, в том числе и, в особенности, в местных деловых кругах, растет интерес к новым хозяйственным возможностям, которые открываются в ходе интеграционных мероприятий.

Как следствие, интеграционные процессы уже не сводятся исключительно или в основном к реализации государственных или спонсируемых государством программ, но характеризуются все большим вовлечением в них частного бизнеса. Его представители в растущей степени ощущают при этом выгоды от появления нового объединенного рынка и роста его объема, от создания единой таможенной территории, от начавшихся процессов унификации цен на услуги, перетока рабочей силы и т. д., приспосабливая эти выгоды к своим интересам и проявляя встречные инициативы. А это, в свою очередь, превращает экономическую интеграцию на постсоветском пространстве из процесса, инициирован-ного «сверху», на политическом уровне, в неотъемлемую часть повседневной хозяйственной жизни участвующих в ней стран.

❃

Шаблей П. С.
(Костанай)

Основные подходы к изучению мусульманских институтов в казахской степи (XVIII—XIX в.) в современных казахстанских, российских и западных исследованиях

К одним из важных проблем изучения мусульманских институтов в казахской степи в XVIII—XIX в. относятся вопросы о соотношении так называемого «официального» ислама и его регио-

нальных вариаций (презентуемых преимущественно через понятия народного, бытового ислама), оценка российской конфессиональной политики в свете оппозиционных перспектив: от сотрудничества с миром ислама в конце XVIII — первой половины XIX до активной конфронтации с ним во второй половине XIX в., т. е. в период формирования нового взгляда на систему административно-политической и социально-культурной интеграции имперской периферии. Этот процесс сопровождался утверждением новых институциональных структур (Оренбургское магометанское духовное собрание, указные муллы, различные нормативы, регулировавшие функционирование махалли, семейно-брачные отношения и др.), степень легитимности которых в казахской степи является предметом историографических дискуссий.

В казахстанской исторической и востоковедческой науке работы, вышедшие в начале 90-х гг. XX в., тяготели в основном к эмпирической источниковой базе, обходившейся обычным этнографическим описанием. Такой подход в целом заимствовал прежние советские традиции рассматривать религиозную ситуацию у казахов в XVIII—XIX в. как сложную и даже иерархическую систему религиозных напластований (можно даже сказать политеистическую систему). Характерный образец — это работа А. Т. Толеубаева, появившаяся в 1991 г. Здесь ислам рассматривается преимущественно отдельно от параллельных ему «доисламских верований». Очевидно для автора «реликты древних верований и обрядов» имели для казахов не только отдельное бытовое, но и культурно-мировоззренческое значение. Конечно, во введении он допускает мысль, что постепенно ислам и местные культы переплетались, синкретизировались, однако недостаточная методологическая оснащенность и тяготение к прочно сформировавшейся в советской науке традиции рассматривать все, что выходит за грани «официального» ислама «пережитками» или «реликтами», не позволили автору создать цельную и завершенную научную теорию. В своей монографии А. Т. Толеубаев отмечает невозможность «провести четкую грань между доисламским и исламским в мировоззрении и быту народа»[1]. Почти одновременно с этим исследованием увидела свет

[1] См.: *Толеубаев А. Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991. С. 6—11.

и другая работа известного казахстанского исследователя Р. М. Мустафиной, посвященная различным аспектам существования так называемого «бытового» ислама у казахов южного Казахстана в XIX в. Эта этнографическая работа, с одной стороны, более целостно демонстрирует взгляд на исламскую традицию через призму сочетания «доисламских» и исламских сюжетов в народной жизни и обрядах, но, с другой, многие религиозные культы и обряды также выделяются в отдельную от ислама группу религиозных верований, что фактически допускает существование разветвленной (политеистеской) религиозной системы[2]. В работах преимущественно исторического характера важное место было уделено вопросу влияния российской конфессиональной политики на развитие мусульманских институтов у казахов. Практически все основные диссертационные исследования признают, что с конца XVIII — первой половине XIX в. Российская империя способствовала исламизации казахов и, в первую очередь, этот процесс был направлен в сторону укрепления организационных начал развития мусульманских институтов. Однако несомненно, что степень такого влияния не может быть переоценена в сторону коренной трансформации местной культуры или через призму различных вызовов на политику империи. Например, использование ислама как средство сопротивления империи (с большой осторожностью следует говорить о какой-либо религиозной мотивации со стороны казахов, которые участвовали в различных протестных движениях: восстание Батырши, движение Марала Курманова и другое)[3].

В российской востоковедческой науке, пожалуй, в большей мере, чем просто в исторической, появились попытки создать предельно цельные и завершенные научные теории, которые могли бы объяснить своеобразие и трансформацию мусульманских институтов в широкой исторической и региональной перспективе.

---

[2] См.: *Мустафина Р. М.* Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата, 1992. С. 8—15.

[3] См.: *Нургалиева А. М.* Ислам в истории и культуре казахского общества (XVIII — начало XX в.). Автореферат дисс. доктора исторических наук. Уральск, 2009. С. 20—23; *Тасмагамбетов А. С.* История конфессий Казахстана в конце XYIII — начале XX вв.: распространение, организационное развитие и миссионерство (по материалам ислама и православия). Автореферат дисс. доктора исторических наук. Уральск, 2009. С. 20.

Основы фундаментальной теории заложил исламовед С. М. Прозоров. Методологической основой его подхода служит теория догматико-правового, этнического и регионального равноправия и равноценности внутри исламского мира. Это подразумевает отказ от каких-либо оснований противопоставлять «один местный ислам другому».. С другой стороны, если нет единой для всех мусульман «идеальной» модели ислама, «значит, все народы, все этнические группы, принявшие ислам позже, имеют равные права считаться мусульманами — нет «полноценных» и «неполноценных», «истинных» и «неистинных»[1]. Этот прогрессивный взгляд позволяет нам элиминировать прочно сложившуюся в имперский период традицию рассматривать казахов как «ненастоящих» мусульман, религиозное сознание которых было больше связано с природными культами, чем с исламом. Дальнейший шаг на пути фундаментального обоснования процессов сочетания религиозного разнообразия в региональных контекстах сделали сибирские исследователи А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева и И. В. Белич. Их методологические посылки в целом сложились на основе развития цивилизационного подхода. Заявляя в своей работе прекрасный этнографический материал, авторы, в первую очередь, обращают наше внимание на несостоятельность для регионального контекста хорошо известной нам дихотомии «официального» и «народного» ислама. Расматривая религиозное сознание как цельное, нерасчлененное мировоззрение, «как единая и в своем роде стройная система взглядов и верований, А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева и И. В. Белич призывают исследователей отказаться от ретроспекций и конструкций, которые обозначаются как «доисламские», «дохристианские» и, в свою очередь, накладываются на реальную и более современную религиозную практику. Чтобы более успешно определять специфику региональных форм ислама, исследователи вводят такие понятия как локальные культурные комплексы (ЛКК) и культурные диалекты[2].

В западной историографии также были сделаны успешные попытки объяснить особенности развития мусульманских институ-

[1] См.: Ислам на территории бывшей Российской империи. Энцикл. словарь / Под ред. С. М. Прозорова. Т. 1. М., 2006. С. 10—11.

[2] См.: *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009. С. 6—9.

тов у казахов в XVIII—XIX в. Среди ряда важных работ мы бы хотели выделить, в первую очередь, исследования американских ученых Девина ДиУиса и Брюса Привратски, так как именно они смогли разработать на основе массивного нарративного и этнографического материала сильную теорию. Возвращаясь к обсуждению проблемы соотношения «доисламских представлений/пережитков» и ислама эти авторы подчеркивают, что религиозная жизнь казахов должна быть понята (речь идет как о XVIII—XIX в., так и о XX столетии) не как совокупность, включающая «доисламские пережитки», а как контекстуализация ислама. Одним словом речь идет не об утверждении конфликтных множеств религиозных практик, а о попытке всесторонней идентификации практик как части мусульманской жизни. Ключевым элементом в этой теории для Б. Привратски является понятие коллективная память. Она представляет собой своеобразный собирательный архетип прошлого, который поддерживает устойчивый религиозный опыт на основе постоянно воспроизводимых знаний, переживаний, припоминаний о своем религиозном пути. С помощью этого понятия и ряда других Б. Привратски элиминирует привычные для советской и в некоторой степени казахстанской науки двухзвеньевые модели (ислам — «доисламские представления»), доказывая, что так называемая «традиционная религия казахов» (имеется в виду тенгрианство) была сильно исламизирована уже в период Золотой Орды[3]. Близкими по характеру, но ориентированными в основном в плоскость исторических исследований, являются работы американского исследователя Аллена Франка. Его научный интерес, направленный на изучение мусульманских сообществ Волго-Уральского региона и частично казахской степи в XVIII—XIX в., ориентировал современную науку на стремление к созданию целостных научных теорий. В связи с этим исследователь доказал, опираясь на методологию своего учителя Девина ДиУиса и на ряд оригинальных мусульманских текстов, безапелляционность рассуждений о так называемом «ненастоящем» исламе у казахов и, следовательно, неосновательность «приписывать» Российской империи тотальную роль в исламизации номадов. Аллен Франк

[3] См.: *Bruce G.* Privratsky. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. Richmond, Surrey, 2001. P. 15, 20—21.

считает, что на рубеже XVIII—XIX в. произошло не коренное изменение в религиозной жизни казахов, а процесс, который он назвал «исламская трансформация» или «возрождение ислама». Этот процесс, по его мнению, может быть понят только частично как последствие российского правления, если не российской политики, так как вследствие миграции мусульманского населения из Волго-Уральского региона понятие «исламская трансформация» стало массовым феноменом. Однако в сфере коллективного сознания и миропонимания, в чем он полностью согласен с Девином ДиУисом и Брюсом Привратски, ислам был уже глубоко укоренен в народной традиции казахов[1].

Таким образом, мы видим, что современная наука постепенно стремится к созданию более прогрессивных и завершенных исследовательских стратегий. Ислам и его региональные вариации, не могут быть поставлены в дихотомические оппозиции. Ряд исследований успешно продемонстрировали прекрасное сочетание эмпирического материала с выработкой прочного теоретического обоснования.

❁

Шаниязов К. К.
(Ташкент)

Евангельские истории в произведениях средневековых арабо-мусульманских историков

Евангельские истории являются неотъемлемой частью средневековых арабо-мусульманских исторических произведений.

Интерес мусульманских историков к событиям, связанным с евангельскими образами (Девой Марией, Иисусом Христом, Иаковом, Захарией, Иоанном Крестителем и др.), прежде всего, связан с наличием преданий о них в Священном Коране, являющимися

[1] См.: *Frank Allen J.* Islamic transformation on the Kazakh Steppe, 1742—1917: Toward an Islamic history of Kazakhstan under Russian rule // The Construction and deconstruction of national histories in Slavic Eurasia / Ed. Tadayuki Hayashi. Sapporo, 2003. P. 263.

предметом изучения и толкования мусульманских богословов, толкователей Священного Корана — муфассиров и историков. «Популяризации» евангельских историй, несомненно, послужили также неоднократные упоминания о них, в частности об Иисусе Христе, Марии и пророках евангельского периода Пророком Мухаммадом, что было отражено передатчиками хадисов — изречений пророка Мухаммада.

Наиболее ранними из дошедших до нас «всемирных историй», имеющих сведения о евангельских историях, являются:«Китаб ал-Ахбар ат-Тивал» Абу Ханифа ад-Динавери (ум. в 282 г. х./895 г. н. э.), «Китаб ат-Та'рих (Книга истории) ал-Йа'куби (ум. 292 г. х./905 г. н. э.)и «Тарих ар-Русул ва ал Мулук» («История пророков и царей») ат-Табари (ум. 310 г. х./923 г. н. э.). Произведения более ранних авторов, таких как Ибн Исхак[2] (ум. в 151/768 г.) и Ибн Са'д[3] (ум. 230/845 г.), к сожалению, не дошли до нас, но, благодаря ат-Табари и другим средневековым арабским историкам, толкователям Св. Корана и авторам хадисов, ссылающимися на их труды, мы имеем представление об их оценках исторических событий исследуемого периода.

Ал Йа'куби, благодаря своему историческому труду «Китаб ат-Та'рих» («Книги Истории») и ат-Табари своей всемирной истории «Та'рих ар-Русул ва ал-Мулук» (История пророков и Царей»), являются наиболее ранними из дошедших до нас авторов, более подробно (в отличие от ад-Динавери) описывающих события связанные с евангельскими историями и преданиями вокруг них. Оба автора значительно различаются в подходах в освещении истории, как в стиле изложения, так и в выборе своих источников.

Ал Йа'куби, являясь, наряду с ад-Динавери, одним из первых представителей средневековых арабских историков прагматического направления, не пользующимся методом «иснад» (ссылок на свои источники методом ретроспективного перечисления их имен)[4], для

---

[2] Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исхак (ум. 768 г.) — арабский историк, автор биографии Пророка Мухаммада и не дошедшей до нас «Истории Халифов».

[3] Мухаммад ибн Саад ибн Мани' ал-Багдади (ум. 845 г.) — арабский историк, богослов, автор биографии Пророка Мухаммада.

[4] По нашим наблюдениям, данный жанр присущ большинству мусульманских историков, придерживающихся шиитского толка в Исламе.

написания евангельских историй использовал евангелия Нового Завета и Деяния Святых Апостолов, в то время как ат-Табари, опираясь на метод «иснад», приводит эти сведения, ссылаясь на своих предшественников, представляющих различные версии конкретного исторического события или преданий вокруг них, изобилующих мифами и легендами.

Ал-Йа'куби описывает евангельские истории в первой части своего труда «Китаб ат-Та'рих, в главе, озаглавленной «Ал-Масӣх ʻИса̄ бин Марйам» — «Помазанник (Христос) Иисус сын Марии»[1] Развитие событий, связанных с Иисусом Христом, излагается полностью со ссылкой на Евангелия. Перечисляются имена двенадцати апостолов Иисуса Христа. Ал-Йа'куби аннотирует каждое из четырех Евангелий в традиционной последовательности книг Нового завета: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна. Следует отметить, что пересказ содержания евангелий выполнен ал- Йа'куби весьма корректно, без допущения вольного толкования или искажения содержания стихов, ввода собственных комментариев. Полностью пересказывает Нагорную проповедь Иисуса Христа и молитву из Евангелия от Матфея. Пересказ Евангелий он строит в линию взаимодополняющих сведений, как бы подчеркивая вклад каждого евангелиста в изложение событий. Особое значение уделяется Апостолу Павлу в качестве примера духовного прозрения и беззаветного служения Богу.

Ат-Табари приводит сведения об Иисусе Христе в первой части своей «Истории» в главе, под названием: «Упоминание событий, которые были в дни удельных царей (и в нем рассказ о Марйам и ʻИса̄ ал-Масӣх мир им обоим)»[2]. Название главы определяет эпоху и время, в которых происходили события, связанные с Иисусом Христом и отражает датировку этих событий, связанной с доисламскими арабскими преданиями об Иисусе Христе. Пользуясь методом «иснад», подробно излагая содержание сведений используемых им доисламских арабских источников и своих предшественников — арабо-мусульманских историков, авторов тафсиров и хадисов, он сравнивает их с персидскими и христианскими источниками, внося

---

[1] *Ал-Йа'куби*. Китаб ат-Та'рих. I. Бейрут, 1960. С. 68—80.

[2] *Мухаммад ибн Джарир ат-Табари, Китаб ал-Умам ва ал-Мулук, Дар ал-Кутуб ал 'Илмийа*. Байрут, ат-таб'ат ал-'ула, 1407. х, I. С. 345—355.

коррективы в излагаемые события и их датировку. Затем излагает свое мнение, из которого косвенно следует надежность христианских источников.

Евангельские истории, переданные в произведениях арабо-мусульманских историков IX века ал-Йакуби и ат-Табари, проливают свет на мировоззрение ранних мусульман, на их ревностное (в положительном смысле этого слова) отношение к духовным святыням и образам христианства, а также на общность истоков духовных и моральных ценностей двух религий и цивилизаций. На наш взгляд, углубленное изучение темы христианства в средневековых арабо-мусульманских источниках (мало охваченной в современном востоковедении) является актуальным в свете установления точек соприкосновения двух культур и цивилизаций, в том числе углубления межрелигиозного диалога основанного на изучении письменных памятников. Скромным вкладом в этом направлении была бы публикация переводов соответствующих глав вышеуказанных авторов с комментариями, подготовленных автором этих строк.

❋

Шешенин С. Е.
(Москва)

Аспирация и аффрикация в консонантизме ишкашимского языка

Ишкашимский язык, подобно другим памирским, принадлежит к юго-восточной подгруппе иранских языков и входит в индоевропейскую семью. Несмотря на то, что исследования его языкового строя ведутся уже порядка ста лет, единственным примером систематического описания фонетики ишкашимского является работа Т. Н. Пахалиной «Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты, словарь» (1958)».

По результатам этого исследования, одной из характерных черт ишкашимского консонантизма является смыслоразличительная роль придыхательности (аспирации) в противопоставлении глухих

и звонких звуков в оглушённых позициях [Пахалина 1958:31]. Таковыми, по мнению автора, являются позиции абсолютного начала и конца слова — в них звонкие согласные проявляют себя как более аспирированные, нежели глухие.

Тезис о смыслоразличительной роли аспирации в ишкашимском представляется достойным особого внимания по следующим причинам:

1) Одной из языковых универсалий является то, что в языках, противопоставляющих непридыхательные и придыхательные согласные, всегда присутвует либо глухой /h/, либо звонкий глоттальный спирант /ɦ/. При этом в ишкашимском консонантизме на системном уровне эти фонемы отсутсвуют. В заимствованиях из таджикского, /h/ как правило замещается йотированием предшествующего гласного, не произносится в абсолютном начале слова, или просто отсутствует в интервокальной позиции с [i] справа. Такие таджикские слова как /m'ehmon/(гость), /sohibxona/ (хозяин), /ha§t/ (восемь) в ишкашимской вариации звучат как [m'ejmon], [soibxona] и [a§t] соответственно. Таким образом, тезис Т. Н. Пахалиной говорит о нарушении одной из фундаментальных фонетико-фонологических универсалий.

2) В своём исследовании Т. Н. Пахалина опиралась на свои слуховые впечатления, отводя инструменальной части роль вспомогательных средств. В качестве иллюстраций своих акустических наблюдений Т. Н. Пахалина использовала кимограммы, по которым фактически невозможно отчётливо определить время начала озвончения (ВНО) — основной параметр при выявлении аспирации в звуковом потоке. Таким образом, важный тезис оказывается слабо подкреплён экспериментальными наблюдениями.

Появление новых методов акустического анализа позволяет перепроверить данный тезис. Материалом исследования стали записи речи четырёх носителей ишкашимского: Б. Назаровой, Т. Назаровой, Н. Назарова, С. Латифова (далее БН, ТН, НН, СЛ). Все носители относятся к средней возрастной группе, родились и выросли в ишкашимоязычных семьях кишлака Рын (БН, ТН и НН — выходцы из одной семьи), имеют возможность поддерживать общение на родном языке, имеют высшее образование и владеют помимо родного ещё несколькими иранскими языками, русским, а также в разной степени английским. Общий принцип составления эксперимен-

тального списка заключался в том, чтобы каждый согласный звук оказался представлен в трёх позициях: в абсолютном начале слова с последующим гласным звуком, интервокальной позиции и в конце слова с предшествующим гласным звуком.

Экспериментальные записи были сделаны в Москве и Душанбе в формате WAW и MP3 при помощи профессионального звукозаписывающего оборудования.

Основой для составления экспериментального списка послужил словарь и тексты, опубликованные Т. Н. Пахалиной в составе её монографии «Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты, словарь» [Пахалина 1959].

Для нарезки записей использовалась программа Sound Forge Pro 10.0c, для акустического анализа — программа Praat. Акустические замеры производились по параметрам ВНО, наличия\отсутствия аспирации и длительности сегментов

Все участники эксперимента произнесли слова /m'ehmon/ и /sohibxona/ с йотированием или эллипсисом, за исключением ТН, признавшей варианты [m'ejmon] и [m'ehmon] взаимозаменимыми. Сводные результаты замеров длительности фрикативно-аспиративного участка для пар взрывных согласных, различающихся по параметру глухости-звонкости, представлены в таблице 1.

***Таблица 1.* Длительность аспирации**

позиция / звук носитель	Длительность аспирации (мс.)					
	Глухие			Звонкие		
	анлаут	интер-вокальная	***аусла-ут***	анлаут	интер-вокальная	***аусла-ут***
БН						
p b	45	32	***46***	17	11	***47***
t d	38	45	***104***	11	12	***68***
k g	55	46	***61***	11	23	***84***
ЛС						
p b	51	23	***11***	10	—	***11***
t d	75	39	***56***	21	10	***85***
k g	22	47	***61***	21	10	***64***
НН						

p b	28	25	***75***	11	—	***62***
t d	42	66	***118***	15	22	***74***
k g	-	-	***143***	40	26	***73***
ТН						
p b	23	10	***25***	16	15	***32***
t d	28	25	***19***	13	10	***43***
k g	53	46	***81***	12	14	***55***

По результатам замеров можно сделать следующие выводы:

1. Позицией, в которой наиболее интенсивно происходит оглушение, является ауслаут. Поэтому в нем, если следовать логике Т. Н. Пахалиной, должна наиболее ярко проявляться дифференциация звонких и глухих по придыхательности. Тем не менее, результаты замеров показали отсутствие какой-либо взаимосвязи между звонкостью и придыхательностью; более того, как вполне наглядно продемонстрировано в таблице 1, в половине случаев длительность шумного участка после взрыва у глухих взрывных в позиции ауслаута превосходит аналогичный показатель звонкой пары.
2. В таблице цветом выделены замеры, показывающие длительность аспиративно-фрикативного шума ниже 20 мс. Составляя ровно половину случаев, эти примеры демонстрируют, что, в противовес глухим, звонкие взрывные в ишкашимском в значительно меньшей мере склонны к придыхательности, нежели к аффрицированию.
3. придыхательность является в некотором смысле факультативным признаком, параметром системных противопоставлений, то аффрицирование в той или иной степени свойственно всем взрывным согласным и является элементом рекурсии смычки. Поэтому, если длительность шумового участка после взрыва не превышает 20 мс., что является своеобразным порогом восприятия для человеческого слуха, то его скорее следует трактовать как фрикативный.
4. Артикуляционная специфика взрывного увулярного /q/ позволяет более уверенно судить о природе пост-взрывного шумного участка. Сходство спектров аффрицированного фрагмента звучания [q] и фрикативного увуляного [Å] говорит об аффри-

цированности [q] в позиции анлаута и регулярно наблюдается на материале эксперимента в речи других носителей.

В таблице 2 представлены сводные данные по длительности фрикативного сегмента [q] по трём позициям. Благодаря насыщенной структуре спектра, шумный участок различим достаточно отчётливо, чтобы в позиции ауслаута его можно было отделить от упомянутой выше «ложной аспирации» выдоха в изолированном произнесении. В целом аффрицированность [q] наиболее ярко проявляет себя в позиции ауслаута и анлаута, в то время как интервокальная позиция демонстрирует тенденцию к сокращению фрикативного участка.

***Таблица 2.* Длительность фрикативного сегмента [q]**

позиция / носитель	Длительность [q] (мс.)		
	анлаут	интервокальная	ауслаут
БН	58	77	72
ЛС	70	52	86
НН	66	41	114
ТН	66	34	92

Таким образом, критерий аспирированности не является смыслоразличительным для оппозиции звонкие взрывные / глухие взрывные в оглушённой позиции. Длительность пост-взрывного шумного участка у неувулярных взрывных и спектральные характеристики /q/ говорят о том, что в целом консонантизму ишкашимского скорее свойственна аффрикация взрывных, нежели аспирация.

Щур Д. Д.
(Санкт-Петербург)

Изучение средневековых традиций и современных технологий образовательной системы Ирана исследователями Санкт-Петербурга, России и зарубежья

1. Сегодня уровень развития образования в Иране демонстрирует стабильный рост. В Иране обучается около 18.9 миллионов человек. В старшей школе действует порядка 556 000 классов, в каждом из которых обучается около 20 человек. Каждый 45-ый иранец имеет диплом о высшем образовании.

2. Однако важно понимать, что собственно иранская система высшего образования начала формироваться на базе древней иранской культуры и достигла своей вершины уже в период правления Сасанидской династии. В это время первостепенное внимание уделялось медицине, а также изучению, использованию, систематизации и совершенствованию греческой, индийской и иранской научных и практических достижений.

3. С IX века, вместе с появлением и распространением ислама, стали развиваться различные научные центры. Различные слои населения получили относительно равный доступ к образованию. Школы, медресе, мечети, лечебницы, места производства и продажи лекарств, научные и философские центры стали наиболее важными центрами высшего образования.

4. Средневековые иранские традиции сформировали глубокую базу для дальнейшего развития науки и подготовили почву для создания образования современного типа.

5. Изучение этого процесса — это один из аспектов исследований проводимых многими учеными, как в России, так и за рубежом, в том числе рядом петербургских ученых. Многие видные исследователи, такие как, например И. П. Петрушевский, О. Ф. Акимушкин и некоторые другие обращались к этой проблеме в своих лекциях и работах. Современные же петербургские ученые продолжают эти изыскания и сегодня.

Арабская рукопись «Жемчужины диковин и чудес»

Забытый текст рукописи может быть снова возвращен в научный обиход и может снова заговорить, превратившись из архивного документа в стимул обмена новыми мыслями и свежими идеями. Арабская рукопись «Жемчужины диковин и чудес» (ب ئاجعلا قديرخ ب ئارغلا قديرفو), хранящаяся в рукописном фонде Казанского Поволжского Федерального Университета республики Татарстан, представляет собой труд арабских географов раннего средневековья. Большое внимание было уделено исследованию структурных особенностей рукописного материала. Сложность рукописи заключалась в том, что она состоит из двух разных по стилю и содержанию текстов, у каждого из которых утеряна вводная часть. Содержание первого текста заключает в себе географические и этнографические данные. Содержание второго текста охватывает географическую, литературную, историческую и религиозную тематику. Весьма вероятно, что сохранившаяся часть первого текста рукописи была скреплена со вторым текстом рукописи из-за сходства их тематики.

Буквальная интерпретация социально-культурного контекста в анализируемой нами рукописи может вызвать ложные ассоциации. Здесь необходимо прибегнуть к историко-прагматической адаптации текста. Отсылкой к социально-культурному контексту в нашей рукописи будут служить упоминания реалий, известных на фоне арабской средневековой эпохи. По историческому и социально-культурному фону первого и второго текста рукописи, видно, что они отражают реалии эпохи Аббасидов. Однако этому историческому и социально-культурному фону противоречит зафиксированная в конце дата: 934 года хиджры (1528 г.). Возможно, что она была отмечена в указанное время одним из хранителей авторитета далекой старины, который перекачал сказанное в той неизменной форме, которая и дошла до нас.

При тщательном анализе содержимого первого и второго текста рукописи выявилась неоднородность их социально-культурного фона, разнохарактерность композиции, стиля и вложенных в них

источников информации. В первом тексте, явно отражена древнейшая географическая теория о небе, представленного в виде шатра, держателями которого являются горы[1]. Это приводит к мысли о том, что первый текст является оставшейся частью от более древнего труда. Подтверждением этому могут стать отражение унаследованной от древней мифологии теории Большого Моря, окружающего землю со всех сторон. Тут же мы находим упоминание о древних народах-скифах, живших на севере древневосточных цивилизаций, которых называли народом Гог и Магог[2].

В первом тексте рукописи обнаруживаются туманные и противоречивые сведения о море «Кульзум». Факт существования разных форм наименования одного и того же моря в данном тексте свидетельствуют о том, что здесь собраны несколько вариантов сведений с разных эпох. Во втором, главном тексте нашей рукописи данные о море «Кульзум» выглядят более ясными, они ближе к информационному уровню нашей эпохи. В первом тексте рукописи Черное море называется Хазарским, а Каспийское — Хорезмским морем: Арабский географ Ибн Хурдадбех (9 в.) также называет Черное море Хазарским. Такое наименование объясняется наличием Хазарских владений в Крыму, Приазовье и Северном Кавказе в начале 8 века, и вполне естественно, что Черное море называлось их именем. Это показывает относительную близость социально-культурного фона первого текста нашей рукописи к эпохе могущества Хазар в данном регионе. Этнографические данные в обоих текстах нашего рукописного материала тесно переплетаются с топонимическими сведениями.

Для решения проблемы авторства рукописи сначала зададимся следующим вопросом: Достаточно ли при характеристике рукописного материала название титульного автора? А может необходимо будет сначала доказать в какой мере он является автором этого произведения? Известно, что арабская письменность раннего средневековья формировалась на базе устной словесности. Огромное количество информации собиралось без обработки её источников. Отсюда выявлялись те противоречия, на которые жаловались уче-

---

[1] *Томсон Дж.О.* История древней географии. С. 64. Перевод с английского Скаткина Н. И. Изд. Иностранной литературы. М., 1953.

[2] Там же. С. 150, 191.

ные на протяжении многих веков, и на которые указывает анализируемая нами рукопись. Для подтверждения разнохарактерности стиля и композиции двух текстов нашего рукописного материала вполне достаточно обратить внимание на разнородность организации заглавий их статей и личностный опыт авторов.

Из социально-культурных фоновых данных первой части рукописи можно предположить, что она составлялась в 8—10 веках эпохи Аббасидов. Социально-культурный фон второй части рукописного материала явно отличается от первой. Сообщения в ней подкреплены указанием на труды известных арабских средневековых географов. Во втором тексте нашего рукописного материала мы располагаем и некоторыми сведениями о биографии его составителя. Нет сомнения в том, что создатель второй части рукописного материала жил до падения Аббасидского халифата и находился в административно-управленческом аппарате. И вполне вероятно, что имя Сирадж ад-Дин, зафиксированное в конце второй книги нашего рукописного материала, и есть имя её составителя, а оставленная дата, приведшая нас в недоумение, и есть дата конечной её редакции в 934 году хиджры (1528 г.).

При сопоставлении первого текста и второго текста рукописи была выявлена относительная общность социально-культурного фона исторической эпохи Аббасидов. По социально-культурному контексту первой рукописи можно констатировать, что это произведение коллективного творчества ранней эпохи Аббасидов. Противоречивость в ней информации дает нам повод полагать, что существовало несколько вариантов сведений, которые записывались без научной обработки. Возможен здесь и человеческий фактор — ошибки переписчиков, которые могли исказить детали или же пропустить их. На основе контекста второго рукописного материала была попытка воссоздать биографию автора, выяснить круг используемых им источников.

Думаю, что необходимо вновь и вновь обращаться к рукописным источникам, так как их комплексный научный подход поможет глубже понять и проанализировать проблемы нашего исторического прошлого.

Юсупова Т. И.
(Санкт-Петербург)

Некоторые особенности историографии российско-монгольского научного сотрудничества

Географическое соседство и глубокие исторические связи между Россией и Монголией предопределяют взаимный интерес и побуждают к сотрудничеству в различных сферах, в том числе, к тесному научному взаимодействию.

Изучение российско-монгольского научного сотрудничества развивалось, с одной стороны, в рамках истории Российской академии наук и ее международной деятельности, с другой стороны, как одного из направлений межгосударственных отношений двух стран. Кроме того, история российско-монгольского научного взаимодействия является одновременно важной составляющей историографии российского монголоведения. Ранние этапы изучения Монголии российскими учеными и начало сотрудничества РАН и Ученого комитета нашли отражение в работах В. П. Гирченко (1925), А. Д. Симукова (1929), Э. Н. Мурзаева (1948), Н. П. Шастиной (1952). Активизация публикационной активности в освещении этого вопроса наблюдалась в 1970 — 1980-х гг., что было связано с первыми юбилейными датами в истории Академии наук Монголии (создана в 1961 г.) и подведением первых итогов ее международной деятельности, прежде всего на советском направлении. В эти годы вышли публикации Р. Л. Балдаева (1981), Ш. Б. Чимитдоржиева (1978, 1981), К. Л. Малакшанова (1982), В. В. Окнянского (1984), И. А. Суринова (1981), в которых были рассмотрены направления, формы, и содержание научный связей. В этом ряду особое значение занимают труды И. Н. Киселева (1971, 1974), который сфокусировал свое внимание на научном взаимодействии академий двух стран. Однако вследствие идеологических установок того времени и недоступности многих документов, освещающих описываемые события, изложение богатого фактологического материала в перечисленных работах носило констатирующий характер, без проведения контекстуального анализа.

Публикации последних двух десятилетий демонстрируют переосмысление исторического развития научных связей России и Монголии, активное восприятие исследователями новых тенденций в выборе тематики работ и их соотношение с сегодняшним состоянием российской и монгольской науки, ее проблемам и перспективами развития. Следует отметить значительно возросшее, как с российской, так и с монгольской стороны, количество публикаций об ученом секретаре Учкома Ж. Ц. Жамцарано, в которых на основании ранее закрытых архивных материалах рассматривается его научная и организаторская деятельность, вклад в установление сотрудничества Учкома с РАН.

Самой продолжительный формой российско-монгольского научного взаимодействия являлась Монгольская комиссия Академии наук, функционировавшая в 1925 — 1953 гг. Отдельные аспекты работы комиссии были рассмотрены В. В. Митиным (2001, 2002, 2003) и намного раньше затронуты американским монголоведом Дж. Мэрфи (G. Murphy, 1956) в анализе публикаций сотрудников Сельскохозяйственной экспедиции Монгольской комиссии, работавшей в 1947 — 1952 гг. Истории создания и деятельности этого учреждения посвящена монография Т. И. Юсуповой (2006), в которой анализируются причины организации широкомасштабного изучения Монголии, цели, задачи, правовое регулирование работ, взаимодействие Академии наук и Учкома.

Интерес западных монголоведов к деятельности первого научного учреждения Монголии не выделялся в отдельное исследование. Эта проблема рассматривалась, как правило, в рамках общих вопросов истории страны. Одним из наиболее популярных сюжетов международной деятельности Ученого комитета, рассматриваемых европейскими исследователями, является история поездки делегации монгольской молодежи для обучения в Германию и Францию в 1926—1929 гг. Наиболее детальное изучение этой истории рассмотрено в работе S. Wolff'a (1970).

Для разработки проблематики российско-монгольского научного сотрудничества особое значение имеют работы монгольских авторов, основанные на материалах, хранящихся в национальных архивах. Прежде всего, это исторический обзор деятельности Академии наук Монголии ее первого президента, академика Б. Ширендыба («Краткий очерк истории Академии наук МНР», 1981), его же

воспоминания (Бюллетень V Общества российских монголоведов, 2001), а также коллективная монография «История Академии наук Монголии» (2002), книги 108-и томной серии «Монгольская наука» (издаются с 2003), содержащие исследования о жизни и деятельности видных монгольских ученых, руководителях Ученого комитета/ Комитета наук/Академии наук Монголии и исторические очерки развития научных направлений.

❁

Ягафарова Г. Н.
(Уфа)

О традициях и перспективах башкирской лексикографии

Башкирская лексикография имеет более чем двухвековую историю. Первые лексикографических работы, имеющие непосредственное отношение к башкирскому языку, были изданы русскими исследователями и являлись многоязычными словарями. В них главным образом находила отражение этнографическая лексика башкирского языка.

Систематическая работа по составлению башкирских словарей началась в 20-е годы XX века усилиями языковедов Академического центра при Башнаркомпросе. С 30-х годов вопросами терминологии плодотворно занимается Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. В 30—40-х годах издается первая серия словарей, которые способствовали формированию к 50-м годам прошлого столетия нового научного стиля башкирского языка. На протяжении XX века было издано около шестидесяти терминологических словарей по разным отраслям науки, техники и производства, опубликованы русско-башкирские (1948, 1954, 1964, 1994, 2002, 2005, 2007), башкирско-русские (1958, 1996), толковые (1993, 2004), многочисленные учебные словари, а также лексикографические пособия по отдельным семасиологическим и словообразовательным явлениям

языка, которые отличаются последовательным существенным пополнением словников, улучшением качества обработки материала, расширением и уточнением толкований значений слов. Помимо этого, ведется активная работа по созданию новых видов словарей: функционально-когнитивных, частотных, электронных и др.

Следует подчеркнуть, что в истории башкирской лексикографии на базе отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН сформировалась целая научная школа по составлению словарей во главе с такими именитыми лексикографами, как Т. Г. Баишев, К. З. Ахмеров, А. А. Юлдашев (50—70-е гг.), А. Г. Биишев, академик З. Г. Ураксин (1990—2005-е гг.), профессор Ф. Г. Хисамитдинова (в последнее десятилетие). Под их руководством на сегодня проделана огромная лексикографическая работа, подготовлены и изданы многочисленные переводные, тематические, терминологические и другие словари по башкирскому языку. Между тем, изменяющаяся реальность способствовала развитию лексической системы башкирского языка и потребовала обновления ее описания в соответствующих изданиях.

В настоящее время задачи составителей словарей усложняются, т.к. потребности и интересы современных научных и вообще широких читательских кругов расширяются. Словари будут перспективными и востребованными, если дают читателю ответы на самые разнообразные вопросы: они должны быть переводными, толковыми, семантическими, этимологическими и т. д. Большинство этих требований учтено в многотомном Академическом словаре башкирского языка под редакцией доктора филологических наук, профессора Ф. Г. Хисамитдиновой, два первых тома которого вышли в свет в 2011 году. В отличие от предшествующих словарей, Академический словарь стремится максимально полно охватить существующую лексику башкирского языка; является толково-переводным (что можно трактовать как новое направление в практике составления тюркских словарей); содержит в качестве заглавных слов и сложные слова (наиболее спорный вопрос в тюркской лексикографии); особое внимание уделяет раскрытию этнокультурных значений лексических единиц (одно из основных требований современности); приводит перевод значений слов на русский язык, а заглавных слов — на русский, английский и турецкий языки (что значительно расширяет читательскую

аудиторию); дает этимологические справки как общетюркских корней, так и заимствованной лексики. В словаре также решаются задачи орфографии: приложения содержат перечни наиболее употребительных и широко распространенных собственных имен (топонимы, антропонимы, названия организаций, учреждений, предприятий), список аббревиатур и сокращений, нашедших устойчивое применение в современном языке. Думается, словарь, отвечая требованиям современности, за короткое время найдет своего читателя.

Таким образом, традиции в составлении словарей, заложенные башкирскими языковедами в XX веке, в настоящее время не только устойчиво продолжаются, но и значительно пополняются с учетом новых запросов общества.

❁

Ягудин Б. М.
(Казань)

Опыт научно-исследовательских центров по изучению проблем Евразии

(на примере центра евразийских и международных исследований казанского университета)

С апреля 2006 г. по ноябрь 2011 г. в Казанском университете функционировал Центр евразийских и международных исследований (ЦЕМИ). Центр стал академической, неполитической и некоммерческой структурой Казанского университета, открытой для исследователей разных специальностей. Центр евразийских и международных исследований был призван облегчить контакт и обмен информацией среди ученых и всех лиц, интересующихся проблемами Евразии.

Направлениями деятельности ЦЕМИ стали: комплексный поиск и анализ информации в рамках евразийской проблематики; исследования геополитических, социально-экономических и культурных тенденций на евразийском пространстве; создание учебных про-

грамм и программ учебных курсов, предназначенных для системы непрерывного образования, осуществление образовательной деятельности с различными контингентами слушателей; организация обучения языкам народов Евразии; участие в подготовке научных и учебно-методических изданий и других материалов в соответствии с задачами Центра; создание учебно-методического обеспечения дистанционного обучения; организация и проведение конференций, семинаров, симпозиумов как в Российской Федерации, так и за рубежом в рамках евразийских исследований.

Система организации ЦЕМИ включала регулярное проведение исследований по актуальным проблемам политики, экономики, истории, права, этнографии, религии, философии, социологии и международным отношениям в Евразии, а также исследований междисциплинарного характера. Система работы ЦЕМИ включала создание информационной сети, аккумулирующей всю ценную информацию по объектам изучения.

Продуктом деятельности Центра евразийских и международных исследований стали научно-аналитические разработки, аналитические обзоры, проблемные описания, сборники аналитических статей, ежегодники Центра евразийских и международных исследований, а также иные формы представлений научных результатов.

В рамках своей работы Центр евразийских и международных исследований организовал и провел 15 научных мероприятий. Прежде всего это четыре Казанских Евразийских научных форумов (КЕНФ), проведенных в 2008—2011 гг., два международный научно-практический симпозиума «Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы» (2009 г. и 2011 г.), Международный научно-практический симпозиум «Каспийский регион: потенциал, международные отношения, конфликты» (18 марта 2009 г.); Международный научно-практический семинар «Отечественная османистика и туркология: итоги и перспективы» (2 июля 2009 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития российского государства» (ноябрь 2009 г.; на базе филиала Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте); Международная научно-практическая конференция «Исламская революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы» (8—10 февраля 2010 г.);Международный научно-практический симпозиум «Арабо-

израильский конфликт и роль России в его урегулировании» (14—15 мая 2010 г.); Международная научно-практическая конференция «Мустафа Кемаль Ататюрк и кемализм во внутренней и внешней политике Турции» (19—20 мая 2011 г.) и др. В этих научных мероприятиях принимало участие свыше 250 учёных из России, Украины, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Белоруссии, Литвы, Туркменистана, Южной Осетии, Швейцарии, Израиля, Турции, Ирана, Сирии, США, Азербайджана, представлявших ведущие академические и университетские центры.

С 2008 г. ЦЕМИ выпускал ежеквартальный научный и общественно-политический журнал «Евразийские исследования» (ISSN 2072-5663) и ежемесячный информационно-аналитический журнал «Евразийские горизонты» (ISSN 2072-5671). На страницах журналов Центра евразийских и международных исследований печатались ученые и ведущие специалисты из России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, США, Канады, Израиля, Турции, Сирии и других стран.

Среди других научно-издательских проектов стоит упомянуть издание информационно-аналитического «Евразийского ежегодника» (вышло два выпуска за 2008 и 2009 гг.) и «Евразийской энциклопедии».

В общей сложности за 2006—2010 гг. сотрудниками и экспертами Центра евразийских и международных исследований было издано 6 монографий, переведены на русский язык работы труды 3 зарубежных религиозных и государственных деятелей, опубликовано свыше 70 научных статей, а также 4 учебно-методических пособия и 5 учебно-методических комплекса. Сотрудники и эксперты Центра евразийских и международных исследований приняли участие за этот срок в 52 научно-практических мероприятиях (конференции, симпозиумы, форумы, семинары и др.), имевших республиканский, всероссийский и международный статус.

Яковлев А. И.
(Москва)

Развитие культуры в модернизированном обществе Востока: опыт Саудовской Аравии на рубеже XX—XXI веков

Развитие культуры связано с общим социально-экономическим развитием общества, однако имеет свои особенности. Основой культуры остается определенная цивилизация, стержнем культурного развития — религия.

К концу XX века в результате коренных социально-экономических реформ, проведенных в Саудовской Аравии, страна и общество кардинально изменились.

Культура как духовный компонент всякой деятельности, специфическая система норм, ценностей и смыслов или более узко, как создание художественных ценностей, также претерпела изменения. Главное — она усложнилась и потеряла ту органическую целостность, которой обладала ранее.

В ходе стремительной модернизации культура в королевстве оказалась вынужденной не только сохранять и воспроизводить традиционные ценности, но также взаимодействовать с инородной западной (европейской, христианской) и восточной (восточными, языческими) культурами.

Власти пытаются регулировать процесс развития культуры путем жесткого контроля системы образования и средств массовой информации, а также поддержания традиций национальной культуры в сфере художественного творчества и в бытовой жизни.

В вестернизированном и урбанизированном саудовском обществе протекают противоречивые процессы — принятия, отвержения или соединения отдельных элементов национальной и иных культур.

Научное издание

БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЩЕСТВА ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ
ВЫПУСК 20

ТЕЗИСЫ VIII СЪЕЗДА РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Составители:
Л. Б. Алаев, К. В. Бабаев, Д. Д. Васильев,
Л. Н. Латыпов, В. В. Наумкин

Подписано в печать 4.09.2012. Бумага офсетная № 1.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 3493.

Изд-во «Языки славянской культуры»
ОГРН 1037739118449.
Тел.: 8 495 959-52-60. E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: www.lrc-press.ru, www.lrc-lib.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Буки Веди»
Москва, ул. Сущевский Вал, д. 49

ISBN 978-5-9551-0586-4

